

Антон

КЕРСНОВСКИЙ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

вся история
в одном томе

Вся история в одном томе

Антон Керсновский
История русской армии

«Издательство АСТ»

1933-1938

УДК 355.1(091)(470)

ББК 68.49(2)

Керсновский А. А.

История русской армии / А. А. Керсновский — «Издательство АСТ», 1933-1938 — (Вся история в одном томе)

ISBN 978-5-17-158663-8

Главным завершённым трудом русского военного историка-эмигранта А. А. Керсновского (1907—1944) стала четырехтомная «История русской армии», изданная за рубежом в 1930—1940-х гг. и завоевавшая огромную популярность в современной России сразу после ее первой публикации в начале 1990-х гг. Это написанная в русле единой концепции история русской сухопутной армии, начиная от времен Петра Великого до падения Российской империи. В этой книге вы не найдете скучных перечислений воинских соединений с детальным описанием дислокации каждого из них, скрупулезного подсчета соотношения сил, подробнейшего аналитического описания планов кампаний и их ведения. Автор умел находить краткие, но исключительно точные и исчерпывающие характеристики главных параметров подготовки вооруженных сил к каждой войне, лаконично определял важнейшие факторы побед или неудач. Именно поэтому его книга читается как увлекательнейшее цельное художественное произведение с четким сюжетом, основным действующим лицом которого является русская нация, ее государство и ее армия. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355.1(091)(470)

ББК 68.49(2)

ISBN 978-5-17-158663-8

© Керсновский А. А., 1933-1938

© Издательство АСТ, 1933-1938

Содержание

Предисловие	7
Предисловие автора к первому изданию	12
Введение	13
Основные законы русской государственности	13
Вооруженные силы Московской России	15
Том I	18
Глава I	18
Преобразование армии. Реформа 1698 года	18
Внешняя политика Петра Великого	19
Великая Северная война	21
Первый период	21
Второй период войны	27
Третий период Северной войны	32
Прутский поход	32
Окончание Северной войны	34
Восточные дела и Персидская война	35
Петр Великий как политик, организатор и полководец	36
Организация и быт Петровской армии	41
Глава II	48
Эпоха упадка	48
Самодержавие Анны. Реформы Миниха	48
Война за Польское наследство 1733–1735 годов	51
Турецкая война 1736–1739 годов	53
Шведская война 1741–1743 годов	58
Елизаветинская эпоха	59
Глава III	64
Боевая работа Русской армии в Семилетнюю войну	72
Петр III	75
Глава IV	77
Румянцевский период	77
Первая Польская война 1768–1772 годов	80
Первая Турецкая война Екатерины 1768–1774 годов	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Антон Керсновский

История русской армии

Иллюстрация на обложке —

Франц Крюгер. Николай I со свитой. Рейксмюсеум, Амстердам

ОГИЗ

Издательство АСТ

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Книга, которую вы, уважаемые читатели, держите в своих руках, уникальна. Ее с полным основанием можно назвать исторической поэмой в прозе. Это написанная в русле единой концепции история русской сухопутной армии, начиная от времен Петра Великого до падения Российской империи. Примечателен и сам автор книги.

Антон Антонович Керсновский родился до революции в Бессарабской губернии в дворянской семье. В его роду Антонами звали и его отца, и его деда, поэтому автора этой книги можно спутать с отцом – геодезистом, полковником Российской императорской армии, тоже лицом незаурядным, хотя и не настолько известным. По отцу наш Антон Антонович имел польские корни, по матери – греческие. При этом Антон Керсновский оказался до мозга костей русским человеком. Его «История русской армии» написана с глубоко национальной русской позиции. Читатель этой книги вместе с автором переживает до сердечной боли неудач России, всей душой радуется за ее победы. Без преувеличения можно сказать, что нет больше ни одного фундаментального исследования по истории русской армии, которое было бы сделано на основе такого глубокого понимания русских государственных интересов и задач.

В этой книге вы не найдете скучных перечислений воинских соединений с детальным описанием дислокации каждого из них, скрупулезного подсчета соотношения сил, подробнейшего аналитического описания планов кампаний и их ведения. Автор умел находить краткие, но исключительно точные и исчерпывающие характеристики главных параметров подготовки вооруженных сил к каждой войне, лаконично определял важнейшие факторы побед или неудач. Именно поэтому его книга читается как увлекательнейшее цельное художественное произведение с четким сюжетом, основным действующим лицом которого – не пассивным объектом изучения, а активным субъектом описываемых событий – является русская нация, ее государство и ее армия. Даже описания отдельных сражений, чтобы не нарушать стройной логической канвы повествования, вынесены Керсновским в подстрочные примечания.

В большинстве источников годом рождения Антона Керсновского указывается 1907-й. Однако А. А. Керсновский воевал в Гражданской войне в Добровольческой армии генерала Деникина и Русской армии генерала Врангеля, а потом оказался в эмиграции. Даже будучи «сыном полка» или «баклажкой», как называли своих юных помощников-добровольцев белогвардейцы, он вряд ли мог принять участие в военных действиях в столь юном возрасте. Его младшая сестра Ефросинья Керсновская, известная как автор мемуаров о ГУЛАГе «Наскальная живопись» и «Сколько стоит человек», указывала годом рождения своего брата 1905-й, что выглядит более вероятным.

Вернувшись в родную Бессарабию, оккупированную уже румынскими войсками и присоединенную к Румынии, Керсновский недолго задержался здесь. Он окончил Консульскую академию в Вене, затем университет в Дижоне (Франция), прослушал курс во французской военной школе Сен-Сир. Обосновавшись в Париже, Керсновский начал писать статьи на темы военной истории, особенно последней мировой войны. Он анализировал вопросы стратегии и тактики, вооружения армий, взаимосвязи политики и войны. Глубина его познаний и суждений поражала аудиторию. Немцы переводили его статьи, подписывая их «*der russischer General Kersnovski*», хотя Керсновский никогда не имел офицерского звания.

Его прозорливость, точная оценка военно-политических событий поражают и сейчас. Еще до прихода к власти в Германии Гитлера Керсновский предвидел неизбежность Второй мировой войны и предрекал: «Для нас, русских, важно не забывать, что с воскресением германской армии восстанет из небытия наш недавний заклятый враг». Как гражданин Франции, он был призван в 1940 году на войну. «Грустно и несправедливо, – признавался он в одном

из писем, – умирать на чужой земле и за чужую землю, когда я хотел быть полезным своей Родине». Он получил тяжелое ранение, но выжил.

Керсновский публиковался главным образом в «Русском военном вестнике», выходившем в Белграде. Там же с 1933 по 1938 год вышли четыре тома его «Истории русской армии» – главного труда всей его жизни, поставившего его имя в ряд самых проникновенных русских историков. Известность пришла к Антону Керсновскому в эмиграции, а на родине его талант был открыт читателю только в 1990-е годы. Его «История» (в данном издании – все четыре тома) после первой же публикации в 1992–1994 годах завоевала популярность и в дальнейшем неоднократно переиздавалась (в том числе все четыре тома в одной книге) Военным издательством в 1999 году.

Керсновский мог пользоваться только теми источниками, которые русская белая эмиграция сумела вывезти из России. Тем удивительнее, что во всей своей объемистой «Истории» Керсновский допустил только одну фактическую ошибку, да и то относящуюся к предыстории описываемого им времени, – когда написал, что последняя Засечная черта Русского царства проходила ближе всего к Москве, хотя на самом деле это была древнейшая Засечная черта. Впрочем, эта единственная неточность совершенно не умаляет достоинств книги.

Армия – это душа нации, считал Керсновский, а в войнах наиболее ярко и отчетливо отражается дееспособность нации и ее государства. «История русской армии, – пишет он, – это история жизни Русского государства, история дел русского народа, великих в счастье и несчастье, – история великой армии великой страны». Название книги подчеркнуто скромное и не вполне точно отражает суть ее содержания. На самом деле это анализ всей русской государственной политики от Петра I до Николая II, поэтому «История русской армии» Керсновского является концентрированным, через наиболее драматические эпизоды, описанием всей истории России с начала XVIII по начало XX века, проникнутым единым взглядом, который можно обозначить так: национальные интересы – превыше всего!

Керсновский был пламенным монархистом и никогда не скрывал этого. «Сорок князей, царей и императоров в тысячу лет создали Россию, – так начинает он свою “Историю”. – В их черед были правители слабые и неудачные, были искусные и гениальные. Недостатки одних на протяжении веков выравнивались деяниями других. Все вместе создали нашу Родину, ее мощь и красоту, ее культуру и величие – и мы, русские, навсегда останемся их неоплатными должниками». Но его монархизм не был восхвалением прежде правивших монархов. Автор весьма критически оценивает роль каждого монарха с позиций национальных интересов России. Мало кто из российских императоров избежал нелицеприятной критики со стороны Керсновского.

Оценки автором правивших Россией монархов далеки от общепринятых. Например, он высоко ценит Павла I и считает его «самым оклеветанным монархом русской истории». Напротив, Александра I, при котором была выиграна Отечественная война и разбит Наполеон, автор характеризует весьма жестко. «Российской, русской политики в царствование императора Александра I, можно сказать, не существует», – пишет он. Керсновский видит у Александра I пренебрежение к русскому народу и русскому воинству, происходившее из преклонения перед Западом: «Могучий и яркий патриотический подъем незабвенной эпохи 1812 года был угашен императором Александром, ставшим проявлять какую-то странную неприязнь ко всему национальному, русскому. Он как-то особенно не любил воспоминаний об Отечественной войне – самом ярком национальном русском торжестве и самой блестящей странице своего царствования. За все многочисленные свои путешествия он ни разу не посетил полей сражений 1812 года и не выносил, чтобы в его присутствии говорили об этих сражениях».

Самое большое упущение этого царствования Керсновский видит в сохранении крепостной неволи крестьян: «Реформа 1861 года опоздала на полстолетия... Если бы тот рождественский манифест, провозгласив освобождение России от “двадцати язык”, возвестил освобождение от рабства 25 миллионов верных сынов России, то Вифлеемская звезда засияла бы над

ликующей страной. В том великом нравственном подъеме наша Родина обрела бы неисчерпаемые силы для преодоления всех грядущих невзгод и лжеучений».

В царствование Александра I, считает Керсновский, началась роковая война между властью и обществом, первые залпы которой прозвучали на Сенатской площади в Петербурге в декабре 1825 года. На Александра I монархист Керсновский возлагает огромную личную ответственность за будущую революцию. Николай I как поклонник плац-парадной мишуры, муштры и шагистики предстает у автора не более чем продолжателем дела своего старшего брата. Политика Александра I после победы над Наполеоном привела Россию к поражению в Крымской войне.

Не обходится Керсновский и без критических замечаний в адрес следующих императоров. Александр II, по его мнению, проводя военную реформу, слишком увлекся рационализмом. Александр III недооценивал значения красивой военной формы для духа армии.

Сложнее отношение автора к Николаю II. Критиковать царя-мученика напрямую он не решается. Но его анализ политики Николая II – своеобразный приговор последнему императору. Он указывает на множество роковых политических ошибок, допущенных в последнее царствование. Но ведь за каждой такой ошибкой стояло первое лицо государства.

От такой оценки трудно отделаться, читая следующие, например, строки автора:

«В сентябре [1914 г.] Россия подписала так называемый Лондонский протокол, по которому державы Соглашения обязались друг перед другом не заключать сепаратного мира. Этим совершена была самая крупная дипломатическая ошибка за всю войну. Мы лишили себя великолепного орудия дипломатического воздействия... Россия добровольно низвела себя Лондонским протоколом до степени державы второго сорта».

Или:

«Один-единственный раз за всю [Первую мировую] войну Россия вспомнила свою великодержавность и вытекающие из нее права. Сербская армия, брошенная союзниками на произвол судьбы, погибала в Албании. Французы отказались перевезти ее на Корфу. Сын Александра III вспомнил отцовский язык для Европы и сказал через головы оробевших своих дипломатов, что если сербов немедленно же не спасут, то Он, Император Всероссийский, выведет свою страну из войны... Пароходы у союзников немедленно же нашлись. Нашлись бы у них и снаряды, и самолеты (и все – хорошего качества), разговаривай с ними Россия своим природным царственным языком – единственным, на котором мы должны разговаривать с Европой».

Кто же должен был неизменно говорить с Европой таким языком, если не сам государь?

Постоянно критикует автор и стратегическое руководство русской армией в Первую мировую войну, неумение заставить военачальников повиноваться единому плану, единой воле. «Стратегический обзор Мировой войны на Восточном ее театре сам собой превращается в обвинительный акт недостойным возглавителям Русской армии». Но ведь Верховным Главнокомандующим в ней с августа 1915 года был сам государь император Николай II! И это он лично назначал начальника своего штаба и командующих фронтами. Значит, это на него падает основная ответственность за отсутствие дееспособного руководства.

Считая Российскую империю высшей формой русской государственности, Керсновский вольно или невольно подводит своих читателей к мысли, что к началу XX века империя оказалась не на высоте своих задач как русское национальное государство.

Сам строй жизни Российской империи последних десятилетий не мог воспитывать в русских людях патриотов, убежден автор:

«Великая Империя мало что делала для народного образования и решительно ничего не сделала для народного воспитания. Ни священник приходской школы, ни учитель министерской не объясняли детям великого прошлого их страны, не учили знать ее и любить. Из тысячи новобранцев девятьсот не знали цветов русского знамени. А как зовут Царя, они узнавали, присягая ему. От своих офицеров и унтер-офицеров – единственных воспитателей 150-мил-

лионного русского народа – они получали то, что давало им силы умирать героями за эту мало им известную Родину. Народ не учили любить свою страну. Неудивительно, что человек по сути любил лишь свою деревню, до которой “немцу все равно не дойти”, да и в деревне лишь свою избу... Петроградские рабочие-красногвардейцы не родились большевиками, но ими сделались. Они искали социальной справедливости, которой не находили. “Классовое самосознание” выковывалось долгими десятилетиями и в обстановке, как нельзя более благоприятствовавшей обострению социальной розни».

Недостатки духовной организации Российской империи роковым образом сказались в Первую мировую войну:

«Целей войны народ не знал. Сами “господа”, по-видимому, на этот счет не сговорились. Одни путанно “писали в книжку” про какие-то проливы – надо полагать, немецкие. Другие говорили что-то про славян, которых надлежало не то спасать, не то усмирять. Надо было победить немца. Сам немец появился как-то вдруг, неожиданно – о нем раньше никто ничего народу не говорил... Какая была связь между всеми этими туманными и непонятными разговорами и необходимостью расставаться с жизнью в сыром полесском окопе – никто не мог себе уяснить».

Таким образом, монархизм Керсновского обращен не в прошлое, а в будущее. Только в редкие исторические периоды, по его мнению, русская армия органично отвечала своему призванию. Таким периодом он признает почти весь XVIII век. Расцвет самобытной русской военной доктрины наступил в царствование Екатерины II:

«В эпоху господства во всей Европе бездушных прусских рационалистических теорий, формализма и автоматической “фухтельной” дрессировки Румянцев первым выдвигает в основу воспитания войск моральные начала – нравственный элемент, причем воспитание, моральную подготовку он отделяет от обучения, подготовки физической... Гению Румянцева обязана Русская армия появлением Суворова, творчество которого смогло благоприятно развиваться лишь в обстановке, созданной Румянцевым... Румянцев явился основоположником русской военной доктрины».

Керсновский был убежден, что военная доктрина любой страны должна исходить из ее национальных особенностей. Универсальной военной доктрины для всех народов и времен быть не может. Военная концепция основывается на духе и опыте нации. Вот почему автор высоко оценивает самобытные теоретические работы русских военачальников и резко критикует подражания немецким и другим иноземным образцам.

В основе самобытной русской военной доктрины лежит превосходство духа над материей. «Суворов учил: “Мы – русские. С нами Бог”. Его не поняли, стали по-дикарски перенимать чужеземные “доктрины” и “методы”, рассчитанные на сердца других армий. Мы перестали быть русскими... Бог перестал быть с нами».

Квинтэссенцией военной истории России является характер ее войн, «совершенно отличный от войн, веденных другими народами». Он «придает им отпечаток той высшей гуманности, за которую на этом свете не существует человеческой награды... Русский офицер и русский солдат полагали свою душу за “други своя”. Со смертью каждого из них словно одной звездочкой становилось больше на небе. И если бы удалось собрать в один сосуд всю кровь, пролитую ими на протяжении веков на полях Германии и Франции, Галиции и Польши, в горах Болгарии и Армении, то единственной надписью на этой чаше могло бы быть: “Не нам, не нам, а Имени Твоему”».

Россия неизменно вставала на пути завоевателей, стремившихся к мировому господству. В этом состоит ее провиденциальная историческая миссия. «Стоило только когда-либо какой-нибудь европейской армии претендовать на звание “первой в мире”, как всякий раз на своем победном пути она встречала неунывающие русские полки – и становилась “второй в мире”».

Неизреченная красота русского военного искусства и безропотный жертвенный подвиг русского солдата – два лейтмотива, пронизывающие книгу Керсновского. Они являют наивысшее напряжение национального духа, составляющее смысл и значение всей истории России.

Керсновский умер от туберкулеза в Париже в 1944 году под немецкой оккупацией (его жена пережила его на несколько часов, выбросившись от горя из окна). Нет сомнений, что он анализировал опыт текущей войны и следил за успехами Красной армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. К этим успехам он наверняка должен был относиться с двойственным чувством. С одной стороны, для него большевики не изменились с 1917 года и выступали врагом всего национального, русского, всего, что было ему свято и дорого. С другой стороны, они сражались за свое Отечество против немцев, которые характеризовались Керсновским как извечный враг России и славянства. Керсновский не мог не видеть, что в Советском Союзе волею исторических судеб реализуются многие его личные политические чаяния и формируется самобытная военная доктрина. Но выступить в печати с осмыслением уроков Второй мировой войны Керсновскому уже не было дано роком.

Я. А. Бутаков,

кандидат исторических наук

Предисловие автора к первому изданию

Писать о подвигах прошлого не имеет смысла без твердой веры в подвиги будущего. Книга эта, написанная и изданная еще в эмиграции, предназначается для офицеров возрожденной Русской Армии – как слушателей Императорской Николаевской Военной Академии, так и строевых. Одним она сможет помочь при изучении стратегии, военной истории и истории военного искусства, другие узнают из нее то, чему их не научили в «нормальных школах» и на командных курсах.

Основная идея этого труда – это самобытность русского военного искусства, неизреченная его красота, вытекавшая из духовных его основ, и мощь русского военного гения – мощь до сей поры, к сожалению, недостаточно осознанная, вернее, неосознанная совсем.

Ересь «анациональности» военного искусства привела к засорению русской военной мысли иноземными – по большей части с клеймом «made in Germany» – рационалистическими учениями. Все это имело своим результатом Севастополь и три Плевны, Мукден и Сольдау. Минус на плюс не мог не дать минус.

Военная доктрина – всегда национальна. Она составляет – этого никогда и ни на минуту не следует забывать – лишь одну из сторон, одну из многочисленных граней доктрины общенациональной, является отражением духовного лика данного народа, производной его психологии. Из этого в достаточной степени явствует вся противоестественность заимствования иностранных доктрин – все равно, будут ли эти последние «приспособлены к русским условиям» или нет.

Здание Русской Национальной Военной Доктрины, начатое Петром I, Румянцевым и Суворовым, стоит и поныне недоконченным. Со смерти Суворова никто к нему не прикасался. Мы стали копировать иностранные учения, свернули с пути, завещанного нашими великими учителями. И победа покинула нас... Она отлетела от наших знамен, к которым должна была бы навеки быть прикрепленной. Поражения стали сменяться поражениями, одна потерянная война стала следовать за другой.

Свернем с этого гибельного пути и возвратимся на единственно верный – на тот, где вехами служат Лесная и Полтава, Пальциг и Кунерсдорф, Ларга и Кагул, Рымник и Требин. Продолжим этот путь новыми вехами!

И если эти строки помогут проникнуться – конечно, серьезно проникнуться – и начать серьезно работать хоть тридцати читателям – офицерам, автор сочтет себя сторицею вознагражденным за свой скромный труд.

А. К.

Введение

Основные законы русской государственности

Сорок князей, царей и императоров в тысячу лет создали Россию. В их черед были правители слабые и неудачные, были искусные и гениальные. Недостатки одних на протяжении веков выравнивались деяниями других. Все вместе создали нашу Родину, ее мощь и красоту, ее культуру и величие. И мы, русские, навсегда останемся их неоплатными должниками.

В своем исполинском тысячелетнем деле созидатели России опирались на три великих устоя – духовную мощь Православной Церкви, творческий гений Русского Народа и доблесть Русской Армии.

Будучи помазанником Божиим, проникнутый сознанием святости самодержавного строя – русский царь Богу одному отдавал отчет о своих действиях, управлял вверенной ему Богом страной по совести – через посредство лучших ее людей и не вверял судьбы ее бессмысленной толпе, никогда не знающей, чего хочет, и вожакам толпы, слишком хорошо знающим, чего хотят.

Недаром в троичности «Вера, Царь, Отечество» понятие, выражающее идею Родины, поставлено не на первом, а только на третьем месте. Для Русского Народа оно является лишь результатом первых двух, своего рода производной их. Понятие «Россия», неосмысленное предварительно понятием «Вера», неоплодотворенное понятием «Царь», является для него чуждым, абстрактным, лишенным внутреннего содержания и смысла. И далеко не случайность, что когда при советском владычестве не стало ни Веры, ни Царя, – то само собой отпало и понятие «Россия», уступив место сочетанию административных инициалов.

До этого последнего лихолетия России пришлось уже однажды пережить смертельную опасность. Природная династия Рюриковичей угасла, до избрания новой законной династии додумались не сразу (в претендентах незаконных и неприродных недостатка не было – что и создало анархию). Царский престол был пуст... но помимо него существовал еще один престол – престол патриарший {1}.

И этот престол спас тогда Россию. В сложившейся веками русской государственной машине царская власть являлась как бы ходом поршня, а духовная власть патриарха (до учреждения патриаршества – митрополита Московского) являлась своего рода инерцией махового колеса, обеспечивавшей ход машины, когда она начинала давать перебои и поршень становился на мертвую точку. Гениальнейший из русских царей, перестраивая заново эту машину на иноземный образец, упразднил патриаршество и этим нарушил гармонию духовной жизни Русского Народа. Сообщенной Петром стране мощной инерции хватило на полтора с лишним столетия, но, когда она стала иссякать и государственная машина стала давать перебои – спасительной инерции маховика уже не оказалось. И машина остановилась...

Занимая совершенно особое положение среди прочих государств, Россия является страной самобытной, а в духовном отношении и самодовлеющей.

Историческое ее развитие – превращение в великую, а затем в мировую державу – совершалось с севера на юг: от Новгорода к Киеву, от Киева к Царьграду. Это – путь Олега, Святослава и Владимира Святого. Внутренние неурядицы и монгольский разгром с его последствиями заставили Россию в продолжение целых шести веков {2} сойти со своего великодержавного пути. За весь этот тяжкий период русской истории не могло быть и речи о дальнейшем развитии русской великодержавности: шла борьба за самое право существования России, а затем, медленно и с трудом, возвращалось и собиралось утраченное достояние. Это было великим делом нашей первой династии – династии, давшей Александра Невского и Иоанна Калиту.

За все время своего существования России приходилось отбиваться от двух врагов.

Первый враг – враг восточный – приходил к нам из глубины азиатских степей, сперва в облике обров и половцев, затем монголов и татар и, наконец, турок. Эти последние, покорив пол-Европы, превратили Царьград в Стамбул – тем самым став поперек нашего исторического пути.

Второй враг – враг западный. Имя ему было и осталось – немец. Враг упорный и беспощадный, хитрый и бездушный, коварный и бесчестный. На протяжении семисот лет – от Ледового побоища до Брест-Литовска – враг традиционный{3}, но не раз по капризу истории надевавший личину традиционной дружбы – всякий раз все к большей своей выгоде и все к большей беде России.

С восточным врагом боролись Дмитрий Донской, Иоанн III, Великая Екатерина, Царь Освободитель. С западным – Александр Невский, два первых Романова – цари Михаил и Алексей, дочь Петра – Елизавета.

Три царя боролись одновременно с обоими врагами – Иоанн IV, Петр I, Николай II (Царь Грозный, Царь Великий, Царь Мученик).

Царю Иоанну удалось сокрушить восточного врага. Покорение Казани в истории христианства – праздник не меньший, чем битва при Лепанто и освобождение Вены. Однако борьба с западным врагом – вначале успешная – оказалась под конец ему не по силам.

Петр Великий, первый после Александра Невского, заставил западного врага обратиться вспять. В борьбе же с врагом восточным потерпел неудачу.

Удачнее их действовал Император Николай Александрович. На третьем году беспримерной в Истории борьбы ему удалось поставить восточного врага на оба колена, западного на одно{4}... Но тут явился третий враг – враг внутренний, духовный сын западного врага, поспешивший на помощь своему отцу...

И Царя не стало! Ужасной ценой заплатила тогда страна за свою минутную слабость и невольное предательство. Историческая задача России, бывшая накануне своего славного разрешения, снова отодвинулась в кровавую мглу – и для разрешения ее, для признания за собой права за место под солнцем, нам придется еще долго, много и упорно воевать.

Борьба с восточным врагом обратилась для России сперва в защиту христианской веры, а в последующие века в освобождение угнетенных единоверцев и единоплеменников. И тот же освободительный характер приняла и самая большая из ее войн с врагом западным{5}.

Все это сообщает войнам, веденным Россией, характер совершенно отличный от войн, веденных другими народами, и придает им отпечаток той высшей гуманности, за которую на этом свете не существует человеческой награды. Ведя эти войны, Россия выполняла свою задачу – задачу «Божьей рати лучшего воина» – многовековой непрерывный крестовый поход.

Француз умирал за славу, за белое знамя, за императора – и просто за прекрасную Францию. Англичанин погибал на краю света «за все большую Британию» и лил во славу старой Англии свою кровь во все моря земного шара... Русский офицер и русский солдат полагали свою душу «за други своя». Со смертью каждого из них словно одной звездочкой становилось больше на небе. И если бы удалось собрать в один сосуд всю кровь, пролитую ими на протяжении веков на полях Германии и Франции, Галиции и Польши, в горах Болгарии и Армении, – то единственной надписью на этой чаше могло бы быть: «Не нам, не нам, а Имени Твоему».

Вооруженные силы Московской России

XVII век был веком упадка русской государственности. Медленно оправляясь от последствий Смутного времени, Россия Царя Михаила Федоровича не раз переживала тяжелые кризисы, участвовавшие и принявшие грозный характер в правление Царя Алексея.

Правление этого слабого государя{6} не было счастливым, несмотря на присоединение Хмельницким Малороссии. Царская власть ослабела, самодержавие существовало лишь на бумаге, обратившись в господство дьяков. Ссора царя с Патриархом Никоном удалила от Престола единственный государственный ум России того времени. Хозяйничанье же дьяков привело к государственному банкротству (медные рубли) и к закрепощению{7} крестьянского сословия (простая полицейская мера Годунова была превращена в середине столетия в крепостное право стараниями крючкотворцев). Внутри страны не прекращались восстания и бунты. Внешние войны Царя Алексея Михайловича закончились плачевно... Умирая, он оставлял Россию в состоянии несравненно худшем, чем принял.

В 1670-х и 1680-х годах страна погрузилась в глубокий и полный маразм, раздираемая религиозными настроениями, внутренними смутами, придворными интригами и военными бунтами.

Военное бессилие России было полным. Московское правительство, не будучи в состоянии совладать с крымскими татарами, опустошавшими Украину и низовые области своими набегами, унизились до платежа ежегодной дани крымскому хану! Обуздать этих степных хищников, уведших в рабство в Турцию в одном, например, 1688 году свыше 70 тыс. человек, оно было не в состоянии. Русскими невольниками были переполнены рынки Востока и, увы, Запада – что вечным позором ложится на просвещенную Европу, уже тогда торговавшую человеческим мясом с «каннибалами». По мнению известного слависта профессора В. И. Ламанского, с XV века в продолжение четырех столетий (по XVIII век включительно) Великая и Малая Русь и часть Польши лишились от 3 до 5 млн жителей обоего пола, уведенных в турецкую неволю и проданных в рабство.

Вот что он пишет в исследовании архивов Венецианской республики: «Венецианские посланники XVI века говорят, что вся прислуга Константинополя у турок и у христиан состояла из этих русских рабов и рабынь. Не было нянек и кормилиц, если крымцы долго не чинили набегов на Восточную и Западную Русь. Русские рабыни встречаются еще в XV веке в разных городах Италии. Не мало было русских рабов и у мамелюков в Египте. С конца XVI века, в XVII и даже XVIII столетии Венеция и Франция употребляли русских рабов на военных галерах как гребцов-колодников, вечно закованных в цепи. Кольбер особенно не жалел денег на покупку этих рабов на рынках Леванта, а Благочестивый Людовик XIV только иногда прибавлял, чтобы эти “Russians” не были “схизматик”. В таких размерах совершалась в XV–XVIII веках торговля русскими невольниками и невольницами в Европе. Лишь покорением Крыма{8} положен был конец этой позорной для Европы торговли христианскими рабами...» Ослабевшее Московское государство ограничивалось лишь пассивной обороной: от Брянска на Тулу и Каширу – и дальше на Рязань – была проведена укрепленная сторожевая линия, оставлявшая, однако, беззащитными не только новоприсоединенную Малороссию, но и коренные области Московской Руси, нынешние Курскую, Орловскую и большую часть Тульской губернии. Военное дело находилось в полном упадке, как это показывают неудачные походы Голицына на Крым.

Для того чтобы вывести страну из этого маразма, нужна была железная воля и железная рука. Одно и другое сочеталось в младшем сыне Тишайшего.

Мы не собираемся здесь подробно излагать и критиковать реформы Петра I. Это вывело бы нас слишком далеко за рамки нашего скромного труда. Скажем только, что, если бы этого Государя не было, анархия окончательно одолела бы страну, низведя Московию на положение

какого-нибудь Бухарского ханства или Абиссинской деспотии, разделенную на сферы влияния. Большинство реформ Петра были жизненно необходимы, иные были излишни (насилованная ломка быта, глумление над старинными обычаями и традициями, огульно объявленными предрассудками, и т. п.). Некоторые реформы, как, например, упразднение патриаршества, оказались прямо вредны. Военные же мероприятия его – реформа армии, зарождение флота – отмечены печатью гения и одни уже дают ему право именоваться Великим.

Военная система России, как Московской, так и Императорской – резко отличалась во все времена от западноевропейской.

На Западе царил принцип найма, вербовки. Военное дело являлось там прежде всего доходной профессией. Ландскнехты и кондотьеры служили за деньги: сегодня – цесарю и папе против христианнейшего короля, завтра – королю против цесаря и папы. Западноевропейский солдат до конца XVII века был наемником.

В основу русской{9} военной системы испокон веков положен был принцип ее обязательности – принцип долга для каждого защищать Русскую землю – принцип повинности.

Московская рать{10} явилась первой национальной армией в мире, подобно тому, как петровская армия весь XVIII век была единственной национальной армией в Европе.

Регулярное войско – стрельцы – было у нас заведено при Иоанне Грозном. Большая же часть армии состояла из земского ополчения (дворяне и даточные люди), созывавшегося по принципу обязательной повинности в военное время, что придавало вооруженной силе Московского Государства милиционный характер.

«Солдаты, более способные на грабеж, чем на битву», – так пренебрежительно выразился о московских ратниках немец Пуффендорф, наблюдавший Московскую Россию в ее упадочную пору, в XVII веке. Это утверждение мы оставляем на его совести (уж в чем ином, а в недоброжелателях и клеветниках у нас никогда недостатка не было). Летописи московской рати не знают позорных событий вроде разграбления Рима католическими же ландскнехтами Фрундсберга. Магдебург был разгромлен озверелыми рейтарами Тилли, не щадившими ни женщин, ни детей и умертвившими весь гарнизон за упорное сопротивление. А грозный царь Иоанн Васильевич, отпуская на все четыре стороны гарнизон Полоцка, одарил его богато за храбрую защиту. О вооруженных силах Московской России в цветущий ее период – XVI век – предшественники Пуффендорфа судили иначе: «Ни один из христианских государей, – пишет один из них о войске Василия III, – не имеет армии более грозной и лучше устроенной, чем великий князь Московский». В Ливонскую войну рати Иоанна IV не раз бивали в открытом поле шведов и немцев-наемников{11} в равных и даже превосходных силах. Защитники Вендена, не желая сдаваться, удавились на своих орудиях. Наемные солдаты других армий в их положении, наверное, поспешили бы сдать и поступить на службу к новому хозяину! В укрепленных городах московские ратные люди могли отсиживаться и успешно отбиваться целыми годами. Военная история всех стран и народов не знает подвигов, могущих сравниться с защитой Смоленска, Пскова и Троице-Сергиевской лавры.

Дружинники Святослава, обещавшие «сложить свои головы, где его голова ляжет», храбрые жители Козельска – «злого города» Батые, венденские пушкарки, предпочитавшие смерть плену, сергиевские иноки, смольняне{12} и псковичи, целовавшие крест сидеть до конца, – вот от кого произошли по прямой линии полтавские драгуны, цорндорфские фузилеры, рымникские чудо-богатыри! Двух армий – «московской» и «императорской» – не существует, есть одна Русская Армия.

Войска иноземного строя стали у нас заводиться при Царе Михаиле Федоровиче. Первые из сохранившихся патентов выданы полковнику драгунского полка Ван Даму в 1632 году и полковнику солдатского полка Шарлю Эберсу в 1639 году. Признавался желательным состав этих войск на одну треть из иноземцев и на две трети из русских (те и другие – профессионалы). На самом деле они состояли почти сплошь из русских.

В 1642 году сформировано два выборных (т. е. отборных) полка из московских слобожан и стрелецких детей – Первомосковский и Бутырский. Полкам этим суждено было явиться связующим звеном старой московской и новой петровской армий – символ единства и нераздельности Русской Армии. В начале царствования Царя Алексея, в 1648 году, был издан первый в России воинский устав – «Учение и хитрости ратного строя пехотных людей».

Однообразных штатов не существовало. Иноземные полки делились на роты, стрелецкие имели сотенную организацию. Те и другие именовались по полковникам. Число полков колебалось: солдатских (т. е. пехотных иноземного строя) бывало от 25 до 35, рейтарских и драгунских – до 25, стрелецких 40–45 (в одной Москве 18). По росписи 1689 года считалось: «стройных» войск 110 тыс., «нестройных» 55 тыс., «городовых» до 25 тыс. Всего на бумаге тысяч до 200, но плохо организованных, еще хуже дисциплинированных, в общем, слабой боеспособности.

ЖАЛОВАННЫЕ ЦАРЯМИ ГРАМОТЫ УСТАНОВЛИВАЮТ СТАРШИНСТВО КАЗАЧЬИХ ВОЙСК:

Всевеликого Войска Донского – с 1570 г. (первая грамота казакам);

Уральского – с 1591 г.;

Терского – с 1696 г. (самое войско основано позднее – в 1722 г., но уже с половины XVII в. донские казаки селились на Тереке, и грамота эта благорит их за службу в тех краях);

Кубанского – с 1696 г. (по Хоперскому войску, вошедшему в его состав).

ПОЛКИ МОСКОВСКОГО ПЕРИОДА, СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОНЫНЕ:

13-й Лейб-гренадерский Эриванский (1642 г. – Выборный Бутырский, с 1827 г. – Эриванский);

4-й уланский Харьковский, 1-й гусарский Сумской, 11-й гусарский Изюмский, 12-й гусарский Ахтырский (1651 г. – слободские казачьи полки того же имени);

2-й Лейб-драгунский Псковский, 9-й гусарский Киевский, 17-й гусарский Черниговский (1668 г. – соответственно Северский, Киевский и Черниговский слободские «компанейские»).

Том I

От Нарвы до Парижа. 1700–1814 годы

Глава I

Птенцы гнезда Петрова

Преобразование армии. Реформа 1698 года

Службу регулярных войск Московского государства в последние десятилетия XVII века скорее всего можно сравнить с нынешним отбыванием лагерных сборов. Солдаты, поселенные в слободах, мало-помалу омещанивались, утрачивали воинский дух и даже воинский вид. Большинство обзаводились семьями и занимались ремеслами и промыслами, ничего общего с военной службой не имеющими. Под ружьем они находились в общей сложности месяц или два в году. Безвременье 1670-х и 1680-х годов особенно пагубно отразилось на стрельцах, превратившихся в смутьянов и бунтарей – каких-то янычар Московской России и представлявших своим существованием государственную опасность.

Единственно полноценными в то время могли считаться лишь четыре полка: Преображенский и Семеновский «потешные» (учреждены в 1683 году, полковую организацию получили с 1691 года) и оба «выборных» – Первомосковский Лефорта и Бутырский Гордона.

В 1694 году молодой Царь произвел первые большие маневры русской армии, так называемый Кожуховский поход. Маневры эти явили собой точное подобие войны (вплоть до того, что около 70 человек было убито и ранено стрельбой пыжами в упор) и в них участвовало до 30 тыс. войск как старой организации, так и нового строя, причем все преимущества оказались на стороне последних.

Азовские походы окончательно убедили Царя Петра в малой пригодности войск старой организации. Кампания 1695 года закончилась плачевно – беспорядочное отступление от Азова походило на бегство. В 1696 году 70-тысячная армия при поддержке, оказанной ей импровизированным флотом, лишь после двухмесячной осады смогла овладеть крепостью, которую защищало менее 5 тыс. турок. Солдатские полки, не говоря уже о стрелецких, проявили мало боеспособности – еще меньше дисциплины. Наоборот, полки, составленные из призванных на время войны в порядке повинности земских людей – дворян и даточных крестьян, – обнаружили большое рвение при всех неизбежных недостатках войск милиционного типа.

Все это подало Петру мысль целиком обновить состав армии, распустив всех янычар – солдат, рейтар и стрельцов, и вновь набрать профессионалов, на этот раз подневольных, из среды дворян и даточных.

Реформа эта произведена в 1698 году. Все старые полки были распущены и расформированы за исключением четырех упомянутых выше. В эти четыре полка были сведены все, кого Петр считал надежными и пригодными для дальнейшей службы, всего 28 тыс. человек (стрельцов после бунта этого года на службу не брали совсем). В основу новой своей армии Петр положил, таким образом, принцип отбора. Ближайшим сотрудником Царя в проведении этой реформы был генерал Патрик Гордон – ветеран чигиринских и герой азовских походов, переработавший тогда же старый устав 1648 года. Гордон умер в следующем после реформы 1699 году, и смерть его была тяжелой утратой для молодого Царя и молодой его армии.

В 1699 году был объявлен призыв 32 тыс. даточных – первый в России рекрутский набор. Одновременно принято на русскую службу с большим преимуществом (главным образом в смысле окладов) много иностранцев, которым отведено большинство командных должностей в новой армии. Только что закончившаяся война Франции с Аугсбургской Лигой освобождала как раз многих профессионалов шпаги, среди которых наряду с авантюристами попадались и люди высоких качеств.

Весной и в начале лета 1700 года из сверхкомплекта четырех старых полков и новопризванных даточных сформировано 29 пехотных полков, составивших три сильные дивизии, и три драгунских. Большинство этих полков (вначале названных по полковникам) существует и поныне.

Внешняя политика Петра Великого

В продолжение всей своей истории Россия стремилась к свободному морю, как лишенное света растение стремится к солнцу. Русь родилась на волнах – в варяжской ладье – ее национальная политика не могла не быть политикой в первую очередь морской. Щит Олега на вратах Царьграда является символом этой политики и сопряженной с нею великодержавности. Морская традиция была оставлена в упадочную пору русской государственности. В середине XIV века западный наш враг утвердился на Финском заливе, превратив Варяжское море в шведское внутреннее озеро{13}. Русское море стало турецким внутренним озером. Россия была отрезана от обоих своих морей – северного и южного.

Возрождение российской великодержавной идеи при Иоанне III и блистательное ее развитие при Грозном не могло не привести к возрождению основного закона нашей великодержавности – «морской традиции» в политике. Вот причина Ливонских войн. Кровь Рюрика сказалась через семь столетий в предпоследнем и самом ярком из его венценосных потомков.

Петр понимал, что лишь выходом к морю можно вернуть России ее великодержавность. Архангельск и недавно приобретенный Азов не могли иметь значения для развития сношений с заграницей вследствие своего слишком окраинного положения.

Завоевание Черноморского побережья Петр I считал менее срочным, чем приобретение «окна в Европу» на Балтийском море. Прежде всего борьба с такой могучей державой, как Османская Порта того времени, была немыслима без союзников. Союзники же по этой борьбе – Австрия и Польша – отказывались от продолжения Азовской войны. Австрия была озабочена вопросом о только что открывшемся испанском наследстве, Польша, по смерти Собесского, не видела выгод в походах на Молдавию. Затем, даже в лучшем случае, т. е. конечном одолении Турции, пользование Черным морем представляло много неудобств. Выходы из него были в турецких руках, и выводило оно в конце концов в Средиземное море, то есть в страны латинской культуры.

Питая отвращение к иезуитам и опасаясь не без основания роста их влияния в России, Петр не желал завязывать особенно тесных сношений с латинянами. Царевна София была сторонницей латинской культуры и иезуитов. Петр же решил «искать света» на севере – у голландцев (бывших его первыми друзьями) и англичан. Для этого необходимо было овладеть балтийским побережьем, т. е. выдержать борьбу со Швецией. А для этой борьбы уже намечались союзники – Дания и Польша, у которых были свои счеты со швейским королем.

* * *

Выступая на арену большой европейской политики, молодая Россия не имела никакого опыта в этом деле. До сих пор внешние сношения Московского государства ограничивались почти одной Польшей{14}. Понятия о других странах были характера полубаснословного.

Знали, что на севере живет швейцарский король, с которым мы часто воевали, а на юге – турецкий султан, поганой веры. Время от времени отправлялись пышные посольства римско-немецкому цесарю и принимались таковые от него. Про «аглицкого короля» знали, что он живет за морем и царствует «не по Божьему соизволению, а по мятежных чело­веков хотению» – чином, стало быть, будет пониже цесаря. Из остальных иноземцев лучше других знали итальянцев – масте­ров на все руки – зодчих, живописцев, музыкантов и лекарей, и голландцев – мореплавателей и торговцев, живших на Немецкой слободе.

Взаимоотношения иностранных держав были нам совершенно неизвестны. Отправляя в 1701 году Толстого (наш первый посол в Турции){ 15}, Петр наказывал ему узнать, «какое европейское государство турки больше уважают, какой народ больше любят». О количестве войск и кораблей у иностранных «потентатов» сведений не имелось. «Великое посольство» Лефор­та (1697–1698) значительно расширило кругозор Государя (принимавшего в нем участие под именем Петра Михайлова) и его спутников. Еще до того Петр узнал много полезного от иностранцев, живших в России. Дружба с голландцами Брандтом и Тиммерманом (создатель «дедушки русского флота») пробудила симпатии Петра к Голландии и привела к предвзятой неприязни ко врагу Голландии – Франции Людовика XIV. В 1692 году победа англо-голландского флота над французским при Хуге была отпразднована у нас иллюминацией и пушечной пальбой в Преображенском потешном городке (а какое дело могло быть Московскому государству до Франции?). Франко-русские отношения, таким образом, испортились раньше, чем успели завязаться.

Положение же дел в Европе представлялось в следующем виде. Со времени итальянских войн конца XV и начала XVI века характерной и постоянной чертой европейской политики – ее главной пружиной – являлось соперничество Франции с Австрией – христианнейшего короля с римским императором.

Союзниками Франции в этой вековой борьбе были Турция и Швеция. Традиции франко-турецкой дружбы восходят ко Франциску I и Сулейману Великолепному, а франко-шведской – к Густаву Адольфу и кардиналу Ришелье.

Эти два союзника королевской Франции являлись как раз нашими естественными противниками: столкновение России с ними при возобновлении процесса ее государственного развития было неизбежно, начертано на географической карте. И это обстоятельство определило характер франко-русских отношений на весь XVIII век. Вот причина неизменной русофобской политики Бурбонов, традиции которой, несмотря на исчезновение самой причины, сохраняются французскими роялистами и поныне. Появление России на международном ристалище и возобновление ею своей национальной и традиционно великодержавной политики явилось для Франции событием в высшей степени нежелательным, как ослабляющее ее союзников и лишшающее ее их поддержки.

Воинственный Карл XII, не будь он поглощен борьбой с Россией, конечно, не пропустил бы случая ввязаться в Войну за испанское наследство, чем выручил бы Францию, поживившись и сам за счет Англии и Австрии и стяжав себе лавры Густава Адольфа на полях Германии. Поэтому в продолжение всего XVIII века версальский кабинет всегда являлся душой интриг против России; вспомним Шуазеля.

Петр Великий не сходил­ся слишком близко ни с одной из иностранных держав, благодаря чему при нем русская кровь не проливалась за чужие интересы{ 16}.

18 августа 1700 года был подписан мир с Турцией{ 17}, а на следующий день, 19 августа, была объявлена война Швеции. Для России начинался славнейший период ее истории.

Великая Северная война

Готовясь к войне с могущественным северным соседом (численность населения Швеции тогда превышала Россию), Петр заручился союзом с Данией и Польско-Саксонским королевством. Дания чаяла возвращения областей, отторгнутых от нее Швецией по Копенгагенскому и Альтонскому мирным договорам. Польский же король Август II, курфюрст Саксонский, избранный по смерти Собеского в 1697 году, надеялся этой войной, предпринятой под предлогом возврата Польше Лифляндии, упрочить свою шаткую власть в Речи Посполитой.

Союз был заключен в 1699 году. В том же году польско-саксонские войска вошли в Лифляндию, открыв этим кампанию. Россия военных действий пока не начинала, занятая мирными переговорами с Турцией и устройством своей армии.

Состояние этой последней (около 60 тыс.) оставляло желать лучшего. Ненадежные элементы были, правда, удалены, но вновь сформированные полки, за исключением четырех старых, имели характер импровизированных войск. Призванные на службу даточные люди были необученные, недисциплинированные, плохо одеты и снаряжены. Большую часть высших и значительную средних командных должностей занимали, как мы уже видели, иноземцы, незнакомые с русскими условиями, обычаями, традициями, даже языком. В своем большинстве они презирали и третировали свысока своих русских сослуживцев и подчиненных, плативших им дружной ненавистью. Это взаимное недоверие «верхов» и «низов», в связи с общим неустройством импровизированных «мужицких» войск, предвещало мало хорошего при столкновении со шведской армией, справедливо считавшейся тогда лучшей в мире.

В Великой Северной войне мы можем различить три периода. Первый – период коалиционной войны и триумфа шведского оружия (1700–1706). Нарва и Фрауштадт знаменуют собой апогей славы суровых протестантских полков. Второй и решительный период – единоборство России со Швецией, закончившийся достопамятной полтавской викторией (1707–1709). Третий период (1710–1721) от Полтавы до Миштадта – через Фридрихштадт, Гангут и Гренгам – это добивание Швеции совместно с бывшими союзниками, немедленно поспешившими на помощь победителю. Прутский поход представляет собою отдельный эпизод этого третьего периода и имеет с ним тесную внутреннюю связь.

Первый период

В марте 1700 года военные действия были открыты датчанами. Датский король вторгся с войском в шведскую Голштинию^{18} (на которую он претендовал), оставив свои владения незащищенными. Этим немедленно воспользовался Карл XII и нанес Дании молниеносный, сокрушительный удар. С небольшой, но отборной армией он в мае внезапно высадился на о. Зеландия и угрозой сжечь незащищенный Копенгаген заставил датского короля положить оружие. Мир с Данией (в Травендале) был заключен 18 августа – таким образом, в самый момент выступления России один из членов коалиции выбыл уже из строя.

Решив бить своих противников по очереди, Карл XII из Дании морем отбыл в Лифляндию против поляков и саксонцев, осадивших было Ригу. Однако король Август, встретив отпор гарнизона и узнав о прибытии в Пернов шведской армии, счел за благо снять осаду и ретироваться восвояси.

Оставался третий враг – «московиты». Действующая русская армия – три дивизии, силой в 42 тыс. человек при 145 орудиях – вторглась в сентябре в шведские пределы. План Петра заключался в овладении Ингерманландией для разъединения шведских владений – Финляндии с Эстляндией и Лифляндией. Для этого надлежало осадить и взять Нарву, которую Царь, по примеру своих предшественников, считал ключом к Ингрии. Малочисленность шведских

гарнизонов, казалось, способствовала успеху операции. Армией командовал герцог де Сент-Круа – французский гугенот, недавно принятый на службу и занявший место, но, увы, не заменивший покойного Гордона. Резервы в Москве устраивал князь Аникита Репнин.

Осада Нарвы затянулась, и осаждающие, вследствие плохого своего устройства, стали испытывать большие лишения, нежели осажденные. Петр I отбыл в Москву из армии наладить продовольственную часть.

Тем временем к Нарве подошел Карл XII – и 19 ноября 1700 года русская армия потерпела здесь самое жестокое поражение за всю свою историю. Большею части ее пришлось положить оружие – остатки бежали к Новгороду, на резерв Репнина... Шведов было в пять раз меньше русских – всего 8 тыс. человек при 37 орудиях. Сильная метель скрыла их приближение к русской позиции, но, несмотря на ее неожиданность, первая шведская атака была отражена. Внезапно вспыхнула паника в коннице Шереметева, вдруг обратившейся в бегство. Крик – «немцы изменили!» – пронесся по всему лагерю, солдаты принялись избивать иноземных офицеров, которым оставалось лишь одно спасение – сдаться шведам. Гарнизон Нарвы под начальством энергичного генерала Горна, в свою очередь, предпринял вылазку. При втором натиске шведов побежали все. Дивизии Трубецкого и Вейде положили оружие сразу, третья дивизия Головина – лишь после упорного сопротивления, за что сохранила знамена и ружья. По капитуляции русская армия сдала шведам всю свою артиллерию, обоз, знамена и оставляла военнопленными всех генералов. Остальные отпускались. Карл XII, не считавший «этих мужиков» для себя опасными, совершил ошибку – он отпустил своих будущих победителей «и за нарвскую победу днем Полтавы заплатил»... Наши потери – 6 тыс. убитыми и ранеными. Шведам эта победа даром не досталась – они лишились 2 тыс. человек – четвертой части своего маленького войска. В память Нарвы, где Преображенский и Семеновский полки спасли честь русского оружия, офицерам этих полков и 1-й батареи Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады (бомбардирской роты) пожалован нагрудный знак – первый знак отличия русской армии.

Герцог де Сент-Круа поспешил вручить свою шпагу победителю, его примеру последовали почти все начальники из иноземцев. «Пусть сам черт воюет с такой сволочью», – заявил он при этом.

Полвека спустя, вечером Цорндорфского побоища, другой иноземец – и на этот раз великий полководец – выразился несколько иначе о русских солдатах – «Этих людей легче перебить, чем победить!» Оба эти изречения – каждое верное для своей эпохи – нагляднее всего показывают размеры славного пути, пройденного русской армией в начале XVIII века и позволяют оценить по заслугам труды «птенцов гнезда Петрова» и самого великого преобразователя.

Считая Россию окончательно вышедшей из строя, Карл XII обратил все свои усилия против Августа II. Война стала вестись на двух отдельных театрах: польском (главные силы шведов с королем) и прибалтийском (заслон).

Оставив на этом последнем театре корпус Шлиппенбаха (8 тыс.) в Лифляндии и отряд Кронгиорта{ 19 } (6 тыс.) в Ингрии, Карл счел эти силы достаточными для удержания «русских мужиков», пусть даже и превосходящих их числом во много раз. По низложению Августа II с польского престола и после разгрома Саксонии (на что шведский король полагал одну-две кампании) можно было бы добить «москвитов», если Шлиппенбах почему-либо не управился бы с ними до тех пор.

* * *

Ужас и смятение охватило Россию при известии о нарвском погроме. Армия лишилась начальников, задержанных в свейской неволе – лишилась и всего своего «снаряда». Дух войск, даже и не бывших в деле, был подорван, в продолжении войны отчаивались...

По глухим просекам дремучих ингерманландских и новгородских лесов шли, погибая от голода и стужи, толпами и поодиночке, остатки разоруженного шведами сермяжного воинства – первой регулярной русской армии... Тысячи их погибли в ту памятную зиму – из уцелевших же вышли полтавские победители.

Среди общего уныния не терялся один Царь, думавший только о скорейшем поправлении расстроенных дел. В течение зимы 1700–1701 годов реорганизована вся армия, вновь сформировано 10 драгунских полков, а из церковных и монастырских колоколов отлито 270 орудий – вдвое больше, чем потеряно под Нарвой.

К весне 1701 года главные силы русской армии (35 тыс.) сосредоточились у Пскова под начальством Шереметева. Репнин с 20 тыс. был послан «для оказания сикурсу» Августу II, – но после поражения саксонцев под Люцаухсгольме вернулся назад.

Решено было двинуться в шведские пределы, но далеко не зарываться. В бой вступать лишь при наличии подавляющего численного превосходства и, действуя осторожно и осмотрительно, постепенно приучать войска к полевой войне, закаливая их переходом от более легких к более трудным задачам. Двести с лишним лет спустя, в 1917 году, тем же путем (наступления с ограниченной целью) воссоздал мораль и боеспособность своей армии французский Шереметев – генерал Петэн.

1701 год весь прошел в незначительных стычках, но в конце его – 29 декабря – Шереметев одержал первую крупную победу над шведами при Эрестфере (взято до 2 тыс. пленных), что имело громадное влияние на дух русских войск. Трофеями в эту первую победу было 16 знамен и 8 пушек. Шведов перебито до 3 тыс., наш урон – 1 тыс. человек.

В 1702 году Петр Великий решил воспользоваться разобщенностью шведских сил и разбить их порознь. Шереметев в Ливонии должен был действовать против западного корпуса шведов – Шлиппенбаха, Петр же с главными силами шел на север в Ингрию – против Кронгиорта. Главным оперативным направлением вместо западного – «нарвского» – стало северное: линия Невы.

Получив известие о движении шведского флота в Белое море и угрозе Архангельску, Петр поспешил туда. Шведы были отражены, и в устье Северной Двины над ними одержана первая морская победа (захвачен фрегат){20}. В августе 1702 года русская армия тронулась в обратный путь с Белого моря на Ладогу по непроходимым скалам и лесам (причем солдаты на руках несли два небольших корабля – зародыш нашего будущего Балтийского флота).

Прибыв на Ладожское озеро, Петр, несмотря на начало осени, положил овладеть Ингрией и в первую очередь – линией Невы. Находившиеся здесь крепости – Нотебург (у Ладожского озера) и Ниеншанц (у Финского залива) – были гораздо слабее Нарвы, защищались небольшими гарнизонами, и утвердиться на взморье в устьях Невы было гораздо легче, чем в устьях Нарвы. Кроме того, вклиниваясь здесь в шведскую территорию, Петр разобщал Швецию и Финляндию с Ливонией.

После трехнедельной осады Петр овладел Нотебургом, переименованным в Шлиссельбург (Ключ-город), вслед за тем сдался Ниеншанц. Нотебург защищало всего 450 шведов под командой полковника Шлиппенбаха. Петр подступил к нему с 14 полками (28 тыс. человек с 43 осадными орудиями). 26 сентября крепость обложена, а 14 октября взята штурмом. Штурмовавший отряд князя Голицына (2500 человек) был сперва отражен, понесся жестокий урон. Царь приказал тогда Голицыну отступить.

«Скажи Государю, – ответил посланному Меншикову Голицын, – что мы здесь уже не в царской, а в Божьей воле. Ребята, за мной!»

Эскапада удалась, несмотря на жестокий огонь. Наш урон – до 1500 человек (538 убитыми, 925 ранеными) – в 3,5 раза больше, чем было гарнизона. Шведы выпущены из крепости с воинскими почестями и, в воздаяние храбрости, с пулями во рту. (Их уцелело едва ли 150 человек.) Ниеншанц защищало 600 человек (полковник Апполон) с 28 орудиями.

Тем временем в Ливонии Шереметев 18 июля наголову разбил Шлиппенбаха при Гумельсгофе, совершенно уничтожив его корпус. При Гумельсгофе наши силы были в подавляющем превосходстве, 30 тыс. против 7 тыс. шведов{21}. Бой велся с крайним ожесточением: 5500 шведов перебито, всего 300 взято в плен с 16 знаменами и 14 орудиями. Наш урон – 400 убитых и 800 раненых.

В 1703 году на месте Ниеншанца был заложен Санкт-Петербург. Заветная мечта Царя осуществилась. Россия твердою ногою стала на берегах Балтийского моря! Весь этот год продолжалась мелкая война в Ливонии и Эстляндии, и окончательно завоевана Ингрия. Были взяты Копорье и древний Ям (на месте коего заложен Ямбург). Всюду оставлены крепкие гарнизоны.

Утвердившись на Неве, Петр обратился на свой западный фронт – и весною 1704 года двинулся в Эстляндию. Штурмом взяты Дерпт и Нарва. У Шереметева под Дерптом было 23 тыс. человек при 46 осадных орудиях. Крепость защищало 5 тыс. шведов со 133 орудиями. Осада начата 10 июня, штурм произведен в присутствии Царя в ночь на 12 июля. Нарву защищал тот же комендант, что и в 1700 году – генерал Горн, имевший 4800 человек при 432 орудиях (считая с запасными). Штурм при личном участии Петра имел место 9 августа (осада началась 27 июня) и отличался жестокостью – из всего гарнизона осталось в живых 1848 человек. Петр I прекратил начавшийся было грабеж, собственноручно заколов одного солдата-грабителя. В то же время в Польшу, на помощь Августу II, двинут корпус князя Голицына (12 тыс.).

Таким образом, четырьмя кампаниями 1701–1704 годов шведские войска, оставленные против русских, были истреблены, большая часть Прибалтики завоевана, и русская армия силою до 60 тыс. – приучена к действиям в открытом поле.

* * *

Дела в Польше приняли тем временем дурной для наших союзников оборот. Карл XII, вторгнувшись в 1702 году в Польшу, овладел Варшавой и в ряде боев разбил польско-саксонские войска. Кампании 1702, 1703 и 1704 годов в общем походили одна на другую: Карл XII выступал в поход из варшавского района, Август II, пользуясь уходом шведов, занимал свою столицу. Шведский король возвращался тогда и гнал Августа по всей Польше... Военное счастье неизменно сопутствовало шведскому оружию, причину чему надлежит искать в превосходных качествах и организации шведской армии. Блестящие победы над сильнейшим врагом создали юному королю ореол непобедимости – как в глазах собственных войск, так и в глазах врагов, дух которых начал заметно падать. Саксонцы никогда не отличались особенным искусством в ратном деле, о поляках вообще нечего говорить: постоянной армии у них в этот упадочный период почти не существовало – ополчение же (т. н. «посполитое руженье») было качеством ниже нашей «нарвской» армии. Войну эту вели, собственно говоря, шведы с саксонцами на территории польского государства, польские контингенты были и у тех, и у других (сторонники Августа, сторонники шведов, партии Лещинского). В 1704 году по настоянию Карла XII сейм низложил Августа и провозгласил королем главу шведской партии – Лещинского. Август обратился за помощью к Царю.

Шведский король не умел пользоваться плодами своих побед. Он гулял по Польше со своей небольшой, но превосходной армией, одерживал победы, но нисколько не заботился об упрочении своих завоеваний и организации завоеванных областей (это, впрочем, было трудно, принимая во внимание анархизм поляков). Стоило ему лишь удалиться из какой-нибудь местности, как ее немедленно занимал противник. Все завоевания Карла XII были поэтому бесплодны.

Овладев балтийскими провинциями и став твердой ногой в устьях Невы, Петр I решил перенести войну в Польшу. Весной 1705 года русская армия двинулась в Курляндию и к лету вытеснила оттуда шведские войска Левенгаупта. Верный своему всегдашнему обыкновению, Царь оставил на завоеванной территории сильные гарнизоны.

Приведя в сентябре армию в окрестности Гродны, Петр сдал начальствование над ней Августу II, а сам уехал в Москву. Армия расположилась в Гродне на зимние квартиры.

В декабре 1705 года Карл XII, стоявший в лагере у Блоне, внезапно вывел большую часть своей армии из зимних квартир и быстрыми маршами двинулся с Варты на Неман – под Гродну. С ним было 20 тыс. отборного войска, и он надеялся принудить русских (25 тыс., почти исключительно пехоты и 10 тыс. союзников – саксонцев и поляков, главным образом конницы) выйти из гродненского лагеря и принять бой в открытом поле, где их участь была бы решена. 14 января 1706 года шведы установили блокаду Гродны.

Положение русской армии сделалось критическим, особенно после того как Август II оставил ее на произвол судьбы, выступил из гродненского лагеря с саксонцами и кавалерией. Король Август увел с собой не только своих саксонцев, но и четыре русских драгунских полка. В составе русских сил у Гродны осталось 45 слабых пехотных батальонов и два драгунских полка.

Русские стали терпеть жестокие лишения, не будучи в состоянии, за отсутствием конницы, производить фуражировок. В лагере быстро развились цинга, тиф и всевозможные поварные болезни, от которых к концу зимы погибло 8 тыс. человек – примерно третья часть всего войска. Принявший начальство над армией фельдмаршал Огильви ни в коем случае не хотел рисковать битвой – благоприятный для шведов исход ее был ясен, да и инструкции Петра категорически запрещали ввязываться в бой. Огильви был принят на русскую службу из саксонской в 1704 году. Хороший администратор, он наладил хозяйственную и строевую часть и известен составлением первых штатов («табели») русской армии.

Узнав о таком бедственном положении своей армии, Петр употребил все меры для ее спасения. Он сосредоточил 12 тыс. в Минске и приказал Мазепе с казаками (25 тыс.) соединиться с ними для совместных действий по деблокаде Гродны. Когда же вовсе была потеряна надежда на помощь Августа II, Царь приказал Репнину (фактически командовавшему армией за Огильви) держаться в Гродне до вскрытия рек, а затем, пользуясь прочно устроенным мостом через Неман и довольно значительным удалением шведских линий, перейти скрытно на левый берег Немана и отступить на Брест, или между Брестом и Пинском, с целью как можно скорее прикрыться болотами Полесья, а затем отступить к Киеву. В то же время Царь стал готовиться к войне со шведами на собственной территории – он укрепил Смоленск, а для защиты от банд Лещинского провел от Пскова через Смоленск на Брянск укрепленную линию (в лесах – засеки 150–300 шагов шириною, на полянах – валы, на больших дорогах – укрепления, их охраняющие).

30 марта Огильви и Репнин вывели русскую армию из Гродны, уничтожили за собой мост и быстрыми переходами достигли Бреста, а после – Днепра. Не найдя моста, Карл XII смог переправиться через Неман лишь 3 апреля, нагнать же русских ему уже не удалось.

Это отступление русских войск от Гродны является высоким образцом военного искусства. В то время оно вызвало восхищение иностранцев – и в первую очередь самих шведов. Быстрота и скрытность маршей этой армии, ослабленной 75-дневным сидением и насчитывавшей в своих рядах добрую половину больных, сохранение ею своей артиллерии и обозов, – все это явилось показателем ее высокой боеспособности и воинского духа. Армия Сент-Круа – нарвская армия 1700 года – никогда не была бы способна на такое отступление.

8 июня главная русская армия (Петр I и Огильви) сосредоточилась у Киева. Она насчитывала 35 тыс. пехоты и 21 тыс. драгун. Кроме того, на Двине у Полоцка имелось 5 тыс. штыков и 3 тыс. сабель{22}, прикрывавших Псков и Смоленск, а в завоеванных балтийских провин-

циях расположено гарнизонами 22 тыс. пехоты и 4 тыс. драгун. Всего в распоряжении Петра имелось свыше 90 тыс., из коих около двух третей готовились встретить шведов под киевскими стенами.

Однако шведский король, дав своим войскам отдохнуть на Волыни, двинулся оттуда не на восток – в Россию, а на запад – в Саксонию, осознав наконец (на шестом году войны) важность занятия этой страны – единственного источника Августа II к ведению войны.

* * *

Выступив зимой к Гродне с главными силами своей армии, Карл XII оставил в лагере у Блоне 12-тысячный корпус генерала Рейншильда. Командовавший русско-саксонской армией генерал Шуленбург решил воспользоваться уходом главных сил противника и атаковать шведов на их квартирах. Однако Рейншильд сам двинулся навстречу Шуленбургу и, несмотря на двойное превосходство сил русско-саксонской армии, совершенно истребил его в сражении под Фрауштадтом. При Фрауштадте 13 ноября 1706 года 12 тыс. шведов{23} сражалось с 20 тыс. союзников. Эти последние лишились 6 тыс. убитыми и ранеными и 8 тыс. пленными (в том числе начальник русской дивизии генерал Востромирский), 68 знамен и 75 орудий. Урон победителей – 1400 человек – в 10 раз меньше побежденных.

Фрауштадтский погром явился для Саксонии тем же, что Нарва для России. Однако Август не был Петром – и саксонцы не были русскими! Никто не подумал переливать колоколов в пушки и выставлять новую армию. Август II бежал в Краков, бросив свою страну – как незадолго перед этим бежал из Гродны, покинув вверенную ему Петром русскую армию.

Карл XII, выступив из Волыни, прошел всю Польшу и, соединившись с Рейншильдом, покорил без труда в течение августа всю Саксонию.

Остатки саксонских войск бежали на Рейн... Шведский король расположил свою сильно утомленную армию на Эльбе, у Альтранштадта, оставив у Калиша корпус Марденфельда (7 тыс. шведов и 20 тыс. поляков партии Лещинского) – наблюдать за остатками войск Августа (15 тыс. саксонцев, русских и поляков, достаточно деморализованных, чтоб считаться скольконибудь серьезным противником).

Курфюрст саксонский, король польский, окончательно пал духом. Открыв переговоры о заключении мира (тайком от русских), Август должен был принять все условия Карла XII, отказаться от союза с Россией и от польской короны в пользу Лещинского. Мир был подписан в Альтранштадте в палатке победителя 24 сентября{24} – и Август тщательно скрыл его от своего союзника – русского Царя.

Следом за шведской армией из Киева, через Волынь и Малопольшу шла конная армия Меншикова{25} в составе 40 тыс. пик и сабель (20 тыс. драгун – вся конница Киевской русской армии – и 20 тыс. малороссийских казаков).

Подойдя к Калишу, Меншиков решил атаковать своими драгунами корпус Марденфельда и потребовал участия в бою войск Августа II, который волей-неволей поставлен был в необходимость принять участие, правда, совершенно пассивное, в сражении.

Честь победы при Калише 18 октября 1706 года принадлежит исключительно русским. Марденфельд со шведами сдался, его польские союзники были рассеяны... Других войск у короля Лещинского не было, и калишское сражение, – Фрауштадт с переменившимися ролями, – отдавало снова всю Польшу в руки союзников. Калишский бой знаменит тем, что в нем с русской стороны не действовало ни одного пехотинца. Это чисто кавалерийская «драгунская» победа. У Меншикова было 17 тыс. драгун, у противника 27 тыс. человек, из коих 1 тыс. убито, 4 тыс., во главе с Марденфельдом, взято в плен, остальные рассеяны. Наш урон – 400 человек, в 13 раз меньше.

Счастье улыбалось Августу, но саксонский курфюрст боялся им воспользоваться. Страх гнева шведского короля, он отправился в Саксонию уговорить Карла XII не расторгать договор, а Меншикова отослал на зимние квартиры в глубь Галиции. Мир Саксонии со Швецией был объявлен 1 ноября.

Отныне у шведского короля оставался один лишь противник – и вся тяжесть борьбы обрушилась на одну Россию.

Второй период войны

Сознавая те бедствия, которые придется испытать России от неизбежного теперь нашествия, Петр Великий пытался предложить Карлу XII мир, оговаривая для себя лишь сохранение Петербурга – «окна в Европу» – и соглашаясь отдать все остальные свои завоевания. Однако Карл, считая это следствием боязни, предъявил самые унижительные условия, на которые русский Царь, конечно, не мог согласиться.

России оставалось изготавиться к тяжелому единоборству. Петр приказал усилить оборону Киева, Смоленска, Пскова и Новгорода, укрепить Великие Луки. На случай же самого несчастного оборота войны укреплялись Кремль и Китай-город. Устроено предмостное укрепление в Копысе на Днепре и исправлена линия засек Псков – Смоленск – Брянск.

В армию прибыли рекруты набора 1705 года (первого за войну), пополнившие ее ряды. Войска отдохнули под Киевом от гродненского сидения и утомительного отхода. В главных силах с лета 1706 года стало считаться 60 тыс. человек. По словам англичанина Витворта, видевшего армию в 1707 году, она «состояла из здоровых, статных, хорошо обученных молодцов и очень изменилась со времени кампании в Польше». Материальная часть и конский состав, правда, оставляли, по его словам, желать лучшего («оружие плохо, а лошади и того хуже»). Любопытно, что все иностранцы, видевшие русскую армию в первой половине XVIII века, весьма критически относятся к нашей коннице. Малорослая порода русских лошадей не выигрывала, конечно, при сравнении с рослым конским составом европейских армий. Австриец Парадиз{26}, наблюдавший русскую армию 30 лет спустя после Витворта – в эпоху Миниха – пишет, что «кавалерию за драгунов и почитать нельзя», лошади до того плохи, что ему «часто случалось видеть, как драгуны, сходя с коней, валили их на землю». Это последнее утверждение надо отнести на счет развесистой клюквы, тем не менее, доля правды во всех этих суждениях, конечно, есть. Императрица Анна Иоанновна в одном из своих указов констатирует, что «до сего времени при нашей кавалерии употребляемые лошади по природе своей к стрельбе и порядочному строю весьма не способны»... Как бы то ни было, при всех недостатках русская конница имела победы, каких никогда не имела и не будет иметь конница других стран. Имена Калиша, Лесной, Полтавы, Переволочны{27}, Пасс-Круга, Палцига и Кунерсдорфа тому доказательство.

На военном совете в Жолкиеве{28} (квартиры Меншикова) был выработан план действий, вполне согласный с обстановкой. Во исполнение его главные силы нашей армии весной 1707 года перешли из киевского района в район Вильна – Минск, причем непроходимое Полесье огибалось маршами к Висле, а оттуда к Неману (движение совершалось по неприятельской стране, но Карл XII был далеко, а Лещинский бессилен). Оборона Киева поручалась Мазепе с казаками.

Таким образом, на севере Полесья Петр решил вести упорную активную оборону границ, а на юге пассивную, возлагая эту последнюю задачу на малороссийскую милицию, особенно пригодную для защиты своего родного очага.

Весь 1707 год прошел в усиленных приготовлениях к войне обеих сторон. Окончив приготовления, Карл выступил в поход на Россию. Глубокой осенью двинулся он из Познани в Литву. С ним было 35 тыс. человек (из общего числа 116 тыс., которыми он мог бы распо-

лагать). Из 116 тыс. шведов 35 тыс. было при короле, остальные были разбросаны по всему северо-востоку Европы – 16 тыс. Левенгаупта в Лифляндии, 15 тыс. Либекера{29} в Финляндии, 8 тыс. генерала Крассова оставили в Польше поддерживать шаткий трон Лещинского, а 42 тыс. стояли гарнизонами в Прибалтике, шведских владениях в Германии (Померания и Голштиния{30}) и самой Швеции. 29 декабря он перешел по льду Вислу и двинулся в Мазовию по кратчайшей дороге – дремучими лесами, встречая всевозможные препятствия со стороны враждебного населения. Его авантюристической натуре всегда хотелось идти по линии наибольшего сопротивления.

* * *

В феврале 1708 года шведский король расположил свое изнуренное войско на квартиры у Сморгани. Петр I сосредоточил всю армию в Чашниках: отсюда он мог предупредить неприятеля либо в днепровском тет-де-поне, Копысе (если бы Карл продолжал свое движение на восток – к Березине и Днепру), либо в Полоцке (если бы он пошел на север к Двине и дальше в Прибалтику). Авангард Меншикова (драгуны) стал в Минске, опустошив всю округу.

Свой поход в Россию Карл XII мог начать двояким образом: 1) отнять у русских их завоевания в Прибалтике и, соединившись с оставленным там корпусом Левенгаупта, направиться в глубь России, 2) действовать прямо против русской армии. Первый план отвечал в своем начале идее стратегической обороны, а оборону шведский король решительно отвергал в продолжение всей своей военной карьеры. Поэтому он избрал второй план – двинуться прямо на русских.

Для этого единственный удобный путь был от Минска на Смоленск и Москву – коридор между Двиной и Днепром – классический путь нашествий на Россию с Запада. Несомненно, этот путь и был бы избран Карлом, если бы не измена Мазепы, обязавшегося по договору дать шведам зимние квартиры в Северной области (нынешняя Черниговская губерния), довольствоваться их в течение всего похода и присоединиться к ним со всеми казаками, как малороссийскими, так и донскими.

Поэтому Карл XII решил начать завоевание России с Украины. Кратчайший путь туда, в частности, в «обетованную землю» – Северскую область – вел левым берегом Днепра.

С русской стороны на 1708 год было положено отступать в глубь страны, окружить шведскую армию летучими отрядами, тревожить и задерживать ее при всякой к тому возможности. Жителям – уходить в леса и болота, зарыв все, что не могло быть взято с собой. В Псковской и Новгородской областях всему мужскому населению было роздано оружие. Полагали, что шведы двинутся на Двину и в Лифляндию на соединение с войсками Левенгаупта. Армия стянулась к Бещенковичам.

7 июня 1708 года Карл XII открыл поход сосредоточением своей армии в районе Минска. Затем он переправился через Березину и двинулся к Днепру, отдав распоряжение лифляндскому корпусу Левенгаупта идти к нему на соединение в район Могилева, а финляндскому Либекера – двинуться на Новгород и Псков, срыв по дороге ненавистный Санкт-Петербург.

Стремясь не допустить шведов к Днепру, русские генералы сосредоточили до 30 тыс. под Головчиным, но в происшедшем здесь 3 июля сражении потерпели совершенную неудачу и отступили на Оршу и Мстиславль с целью преградить неприятелю дорогу на Москву. Головчинская позиция была выбрана так неудачно, что артиллерия за дальностью расстояния не могла помочь пехоте. Бой происходил в густых зарослях, стеснявших маневрирование и делавших невозможным управление войсками, пришедшими после боя в совершенное расстройство, несмотря на незначительные сравнительно потери.

Бой мог бы иметь для нас очень скверные последствия, но шведы не преследовали по тем же причинам. Наши потери – около 1100 убитыми и ранеными, 600 пленными, до 12 орудий,

шведов (бывших в слегка превосходных силах) – около 1500 убитыми и ранеными. Петр был очень раздосадован опрометчивостью генералов, давших этот бой и рисковавших разгромом армии. Репнин разжалован в рядовые и ему приказано возместить из личных средств стоимость потерянных пушек и обозов. Царь остался также недоволен и войсками: «Многие полки в том деле в конфузию пришли, не исправили должности, покинули пушки, непорядочно отступили, иные и не бившись, а которые и бились, то не солдатским и казацким боем...» Но Карл XII вместо того чтобы настойчиво преследовать противника, повернул к Могилеву, овладел им и оставался там весь июль, давая отдых войскам и тщетно поджидая Левенгаупта. Оттуда он выступил в первых числах августа к Чирикову, но затем, неожиданно для русских, шведская армия вдруг повернула на север, заняла Старицу и снова здесь остановилась. Карл все ждал Левенгаупта. Наконец, отчаявшись в его скором прибытии, не имея от него вестей и полагая его еще далеко в Лифляндии, король в половине сентября повернул на Украину и пошел к Стародубу.

А Левенгаупт тем временем подходил уже к Днепру. Потерпи Карл еще немного и прибавь к двум месяцам бесплодного ожидания еще неделю – и обе шведские армии соединились бы. История не знала бы тогда сражения у Лесной, а может быть, и полтавской победы... Но в эту кампанию все начинало складываться фатально для шведов. Все гонцы Левенгаупта к Карлу были перехвачены русской конницей.

* * *

Движение шведской армии от Старицы к Стародубу (80 верст) через болота и непроходимую лесную чащу сопровождалось такими трудностями, что, не доходя Стародуба, Карл XII остановился и 15 дней собирал и приводил в порядок растянувшиеся войска.

Отлично осведомленный о движении шведов – и в частности, Левенгаупта – Петр I, как только узнал о предположенном их движении на Стародуб, немедленно распорядился об уничтожении всех запасов, накопленных Мазепой в Северной области, и о порче и без того скверных дорог.

Шведская армия получила нежелательный авангард в виде летучего корпуса Инфланда (4 тыс. драгун), предшествовавшего ей и выполнявшего все разрушения. В то же время Шереметев с главными силами (40 тыс.) шел параллельно шведам, заслоняя от них центрально-русские области, а Баур с 5 тыс. драгун преследовал их с тыла.

Еще во время стоянки Карла в Старице, 30 августа Петр имел возможность (искусно воспользовавшись утренним туманом) разбить у Доброго 6-тысячный отряд генерала Рооса. Эта первая удача подняла дух войск, а через месяц после нее была одержана наконец крупная победа.

Поручив Шереметеву, Бауру и Инфланду «заматывать» армию шведского короля у Стародуба, Петр с легким отрядом в 12 тыс. человек (из коих 7 тыс. драгун) пошел навстречу Левенгаупту и 28 сентября наголову разбил его 15-тысячный корпус в кровопролитном сражении при Лесной. Бой длился 10 часов с перерывом. Наш урон до 4 тыс. человек – треть всего состава (1111 убитыми, 2856 ранеными). Упорно дравшиеся шведы лишились 8 тыс. убитыми и ранеными, 1 тыс. пленными, 44 знамен, 17 орудий и всего обоза с припасами для армии Карла XII. Князь Репнин заслужил здесь прощение, а Петр называл впоследствии Лесную – «матерью Полтавской победы».

Значение этого дела было громадно, и прежде всего в моральном отношении. Это была первая наша победа над шведами в превосходных силах. Материальные ее последствия были тоже очень важны, она лишала шведов столь нетерпеливо ими ожидавшихся боевых и жизненных припасов – в частности, пороху. И под Полтавой шведская артиллерия будет молчать...

На Украине шведского короля ждали все новые разочарования. Мазепа – по настоянию которого был, собственно говоря, предпринят этот злополучный поход, привел с собой всего 3–4 тыс. разного сброда. Малороссийские казаки, не говоря уж о донских, остались верны России. Заготавливаемые запасы были уничтожены русскими драгунами, жители бежали, вместо обещанной земли шведы попадали в пустыню.

Соединившись с остатками войск Левенгаупта и перейдя Десну и Сейм (у Батурина), Карл XII расположил свою армию у Гадяча, Ромен и Лохвицы (на севере нынешней Полтавской губернии). Русская армия, следуя в общем параллельно шведам, шла на Глухов и Путивль и стала на зимние квартиры одновременно со шведами в половине ноября, у Лебедина. Оттуда были высланы отряды к Веприку, Миргороду, Полтаве и Нежину. Такое охватывающее положение давало возможность постоянно тревожить шведов внезапными набегами всю зиму.

Для того чтобы выйти из своего затруднительного положения, шведский король решил овладеть Белгородом, важнейшим узлом дорог южной России («Муравский шлях»). Однако оба его поиска в этом направлении потерпели неудачу. В первый раз, в декабре – геройское сопротивление импровизированной крепостцы Веприк (в конце концов взятой) нарушило все расчеты шведов и сорвало их маневр. Во второй раз, в конце января – тому воспрепятствовали внезапная оттепель, украинский чернозем, в котором увязли артиллерия, обоз и неутомимые, всюду поспевавшие и везде побеждавшие Петровские драгуны.

Зима с 1708 на 1709 годы была лютой, и шведской армии, терпевшей крайнюю нужду во всем и расположившейся частью – за недостатком квартир – биваком в степи – пришлось испытывать то же, что испытывала за три года до того русская армия в Гродне. Мало-помалу, постоянными налетами, к концу зимы русским удалось вытеснить шведов из их первоначального квартирного расположения и заставить их стать между реками Пселом и Ворсклой.

* * *

К весне 1709 года положение шведов сделалось критическим. Армия их уменьшилась, боевые припасы иссякли, надежды на восстание в Малороссии не удались. Турция все не решалась объявить войну России, Лещинский не был в состоянии оказать помощи... Находясь в крайнем положении, Карл XII решил осадить Полтаву, послушавшись совета Мазепы (бывшего положительно его злым гением), утверждавшего, что в Полтаве шведы найдут продовольствие и большие запасы снаряжения. Король надеялся этим заставить Петра I поспешить на выручку гарнизона и принять битву. Спассти шведов и вывести их из малороссийской западни могла лишь победа. Пути к отступлению были отрезаны, мостов на Днепре не было.

25 апреля Карл осадил Полтаву. Гарнизон под начальством храброго полковника Келина (менее 7 тыс. человек, из коих треть вооруженных мещан) мужественно встретил сильнейшего в пять раз противника (у Карла было еще 33 тыс., не считая казаков Мазепы). Два месяца длилась геройская оборона. Все штурмы были отбиты, Карл XII лишился примерно пятой части своей армии, израсходовал все боевые припасы и утомил окопными работами свои и без того истощенные войска. Гарнизон (7700 человек, из коих 2600 мещан) отбито три штурма, из коих последний стоил шведам 1676 человек. Шведская армия надорвала здесь свои силы. Конница Меншикова с половины мая производила диверсии в виду крепости (под Сенджарами отбито свыше 1 тыс. русских пленных гарнизона Веприка и взято восемь знамен и два орудия). 15 мая гарнизон мог получить подкрепление 900 человек и переговариваться с драгунами путем записок, вкладывавшихся в незаряженные бомбы. Осада длилась с 25 апреля по 27 июня – 63 дня. Урон гарнизона за это время – 1186 убитыми и 1720 ранеными, без малого 3 тыс. – две пятых всего состава. Вступив в Полтаву, Петр I снял шляпу перед Келиным.

Силы осажденных все же слабели, и Царь двинулся на их выручку. 20 июня русская армия расположилась в восьми верстах от Полтавы, и сражение стало неизбежным. Готовясь к нему,

Петр собрал все имевшиеся у него под рукой силы и довел свою армию до 42 тыс. человек. В то же время Карл, казалось, делал все, чтобы еще больше ослабить свою армию. 21 июня, уже зная, что на днях предстоит решительное сражение, он предпринял последний штурм Полтавы, понес еще раз тяжкие потери и расстреляв последние артиллерийские снаряды. У него осталось для битвы 28 тыс. бойцов и всего четыре стрелявших орудия.

27 июня до рассвета шведы атаковали русскую армию, а в полдень расстроенные их толпы искали спасения в бегстве. Передовая русская линия состояла из шести редутов, занятых двумя батальонами. За редутами стояла конница (17 полков), а за нею в укрепленном лагере пехота и артиллерия (56 батальонов, 72 орудия). На рассвете 27 июня шведы устремились на редуты, но после упорного боя могли взять только два. Шведская конница Рейншиль-да после 2-часового боя была опрокинута нашей с потерей 14 штандартов. Карл XII приказал пехоте Левенгаупта не задерживаться у редутов, а помочь своей коннице.

Пройдя сквозь линию редутов, шведы расстроились (на что и рассчитывал Петр, устранив эти редуты). Подступив к укрепленному русскому лагерю на 30 сажень, они были отражены картечью и отошли в беспорядке, причем правая их колонна генерала Рооса, атакованная драгунами Меншикова, бежала к самой Полтаве, где в шанцах и положила оружие. Полтава с этой минуты была уже деблокирована. Сражение прекратилось на короткое время и Петр, ожидая вторичной атаки шведов, вывел часть войск из лагеря, намереваясь охватить шведов с обоих флангов («Канны»).

Не дождавшись атаки, Царь сам пошел навстречу врагу с 42 батальонами в две линии и 17 драгунскими полками на флангах. У шведов осталось всего 18 батальонов в одну линию, 14 кавалерийских полков и четыре орудия (прочая артиллерия по недостатку в порохе оставлена в полтавских шанцах). Столкновение продолжалось всего полчаса, и в 11 часов все было кончено. Наш урон – 4635 человек, 11 процентов всей армии (1346 убитыми, 3289 ранеными), шведов перебито 9234 и в плен взято 18 746 при 137 знаменах и штандартах, 32 орудиях с фельдмаршалами Рейншильдом и Левенгауптом (в самом сражении взято свыше 3 тыс. пленных, остальные сдались у Переволочны).

Полтавская битва – классический пример активной обороны – излюбленного способа действия Петра. Петр предполагал дать наступательный бой, но ему пришлось принять оборонительный. Заслуживает внимания отличная фортификационная подготовка поля сражения (редкая для эпохи) и осмотрительность всех действий Петра. Половина шведской армии была перебита либо взята в плен. Другая половина, настигнутая драгунами Меншикова, положила оружие на следующий день у Переволочны. С несколькими всадниками шведский король бежал в Турцию...

Так закончился второй период Великой Северной войны, период решительного единоборства Швеции с Россией, Карла XII с Петром Великим. Солдаты Петра завершили под Полтавой дело, начатое дружинниками Александра на берегах Невы. И целых два столетия с тех пор нога нашего западного врага, германского завоевателя, не оскверняла русской земли...

«Все славяне, где только ни сходились с немецким племенем, покорялись ему, – пишет немецкий историк Коль. – Германский дуб гордо распускался на их развалинах, и они мирно почтили под его тенью. Был один день – и навсегда решилась бы судьба славянского племени, но этот день решил противное – это день Полтавской битвы. Петр Великий со своими Русскими за всех славян одержал эту вечно славную победу».

Эта победа является первым днем великодержавности России, и весь великий XVIII век, век национальных устремлений, Россия праздновала день 27 июня.

Третий период Северной войны

Шведский король бежал в Турцию, его армия перестала существовать... Естественно, что у России при этих обстоятельствах сейчас же опять нашлись друзья и союзники.

Август II, едва лишь получив известие о полтавской победе, поспешил объявить «продиктованный» ему Альтранштадтский договор недействительным и двинулся в Польшу – возвращать себе корону. Станислав Лещинский бежал. Датский король, в свою очередь, не замедлил воспользоваться успехами русского оружия, и в конце октября 1709 года высадил свои войска в Шонии{32} (однако был разбит в феврале 1710 года шведским полководцем генералом Стенбоком). В конце февраля воюющие державы заключили в Гааге конвенцию, согласно которой шведские и датские войска в Северной Германии обязывались не участвовать в военных действиях.

Тем временем Царь Петр, разделавшись со шведской армией, решил из-под Полтавы идти в Прибалтику – закончить завоевание балтийского побережья. Его превосходная армия прибыла из Малороссии в Лифляндию еще до наступления распутицы, и в ноябре Репнин осадил Ригу. У Репнина было до 32 тыс. Шведы (генерал Стромберг) защищались до последней возможности (с 9 ноября 1709 по 4 июля 1710 года, 237 дней). Из 11 тыс. гарнизона сдалось 5 тыс. с 564 орудиями. Чума произвела большие опустошения среди осажденных и осаждающих – от нее в три месяца умерло 9800 русских, почти треть всей осадной армии.

В 1710 году окончательно покорена Лифляндия. Пали последние оплоты шведов – Рига, Пернов, Динамюнде (Усть-Двинск). В Финляндии – взятием Выборга на Финском заливе и Кексгольма на Ладожском озере – создан плацдарм, надежно прикрывший Петербург. В Выборге взято 4 тыс. пленных. Кампания 1710 года носила характер крепостной войны, и кавалерия, которой в осадных работах нечего было делать, собралась под начальством своего гроссмейстера Меншикова в Польше для «возведения паки на престол» Августа II и наблюдения за шведами в Померании (в случае несоблюдения ими Гаагской конвенции Меншиков должен был их атаковать).

Однако дальнейшие успехи русского оружия временно были приостановлены. Происки Карла XII в Турции увенчались успехом, и Порта в ноябре 1710 года объявила войну России.

Прутский поход

Зимой с 1710 на 1711 год неутомимые русские полки выступили с Невы на Днестр. Петр заручился союзом господарей Молдавии – Кантемира и Валахии – Бранкована и содействием Польши. Кантемир обязался выставить 10 тыс., Бранкован 50 тыс. (из коих 20 тыс. сербов), Август двинул в северную Молдавию 30 тыс. человек, на усиление коих отправлен русский корпус Долгорукого (12 тыс.). Всего у Петра было до 50 тыс. Со 100 тыс., обещанных союзниками вспомогательных войск, это должно было составить внушительную силу – более чем достаточную для удержания за нами победы – по словам самого Государя. Кроме этой главной армии было образовано еще две: одна – графа Апраксина в составе 20 тыс. регулярных войск, 40 тыс. казаков, 20 тыс. калмыков – должна была идти Муравским шляхом на Крым, другая – князя Голицына (15 тыс. регулярных войск, 30 тыс. казаков) от Чигирина двигалась на Очаков. Таким образом, для войны с Турцией – «турецкой акции» – Россия выставляла до 90 тыс. регулярных войск, 80 тыс. казаков и 20 тыс. калмыков с силами, обещанными союзниками, это должно было составить до 300 тыс. войска.

В конце мая 1711 года русская армия подошла к Днестру. Авангард Шереметева дошел до Прута, где соединился с Кантемиром. Здесь русские узнали, что в Молдавии никаких запасов нет, а набор молдаванской армии производится туго: в 17 полках, организованных на русский

образец, не было более 7 тыс. человек. Обозы с продовольствием для армии, шедшие из Киева, были перехвачены в Подолии татарами. Положение становилось серьезным.

Перейдя Днестр у Сорок, Петр 20 июня созвал военный совет, на котором было решено двинуться вперед. Только генерал Галард заметил, что русская армия находится в том же положении, в котором был Карл XII, вступая в Малороссию.

Испытывая большие затруднения от недостатка припасов, преодолевая сильный зной, русская армия вступила в Бессарабию. Надеясь на союзников, поляков и валахов, Петр смело шел вперед. Однако польская армия и корпус Долгорукого, дойдя до молдавской границы, остановились в Буковине и заняли выжидательную позицию – Бранкован же просто передался туркам.

Тем временем великий визирь Балтаджи-паша приблизился к Дунаю с 300-тысячным войском при 500 орудиях. Переоценивая силы русского Царя, он остановился в нерешительности у Исакчи. Султан, опасаясь общего восстания христиан, предложил Петру мир при посредничестве патриарха Иерусалимского и Бранкована. Турция предлагала России{33} все земли до Дуная: Новороссию с Очаковым, Бессарабию, Молдавию и Валахию... Петр I ответил отказом, совершив этим крупнейшую ошибку своего царствования.

* * *

Заняв Яссы, Петр двинулся правым берегом Прута к Дунаю, отрядив вперед летучий авангард генерала Ренне, куда вошла почти вся кавалерия, и приказал ему овладеть Браиловым. Ренне быстро двинулся в Валахию, взял Браилов и занялся закупкой продовольствия и формированием валахских войск. Однако его донесение было перехвачено, и Петр так и не узнал о взятии Браилова.

Великий визирь, перейдя Дунай с главными силами, быстро двинулся вверх по Пруту на Яссы. 8 июля произошло первое столкновение его с русско-молдавским авангардом, причем молдаване бежали. Ночью вся русская армия отступила на соединение с арьергардом Репнина, предав огню лишние тяжести. Турки не преследовали. 9 июля русская армия соединилась в Станилештах и стала укреплять лагерь, но турки повели яростную атаку и захватили часть обозов, не успевших въехать за рогатки. Нападение это и два следующих были отбиты с большим уроном для турок. Русских было 38 тыс. при 122 орудиях, турок 170 тыс. и 469 орудий. Наш урон – 2872, у турок выбыло до 7 тыс. Тем не менее положение русской армии стало отчаянным: позиция ее представляла собой четырехугольник, задний фас коего составляла река. Турки, установив многочисленную артиллерию на командующих высотах, могли громить наш лагерь безнаказанно. Массы стрелков делали даже невозможным пользование водой... Армия была окружена в пять раз сильнее противником.

Участь России была в тот день в руках великого визиря. Даже если бы русским удалось пробиться сквозь кольцо врагов, отступление обратилось бы для них в катастрофу; все переправы через Прут были в руках турок, остатки армии очутились бы в Молдавии, как в мышеловке, и их постигла бы участь шведов у Переволочны.

Величие Петра сказалось в эти трагические минуты в полном блеске. Готовясь к последнему бою, он заготовил указ сенату: в случае пленения, его государем не считать и его распоряжений из плена не выполнять.

Но Бог хранил Россию. Визирь Балтаджи согласился{34} на переговоры и не использовал своего исключительного стратегического положения (бывшего более благоприятным, чем впоследствии у Мольтке под Седаном). Уступчивость визиря объясняют различно. Одни полагают ее следствием подкупа (драгоценности Екатерины), другие объясняют ее бунтом янычар. Последняя гипотеза гораздо правдоподобнее, кроме того, на визиря должна была произвести впечатление стойкость наших войск в бою 9 июля и чувствительные потери в лучших турец-

ких войсках. Интересы Швеции и ее беспокойного короля не трогали флегматичного азиата, решившего заключить мир, раз его предлагали на условиях, приемлемых и даже выгодных для Турции. Переговоры велись спешно (дабы предупредить Карла XII, скакавшего в турецкий лагерь с требованием не уступать) и 11 июля{35} привели к Прутскому договору: Россия возвращала Турции Азов с его округом и обязывалась скрыть укрепления на Днестре и Дону и Таганрогскую крепость.

Кроме того, Петр обязывался не вмешиваться в польские дела и давал Карлу XII пропуск в Швецию. Трудно представить себе, что было бы с Россией, если бы Петр погиб на Пруте. При несчастном Алексее Петровиче ей бы пришлось пережить новое смутное время. Все старания и достижения Петра пропали бы даром. Вообще же Прутский поход – это война пропущенных возможностей. Согласись Петр на предложение султана – и граница России тогда же пошла бы по Дунаю. Исполнена была бы мечта Святослава... Молдавия и Валахия, войдя в состав Империи, за 200 лет ассимилировались бы совершенно – и мы не имели бы враждебной Румынии. Не надо было бы проливать потоки крови под Очаковым, Измаилом, Рущуком, в Силистрии и вести пять войн за 100 лет. Болгария и Сербия были бы освобождены от турецкого ига на 100 лет раньше – Румянцевым, ставшим бы Забалканским, а не Задунайским, Суворов вместо Измаила штурмовал бы Адрианополь, а Кутузов продиктовал бы мир Порте не в Бухаресте (бывшим бы тогда русским губернским городом), а в Царьграде. Вся история России сложилась бы иначе...

Ошибку примерно такого же порядка совершил и Балтаджи-паша. Этому визирю мы обязаны многим.

Окончание Северной войны

Карл XII не признал гаагского договора о ненападении шведских и датских войск в Северной Германии, и поэтому датский и польский короли напали на Голштинию и Померанию. Несогласованные их действия не имели успеха ни в 1711, ни в 1712 году.

В конце 1712 года Петр I смог снова принять участие в войне (Меншиков оставался в Киеве до 1713 года, наблюдая за турками). Желая одержать победу без русских, союзники атаковали 9 декабря при Гадебуше шведскую армию Стенбока, но потерпели полное поражение. Подоспевший Царь вступил в командование соединенными русско-датско-саксонскими силами (46 тыс.) и 12 февраля 1713 года при Фридрихштадте разбил 16-тысячное войско Стенбока, который, будучи после того загнан в крепость Тенинген, положил оружие с 12 тыс. войск. Диспозиция к этому бою написана собственноручно Петром и представляет собой важный документ для оценки полководческой деятельности Царя. Петр тут намного опережает свою эпоху. Не будучи более в состоянии за отсутствием войск защищать свои владения в Германии, шведы заключили так называемый секвестрационный договор, по которому передавали их Пруссии. Один лишь комендант Штетина отказался признать этот договор и сдал свою крепость русским лишь после двухмесячной осады летом 1713 года. Гарнизон Штетина состоял из 4200 человек. Треть была перебита, сдалось 2800. За два с лишним месяца осады, с 11 июля по 21 сентября, мы лишились 184 убитыми и 365 ранеными.

Ликвидировав армию Стенбока и выручив союзников, Петр осенью 1713 года перенес военные действия в Финляндию. Победы при Лаппо и у Наппы доставили нам всю эту страну... 14 июля 1714 года одержана морская победа при Гангуте{36}.

* * *

В конце 1714 года Карл XII, рассорившись с султаном, которому стал в тягость, внезапно явился в Штральзунд в Шведской Померании, отказался признать секвестрационный договор,

потребовал от прусского короля возвращения сданных ему (как бы «под расписку») шведских земель и не имея обыкновения считать своих врагов – объявил войну и этому государю... Однако неравенство сил было слишком велико, и шведы потеряли зимой 1714–1715 годов последние свои владения в Германии – Штральзунд и Висмар. К союзникам присоединилась и Англия (король британский был в то время курфюрстом ганноверским и рассчитывал округлить свои германские владения за счет Швеции). В Дании собралось свыше 35 тыс. русских войск. Петр I начальствовал на Балтийском море флотом четырех держав.

Союзники решили было высадиться в Швеции, но среди них возникли разногласия и раздоры (1715 и 1716 годов). Недовольный союзниками Царь порвал с ними и вывел в 1717 году все свои войска из Дании и Германии{37}.

Русский царь предложил шведскому королю союз. Россия должна была получить от Швеции балтийские провинции и южную часть Финляндии, взамен чего русская армия, соединившись со шведской, должна была помочь Карлу XII вернуть свои владения в Германии и Норвегии. В самый разгар русско-шведских переговоров, Карл, уже изъявивший согласие на союз с Россией, был убит в Норвегии при осаде Фредерии{38}.

Его сестра и наследница Ульрика Элеонора прервала переговоры. Заключив в 1719 году мир со всеми союзниками и заручившись союзом с Англией, она решила продолжать борьбу с Россией.

Начавшись на суше, Северная война кончалась на море... «Вторая рука potentата» завершила дело первой. Желая настоять на своих условиях, Петр I выставил сильный флот. Не обращая никакого внимания на высланный для выручки Швеции английский флот – в те славные времена наша дипломатия английских кораблей еще не боялась – Царь в 1719 и 1720 годах опустошил десантами весь восточный берег Швеции, внеся войну в шведские пределы. 27 июня 1720 года{39}, в одиннадцатую годовщину Полтавы, Голицын разбил шведский флот у Гренгамна. Это было последнее сражение двадцатилетней войны.

Мир был подписан в Ништадте 10 сентября 1721 года. Россия получила Лифляндию, Эстляндию, Ингрию, южную Финляндию до линии Кексгольм – Выборг включительно и, «позолотив пилюлю» шведам, уплачивала Швеции небольшое вознаграждение. Русский флаг развевался от Выборга до Риги, Балтийское море переставало быть шведским озером.

Восточные дела и Персидская война

Закончив Северную войну – великое дело своего царствования, Петр обратил свои взоры на Восток.

Еще в 1717 году, когда кризис Северной войны благополучно миновал, Царя занимал вопрос отыскания сухого пути в Индию. Один из ревностных поборников этого похода, князь Бекович-Черкасский, отправился с северного берега Каспийского моря пустыней Усть-Урт вдоль сухого русла Аму-Дарьи с отрядом в 3 тыс. человек (на большее количество нельзя было запастись продовольствия). Характерный штрих для эпохи – в состав отряда Бековича входил эскадрон из пленных шведов. Вспомним, что после Полтавского сражения пленные шведы при оружии показывали Петру экзерцицию по их уставу. Содержась в различных городах России, пленные помогали при случае местным гарнизонным войскам отправлять караульную и гарнизонную службу. Шлиппенбах, взятый в плен под Полтавой, занимал ответственные административные должности и был даже возведен Петром в баронское достоинство. Ненависть и озлобление к противнику появились лишь в XIX веке, с введением варварской системы «вооруженных народов». Однако весь отряд и сам Бекович пали жертвой вероломства хивинского хана под самыми стенами Хивы.

Немногим счастливее был другой отряд – капитана Бухгольца (1400 человек), двинувшийся на Индию из Сибири – от Тобольска вверх по Иртышу и остановленный враждебностью

киргизов и недостатком продовольствия. Оба эти отряда, не имевшие даже карт, были слишком многочисленны для мирного посольства и слишком слабы для успешной военной экспедиции.

Идею проникновения в Среднюю Азию пришлось оставить... Петр решил пройти в Индию другим путем.

В 1718 году был заключен торговый договор с Персией, оставшийся, однако, мертвой буквой вследствие несоблюдения его персами. В этой стране царила анархия, от которой сильно страдала русская торговля. Чтобы положить конец бесчинствам, подать помощь законному шаху Тамаспу{40} и заставить персов уважать русское имя, решено предпринять против них поход, и в приготовлениях к этому походу прошла зима 1721–1722 годов, первая зима по заключении Ништадского мира.

Весной 1722 года назначенные в персидскую акцию войска собрались у Астрахани. Пехота и артиллерия (22 тыс. человек) взяты на корабли, конница и иррегулярные войска (9 тыс. драгун, 20 тыс. донских казаков и 30 тыс. татар и калмыков) следовали на Персию берегом моря – через Дагестан. Пехоту составили два полка, Ингерманландский и Астраханский, и по одному батальону от 20 полков. 18 июля флот отплыл от Астрахани, а 27-го войска, руководимые Царем, высадились в устьях Терека на Астраханской косе.

Сколько-нибудь значительных боевых столкновений в эту войну не произошло. В конце лета и осенью было занято все Каспийское побережье, и вся северная Персия (три провинции, с Баку, Дербентом, Астрабадом и Рештом, переименованным в Рязц{48}) превратилась в русскую область. Каспийское море сделалось русским озером.

Оккупационные войска составили Низовой корпус, вначале из девяти полков, названных по именам новоприсоединенных персидских городов и ханств. Из этих девяти полков сохранились Апшеронский и Ширванский – украшение русской пехоты.

Присоединив к России северную Персию, Петр занял исходное положение для движения на Восток – через Белуджистан в Индию, в обход среднеазиатских пустынь – либо на Юг, к незамерзающему морю – Персидскому заливу и Индийскому океану.

К сожалению, ближайшие преемники Петра Великого не поняли{42} огромной выгоды Русской Персии. Они видели лишь невыгоду содержания дорого обходящихся гарнизонов и администрации на далекой беспокойной окраине с нездоровым климатом. Сейчас же после смерти Петра начались длительные переговоры с персами об уступке этих завоеваний обратно, и в феврале 1732 года заключен договор, а в ноябре 1735 года наши войска окончательно оттуда выведены. Одна из самых блестящих возможностей развития российской великодержавности была упущена. А теперь на Персидском заливе царит Британская империя.

Петр Великий как политик, организатор и полководец

Двадцатилетняя Северная война была великой школой для русской армии русского полководца, русского офицера и русского солдата. В ее огне ковались и выковались те бесподобные полки, чьей стойкости и доблести удивлялась и завидовала 200 лет Европа.

Двадцать лет упорнейшей борьбы – 20 лет планомерных последовательных усилий для достижения поставленной цели... Этого с Россией не случалось{43} за всю ее восьмивековую историю – да и всемирная история со времен единоборства Рима с Карфагеном чрезвычайно бедна такого рода примерами.

Личность Петра встает перед нами во весь свой гигантский рост – со всеми ее достоинствами и недостатками. Достоинства проявились в области внешней политики и на войне, недостатки отразились на внутренней политике.

Этот последний вопрос как будто выходит за рамки настоящего труда, но на нем следует остановиться, указав на две капитальные ошибки великого преобразователя, сыгравшие

печальную роль в дальнейшем ходе русской истории, – чрезмерное форсирование европеизации и «вавилонское пленение» Церкви.

Первая из этих ошибок невольно влекла за собой раболепство перед всем иностранным и недооценку и хулу всего русского, как бы недоверие к собственным достоинствам. Качества эти совершенно отсутствовали у Петра I лично, но на протяжении 200 лет они явились самой скверной чертой русского характера – считать каждого малограмотного иностранца «барином», а каждого сколько-нибудь грамотного уже «авторитетом». Особенный вред преклонение перед иностранщиной принесло, как мы увидим, в военном деле.

Что касается второй ошибки – упразднения патриаршества, то она оказалась роковой для России. Будь в России в 1917 году патриарх, то к нему, а не к предателям с генерал-адъютантскими вензелями, обратился бы за советом Император Николай Александрович – и все пошло бы по-другому. Во всяком случае «временного правительства» мы не имели бы... Подчинение Церкви Государству привело при Павле I к «цезарепапизму» (Император – глава Церкви) – полному порабощению власти духовной властью светской со всеми отрицательными явлениями, с этим сопряженными, из коих угодничанье перед властями предержащими стоит отнюдь не на последнем месте. Чиновники в рясах из Святейшего Синода подготовили дорогу комиссарам в рясах из «живой церкви».

Внешняя политика Петра безупречна{44} (кроме отклонения турецких предложений в Прутском походе). Выгода России – вот единственный критерий, руководивший первым русским Императором в его сношениях с иностранными державами. Петр выказывает себя на протяжении всей войны лояльным союзником. Он не любит связывать себя заранее обещаниями и договорами, но дав слово, сдерживает его свято. Союзники не раз выручались русскими в различные периоды войны... Однако как только Царь увидел, что они совершенно не платят взаимностью и стремятся в действительности лишь эксплуатировать Россию, загребать жар русскими руками, – он немедленно порвал с ними все отношения и в дальнейшем вел войну совершенно отдельно.

Впоследствии эта мудрая петровская традиция была позабыта. Сколько несчастий удалось бы избежать России, если бы на протяжении двух столетий русская кровь лилась лишь за русские интересы.

Но где гений Петра сказался полностью – это в военном деле: в устройстве вооруженной силы и в предводительствовании ею. Гениальный организатор и крупный полководец, он значительно опередил во всех отношениях свою эпоху.

* * *

Основное положение Петра Великого как организатора выражено полностью его знаменитым изречением «Не множеством побеждают»{45}.

Глава 8 его Устава Воинского (о армии) начинается знаменательно: «В старине у римлян зело великия войска бывали, но Юлиус Цезарь в одном корпусе никогда не выше 50 тысяч имел, причем в таком порядке примерном обучении были, что ими мог надежнее великия дела творить...»

Элементу качества отводится главное место. Как этого добиться? Очевидно, путем наибольшего привлечения в армию того сословия, которое наиболее хранило воинские традиции и издревле предназначалось к отправлению ратной службы. И Петр издает указ, вводящий обязательную, личную и пожизненную службу дворян. По достижении известного возраста (16 лет) недорослей, так называемых новиков, экзаменовали особыми комиссиями (грамота, «цыфирь» и прочая несложная премудрость). Невыдержавшие этого экзамена писались солдатами без выслуги, а выдержавшие брались на государственную службу: две трети в военную,

треть в гражданскую. От службы не освобождался никто. Таким образом, наиболее ценное в военном отношении сословие было использовано полностью.

Установив для дворянства личную воинскую повинность, Петр I придал рекрутской повинности других сословий общинный характер. Каждая община, сельская или мещанская, обязывались поставить по рекруту с определенного числа дворов (впоследствии – с числа душ), решив своим приговором, кому идти на службу. Рекруту должно было иметь от 20 до 35 лет, ничего другого от него не требовалось: военные приемщики должны были принимать «кого отдатчики в отдачу объявят и поставят». Община собирала поставленному рекруту деньги, обычно 150–200 рублей, что по тем временам представляло крупную сумму, раз в пять больше премии западноевропейским наемникам. Служба избавляла от рабства, и при Петре являлось много охотников из беглых крепостных. При Елизавете беглых перестали принимать, являвшихся секли и отсылали обратно к помещикам, чем совершалась громадная психологическая ошибка.

Итак, Петр сохранил основной принцип устройства русской вооруженной силы – принудительный характер обязательной воинской повинности, резко отличавшийся во все времена от наемно-вербовочной системы западных стран. Более того, принцип этот был еще ярче отнесен Петром: повинность эта объявлена пожизненной и постоянной (тогда как в Московской России она носила лишь временный характер).

Система комплектования носила определенно территориальный характер. В 1711 году полки были расписаны по губерниям и содержались за счет этих губерний. Каждый полк имел свой определенный круг комплектования – провинцию, дававшую полку свое имя. В Псковском полку служили псковичи, в Бутырском – солдатские дети Бутырской слободы, в Ингерманландском – жители северных новгородских пятин... Великий Царь оценил все значение столь развитого в русском народе чувства землячества (первая ступень патриотизма). К сожалению, после Петра на сохранение территориальной системы не было обращено надлежащего внимания, полки непрерывно меняли свои квартиры и свои округа комплектования, переходя из одного конца России в другой. К середине XVIII века система эта совершенно заглохла, и в результате Россия – единственная страна, имевшая в начале XVIII века территориальную систему, к началу XX века является единственной страной, системы этой не имевшей...

Сухопутные вооруженные силы разделялись на действующую армию и местные войска – гарнизонные и ланд-милицию, и казаков. Ландмилиция была образована из остатков прежних войсковых сословий (пушкарей, солдат, рейтар) в 1709 году и поселена на Украине для защиты южных границ. Губернии Архангелогородская и Астраханская содержали и комплектовали флот.

После Булавинского бунта Петр не особенно доверял казакам, но, понимая большое значение казачества в жизни Российского государства, селил казаков на окраинах. Неудачный поход Бухгольца в Среднюю Азию имел следствием учреждение Сибирского казачьего войска, а результатом персидского похода явилось переселение части донских казаков на Терек, чем положено начало Терскому войску (названному сначала Астраханским).

Вся тяжесть рекрутской повинности легла на десять тогдашних великороссийских губерний (на юге и по сие время «москаль» является синонимом «солдата»). Малороссийское население служило в войсках милиционных, иррегулярных – ландмилиции и казачьих. Такой порядок – великороссы в солдатах, малороссы в казаках – продержался до Екатерининских времен.

* * *

Перейдем теперь к полководчеству Петра. По определению генерала Леера, это был «великий полководец, который умел все делать, мог все делать и хотел все делать».

Полководческое дарование явилось у него лишь одной из сторон его могучего и сложного гения. Сила, яркость и гениальность его выявляются в полной мере при сравнении с дарованиями, тоже немалыми, его главного противника Карла XII.

У Петра ум государственный. Царь совмещает в себе политика, стратега и тактика – большого политика, большого стратега, большого тактика. Это редкое в истории сочетание встречалось после него лишь у двух великих полководцев – Фридриха II и Наполеона {46}. Гармония между этими тремя основными элементами военного искусства у Царя соблюдена в полной степени, и его стратегия всецело подчинена политике.

Карл XII являет собой в этом отношении полную противоположность своему царственному противнику. Это блестящий тактик, вождь, увлекающий за собой подчиненных. Но это не стратег, а тем паче не политик... Шведский король ведет войну из любви к войне, и эта физическая любовь к войне, в связи с полным отсутствием государственного ума, привела в конце концов его армию к гибели, а его страну к упадку. В 1706 году он имел полную возможность кончить войну почетным для Швеции миром, но не захотел ею воспользоваться, а восемь лет спустя, уже после Полтавы, когда положение Швеции сделалось отчаянным, своим необузданным упрямством восстановил против себя нового врага – Пруссию. В этих двух случаях, взятых для примера из целого ряда им подобных, мы видим полное отсутствие у Карла политического глазомера, первого качества полководца, особенно венценосного.

Нет у него и глазомера стратегического. Четыре года подряд он блуждает в Польше, гоня Августа II с места на место (и давая ценный отдых русской армии, учившейся тем временем воевать за счет злополучного Шлиппенбаха), вместо того чтобы ударом по Саксонии сразу обезоружить своего противника. Организаторских способностей у молодого короля не наблюдается, понятие организованной базы у него отсутствует, он не умеет сохранить за собой завоеванной местности и поэтому все его победы бесплодны. Едва лишь он покидает какую-либо местность в Польше – ее тотчас же занимает противник, вернее, она снова погружается в анархию, стихия которой начинается сейчас же за рогатками шведского лагеря.

Получив от отца небольшое, но замечательно организованное и обученное войско ветеранов, он блестяще употребляет, но совершенно не щадит его. Зимой 1707–1708 годов, с плохо одетой и плохо снабженной армией он бросается в глухие литовские леса и затевает совершенно бессмысленную партизанскую войну с населением исключительно для удовлетворения своей жажды к приключениям и совершенно не жалея войск... Он упускает возможность сосредоточить свои силы в 1708 году – перед тем чтобы идти на Россию и в русском своем походе делает второй шаг раньше первого...

В начале войны Карлу 19 лет. Юноша пылкий, запальчивый, упрямый и несдержанный, обладающий незаурядными способностями и не принимающий ни от кого советов, воспитанный на чтении деяний героев древности, имеющий ярко военную душу, но не имеющий ума великого полководца.

Он воображает себя Александром и в московитах Петра склонен видеть персов Дария. Вольтер замечательно удачно сказал, что он не был Александром, но достоин был быть первым солдатом Александра...

Если Карл ведет войну «ради войны», то у Петра ведение войны всецело подчинено его политике. Он ничего не предпринимает даром, руководясь всегда одними лишь интересами «государства Петру вверенного». Карл XII получил свою армию от отца готовой – Петр I создал свою собственными руками. Умея требовать от войск, когда придется, сверхчеловеческих усилий (до переноса кораблей на руках за сотни верст включительно), Петр никогда не расходует их сил попусту, зря. Стремления полководца, по собственным его словам, должны быть направлены к одержанию победы «малой кровью».

Уже кампания 1702 года, ингерманландский поход, выявляет его стратегические дарования. Закрепление им за собой линии Невы в 1703 году, чем разобщались Финляндия с Ливо-

нией, и выбор места для основания Санкт-Петербурга – Петропавловской фортеции, указывают на большой стратегический глазомер. Вывод армии из Гродны{47}, произведенный в точности по его инструкции, является таким же шедевром военного искусства, как отступление 100 лет спустя Кутузова из Тироля в Моравию и Цнаймский его маневр. Кампания 1708–1709 годов проведена Петром безупречно, в чем сознаются и шведские историки, самые пристрастные историки в мире.

Как тактик, Петр далеко опережает свою эпоху. Он заводит конную артиллерию{48}, за 100 лет до Наполеона и за полстолетия до Фридриха. Во всех его инструкциях войскам, особенно в знаменитых фридрихштадтских регулах, красной нитью проводится идея взаимной выручки и поддержки частей – «секундирования единого другим» и согласованность действий различных родов оружия, вводится понятие боевого резерва. В первый период войны Царь действует в высшей степени осмотрительно: качество шведской армии еще слишком высоко, и Петр примечает главную причину тактического превосходства шведов над молодыми русскими войсками – их «сомкнутость». И ей он немедленно противопоставляет полевую фортификацию. Петровская пехота владеет лопатой, как ружьем, становясь на бивак, обносит его немедленно шанцами. О полтавские редуты сомкнутость шведов и разбилась. Зная, что «не множеством побеждают», Петр принимает все меры, чтобы в решительный день оказаться в сколь можно превосходных силах (тогда как Карл XII всегда разбрасывает свои силы).

Обращает на себя внимание устройство конницы. При Петре вся она исключительно драгунского типа и великолепно обучена как конному{49}, так и пешему строю. Драгуны были излюбленным родом оружия Петра, и подвиги их в Северную войну не имеют себе равных в истории других армий. Вспомним Калиш, эту исключительно драгунскую победу, Лесную, где наши силы на две трети состояли из драгун, Переволочну, где летучий корпус Меншикова заставил положить оружие шведскую армию... Петр никогда не находил, что у него слишком много конницы, и в течение трех лет, с 1707 по 1710, оба гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, посаженные на коней, состояли на драгунском положении.

В общем, в тактике Петра преобладает элемент активной обороны, действий «по отношению неприятельскому», что отвечало обстоятельствам той эпохи. Именно наступательные начала в русскую тактику были введены лишь в Семилетнюю войну Румянцевым при Гросс-Егерндорфе{50}.

* * *

Из сподвижников Петра первое место должно быть отведено Меншикову – творцу и настоящему гроссмейстеру русской кавалерии – центавров Калиша, Лесной, Полтавы и Переволочны. Ему не раз вверялась армия и каждый раз он блестяще оправдывал доверие своего Царя. Как кавалерийский начальник, предводитель конной армии{51}, это деятель гораздо более крупный, чем Зейдлиц, Мюрат, Стюарт и Шеридан и смело может быть сравниваем с Румянцевым и Врангелем.

Велика заслуга перед русской армией и Шереметева, на долю которого выпала труднейшая из всех задач – перевоспитание нарвских беглецов и постепенное их закаливание –ковка молодой армии под стенами ливонских замков.

Крупную величину представляет и старший из трех Репниных XVIII столетия – князь Аникита Иванович. Его заслуги не были оценены надлежащим образом, а между тем ему обязана русская армия своим спасением из гродненской мышеловки.

Эти три главных военачальника Северной войны – русские. Но армия хранит имена двух иноземцев по крови и русских по духу – первых наставников ее в ратном деле, разумных и опытных советников юного Царя в наиболее критическую эпоху его царствования – имена Франца Лефорта и Патрика Гордона.

* * *

Старый наш Устав 1648 года, хотя и подновленный Гордоном, уже не годился для войск, крещенных в огне Северной войны. И на смену ему в 1716 году пришел новый «Устав воинский» – в своих основных положениях явившийся хартией русской армии на весь XVIII век. Мы не будем входить здесь в подробное рассмотрение этого замечательного документа, большую часть которого занимает разбор чинов и рангов и сопряженных с ними прав и обязанностей.

Уставом рекомендовалось на походе составлять авангардию из половины всей конницы, подкрепив ее, если возможно, несколькими легкими пушками; «кордебаталию» (*corps de bataille*) составляли «инфантерия» с артиллерией, затем шли обозы, и все замыкалось «арьергардией» из остальной конницы.

«Корволант сиречь легкий корпус» (*corps volant*) наряжается «для пресечения или отнимания паса у врага или оному в тыл идти или в его землю впасть – до 6–7 тыс. может всюду поворачиваться без тягости». Впрочем, он «может сочиняться не токмо от кавалерии одной» – туда может придаваться и пехота с легкой артиллерией.

Отряд Петра при Лесной – типичный корволант – как и Меншикова под Калишем и Переволочной. Вообще Северная война, особенно же кампания 1708–1709 годов, изобилует примерами удачного применения корволантов с русской стороны.

Артиллерия, которая «яко движимый арсенал и магазин войск есть», составляла «якобы особый корпус» (артиллерийские чины не совпадали, например, с пехотными либо драгунскими), исключая полковой, составлявший одно целое с пехотой и конницей. Строилась она «за полками или в середине фрунта». Прикрытие к ней от пехоты наряжалось исключительно из пикинер (мушкеты считались опасными в пожарном отношении). Прислуге при орудиях и даже пикинерам прикрытия по этой же причине воспрещалось курить. При артиллерии «обыкновенно имели свой стан» инженерные чины.

Занимая позицию, армия строилась в три линии. Единственный вид каре – полковой. Состоял он из 300 вздвоенных рядов (четыре шеренги) – по 75 на фас. Развернутый строй был в четыре шеренги.

Штабные и нестроевые чины имели свою особую иерархию – независимую от строевой, что представляло много неудобств (и продержится до Аракчеева). Наконец, характерной чертой Устава является недоверие к единоличным решениям, он предписывает всегда «коллегиальное» решение – созыв военного совета. Впрочем, Петр отдал здесь дань духу времени, эпохи расцвета «гофкригсрата».

Организация и быт Петровской армии

Служба всегда начиналась с нижних чинов. Кандидаты в офицеры поступали рядовыми в один из гвардейских полков – Преображенский или Семеновский. Там, протянув лямку пять-шесть лет, а кто и более (смотря по способности), они получали звание гвардии капрала либо сержанта и переводились в армейские полки, «писались в армию» – прапорщиками либо подпоручиками. Оба гвардейских полка содержались в двойном против прочих комплекте (четыре батальона вместо двух) и являлись питомником офицеров для всей армии, своего рода военными училищами, дававшими своим питомцам не только строевую, но и отличную боевую подготовку. На протяжении 100 лет сквозь их ряды прошли все те, кто создал великую Россию XVIII века...

В кавалерии роль военного училища играл лейб-режимент, куда недоросли писались драгунами. Сперва, в эпоху Северной войны, это был Санкт-Петербургский драгунский, а с начала 1720-х годов – Кроншлотский, наименованный с 1730 года Конной Гвардией.

Роль офицеров Гвардии, этих первородных «птенцов гнезда Петрова» и значение их в стране были весьма велики. Они исполняли не только военную (а подчас и морскую службу), но получали часто ответственные поручения по другим ведомствам, например дипломатического характера, царских курьеров, ревизоров и т. д. Так, в обязанности обер-офицеров Гвардии входило присутствие в качестве «фискалов» на заседаниях Правительствующего Сената и наблюдение за тем, чтоб господа сенаторы не занимались посторонними делами. Вообще, петровский офицер, гвардейский в особенности, был мастером на все руки, подобно своему великому Государю, пример которого был на глазах у всех.

Петр Великий понял значение офицера в стране и всячески стремился дать ему привилегированное положение. В Табели о рангах при равенстве чинов военные имели преимущество перед гражданскими и придворными. Всех рангов было 14:

- I ранг – генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал, канцлер;
- II – генерал рода оружия{52} (аншеф), адмирал, действительный тайный советник;
- III – генерал-поручик, вице-адмирал, тайный советник;
- IV – генерал-майор, контр-адмирал, действительный статский советник;
- V – бригадир, шатубенахт, статский советник;
- VI – полковник, капитан 1 ранга, коллежский советник;
- VII – подполковник, капитан 2 ранга, надворный советник;
- VIII – майор, капитан-лейтенант, коллежский асессор;
- IX – капитан, лейтенант, титулярный советник;
- X – штабс-капитан, коллежский секретарь;
- XI – поручик, корабельный секретарь;
- XII – подпоручик, мичман, губернский секретарь;
- XIII – прапорщик, провинциальный секретарь;
- XIV – коллежский регистратор.

В артиллерии чину прапорщика соответствовало звание штык-юнкера, а между поручиком и капитаном имелся чин капитан-поручика. Производство обер-офицеров в штаб-офицеры и из штаб-офицеров в генералы обуславливалось баллотировкой, и этот порядок, имевший, конечно, свои выгоды, но и большие неудобства, сохранился до самой смерти Петра. Иноземцы, поступая на русскую службу, прикомандировывались к генералам и штаб-офицерам, при которых несли ординарческие обязанности, присматриваясь к службе и овладевая языком. По окончании этого стажа они получали производство и зачислялись на службу. Оклады иноземцам в среднем были двойные, как и подобает наемникам. К концу царствования Петра I на верхах было около трети общего количества генеральских и штаб-офицерских чинов (в 1726 году в войске из 5 аншефов – 2 иноземца, из 19 генерал-поручиков и генерал-майоров – 8, из 22 бригадиров – 5, из 115 полковников – 82).

За особые заслуги жаловались ордена, Святого Андрея Первозванного (первый и долгое время единственный русский орден, основанный в 1698 году), а в конце царствования и Святого Александра Невского{53} (основан в 1722 году).

* * *

Управление войсками в мирное время сосредоточивалось в руках военной коллегии, учрежденной в 1719 году и имевшей первоначально три отделения («экспедиции»{54}) – армейское, гарнизонное и артиллерийское, ведавшие соответственно полевыми войсками, гарнизонными и материальной частью.

Высшие тактические соединения, бригады (2–3 полка) и дивизии (2–4 бригады) составлялись лишь в военное время. В мирное время высшей административной единицей был полк.

К концу царствования Петра I в армии считалось – пехоты: 2 гвардейских, два гренадерских и 42 пехотных полка (из коих 9 «низового корпуса» в Персии), всего 70 тыс. штыков при 200 орудиях полковой артиллерии; конницы: 33 драгунских полка – 37 850 человек, 100 орудий конной артиллерии; артиллерии: одна гвардейская, 4 армейские канонирные роты – 4190 человек с 21 полковыми и 160 осадными орудиями; сапер: две роты – инженерная и минерная. Всего в действующих войсках 112 тыс. строевых при 480 орудиях. Конница составляла, таким образом, третью часть полевых войск, а на каждую тысячу бойцов приходилось в среднем три пушки (не считая осадных). Кроме того, имелось 68 тыс. гарнизонных войск (50 пехотных и 4 драгунских полка), 10 тыс. ландмилиции (четыре пехотных и 16 конных полков) и 35 тыс. казаков.

Всего 225 тыс., а считая сюда личный состав флота – 250 тыс. пожизненных профессионалов.

Пехотные полки были в два батальона и состояли из одной гренадерской и семи фузе-лерных рот. Батальоны у нас появились лишь в 1698 году. До того полки делились непосредственно на роты. Оба гвардейских полка имели по 4 батальона. Многие армейские полки в различные периоды Северной войны имели тоже 4 либо 3 батальона. Каждый полк имел две 3-фунтовые пушки, на лафет которых могли быть, в случае необходимости, приспособляемы по две 6-фунтовые мортирки. Канониры носили форму полка и подчинялись полковому пехотному начальству. Орудия сопровождения Петровской эпохи весили 20 пудов и перевозились парой лошадей. Штатный состав пехотного полка был 1200 строевых. До 1708 года полки именовались по полковникам.

Каждая пехотная и драгунская рота имела свое знамя. Знамя 1-й роты считалось полковым и было белым, цвет остальных был по выбору полковника (чаще всего черным{59}). Срок службы знамен был 5 лет, и они считались амуничными вещами, хотя потеря их уже тогда считалась позорной, и части могли быть лишаемы знамен по суду. (Штандарты в первый раз введены при образовании кирасир в 1733 году.)

Вся конница была драгунской. Драгунский полк состоял из пяти эскадронов по две роты, во всех 10 ротах считалось 1200 строевых (первые роты считались, как и в пехоте – гренадерскими). Каждому полку придавалось тоже две 3-фунтовых пушки, а кроме того, по одной 20-фунтовой гаубице, весом менее 30 пудов.

Вооружение бойца составляли в пехоте: фузея (ружье) и шпага у всех. Фузея весила 14 фунтов, штык («багинет») вставлялся в дуло, так что стрелять с примкнутым штыком было невозможно. Гренадеры имели помимо всего две grenадные сумы (по одной 6-фунтовой «grenаде» в каждой). Унтер-офицеры вместо фузеи имели саженные алебарды. Недостаток в ружьях вынудил Петра вновь ввести на вооружение пехоты пики (полупики, так называемые протазаны) в 1707 году. Пикинеры (одно время свыше четвертой части всей пехоты) составляли в строю задние четыре шеренги и назначались преимущественно в прикрытие к артиллерии. Драгуны имели фузею, пистолеты и палаш. Фузеи носились в пехоте на плече, у драгун приторочивались к седлу (ремней не было).

Обмундирование состояло из длинного однобортного кафтана зеленого цвета (со времени Петра и до начала XX века, на протяжении 200 лет, зеленый цвет являлся традиционным цветом обмундирования русских войск), камзола, коротких штанов до колен, зеленых же чулков и низких башмаков, на походе и караулах – сапоги, у драгун ботфорты. Зимой надевалась епанча – род плаща.

Довольствие было отлично. Ежедневный «порцион» состоял из фунта мяса, двух фунтов хлеба, двух чарок вина и гарнца (кварты) пива{56}. Ежемесячно выдавалось полтора гарнца крупы и два фунта соли. Царь сам испытывал на себе в продолжение месяца этот паек, раньше,

чем утвердить его. Солдату полагалось жалованья 24 руб. в год, из которого, впрочем, половина вычиталась за обмундирование.

Казарм не было и войска располагались постоем у обывателей. При отводе войскам квартир «Устав Воинский» требовал одной кровати на трех человек, из расчета, что двое будут на ней спать, а третий занят караулами. Мы можем из этого убедиться, что отправление караульной службы в те времена поглощало третью часть наличного состава войск.

Дисциплина петровской армии была суровой: под арест сажали в оковах, телесные наказания были часты, но особенной жестокостью не отличались. Разжалование (в тяжелых случаях с «шельмованием» и без выслуги) практиковалось широко. Офицеры, иногда и старшие генералы, как Репнин, «писались в солдаты», нижние же чины «писались в извошки» (т. е. обозные). «Посрамлению» могли подвергаться и воинские части.

Вот что писал Петр в одном из своих воинских артикулов: «Полки или роты, которые с поля сражения побегут, судить в генеральном военном суде, и если найдется, что начальники тому причиной, то их шельмовать и преломив над ними чрез палача шпагу, повесить. Если виновные, офицеры и рядовые, то первых казнить как сказано, а из последних по жребию десятого, или как повелено будет, также повесить, – прочих же наказывать шпицрутенами и, сверх того, без знамен стоять им вне обоза, пока храбрыми деяниями загладят преступление. Кто же докажет свою невиновность, того пощадить».

Петр I вводил, таким образом, в войска принцип римской «децимации» (казни десятого). Если мы вспомним, что «Устав Воинский» ставит в образец малую армию «Юлиуса Цезаря», то сможем утверждать, что, устраивая полки Третьего Рима, Царь брал пример с легионов Первого. К чести русской армии надо прибавить, что к подобного рода наказаниям прибегать не пришлось. Тем не менее эта грозная сентенция сослужила свою службу, наставив на путь истинный не одно робкое сердце.

«Краткий артикул» 1706 года вводил наказание шпицрутенами, до тех пор применявшееся (как иноземное наказание) лишь к иноземцам, служившим у нас. Шпицрутены назначались исключительно по суду, и виновного прогоняли сквозь строй (наибольшее количество шпицрутенных – прогонка сквозь строй полка, назначалось за рецидив грабежа). Наказание батогами (розгами) назначалось в дисциплинарном порядке.

Со всем этим телесные наказания в русской армии XVIII века были не так часты и не так жестоки, как в иностранных армиях.

* * *

Немногие сохранившиеся сказки петровских полков – строевые рапорты, донесения всякого рода, отчетность и переписка, позволяют нам судить о быте войск. Рассматривая эти «сказки», мы прежде всего поражаемся размерам дезертирства. Например, в Бутырском полку, считавшемся одним из самых лучших в армии, с 1712 по 1721 годы бежал 361 человек, т. е. за 10 лет свыше четверти штатного состава. Объясняется это явление новизной для русского народа суровой и тяжелой рекрутской повинности, бывшей к тому же пожизненной. Призванный под знамена «даточный» первое время не мог свыкнуться с мыслью, что он никогда больше не увидит родной семьи, родного села, родных полей. Отсюда и большинство побегов. Часто беглые «сносили» амуницию и оружие – фузеи, шпаги, иногда даже алебарды. Все это отнюдь не служило спокойствию на больших дорогах. Характерно, что из всего указанного в Бутырском полку числа побегов – 361 за 10 лет, лишь один состоялся перед неприятелем (за что виновный и «казнен смертью» – расстрелян). Это обстоятельство служит своеобразным показателем высокого качества войск.

Мало-помалу подневольный профессионал свыкался со своей участью, долей «отрезанного ломтя». С каждым годом оставленные близкие становились все более далекими, постылый

вначале полк все более близким... Всю свою привязанность солдат переносил на него, свою вторую и последнюю семью, и на товарищество, «солдатство». Так понемногу, постепенно, из поколения в поколение, создался бессмертный тип русского солдата, петровского и елизаветинского фузелера, екатерининского чудо-богатыря, николаевского служаки...

Территориальная система комплектования, введенная Петром (при которой земляки попадали в тот же полк) оказала тогда громадную услугу русской армии: рекрутчина переносилась легче – «на миру и смерть красна» – и молодые полки скоро приобретали необходимую спайку.

Полки принимали из своего округа комплектования в среднем ежегодно 80–100 новобранцев в годы, когда особенных потерь не было, например, в последний период Северной войны, т. е. меняли свой состав полностью за 10–12 лет. В списках рекрут не указывалось ни возраста их, ни физических данных (рост, объем груди и т. д.). Мы знаем, что принимались они без осмотра. Отмечалась лишь грамотность, из «сказок», например, Бутырского полка (имевшего столичный округ комплектования, Бутырскую слободу в Москве) видно, что грамотных было 2–3 на сотню, в других полках было и того меньше.

Принимая во внимание тяжелые потери в боях и походах первой половины Северной войны, мы можем утверждать, что в продолжение всей этой двадцатипятилетней борьбы {57} русская армия переменила полностью свой состав три раза. Потери наши определяют до 300 тыс. приблизительно, но кто может сосчитать в точности, сколько их легло в финские болота, в польскую глину, в немецкий песок? Сколько было за благочестие кровию венчано на полях Лифляндии, Ингрии, Польши, Германии, Малороссии... И сколько погибло там же от разных язв и горячек, от всякого рода сверхчеловеческих трудов и нечеловеческих лишений?

Вспомним, какая великая доля выпала хотя бы солдатам полков Островского и Толбухина, первых поселенцев Котлина и Петропавловской фортеции! В далеких финских дебрях, с ружьем в одной руке и топором в другой, расчищали они бурелом на месте будущей Невской перспективы под волчий вой и выстрелы шведских партизан. И кости этих первых пионеров, сложивших свои головы в том далеком, неприглядном краю, явились сваями Санкт-Петербурга, фундаментом российской великодержавности... Вспомним тех же Бутырцев, прадедов по прямой линии Гаврилы Сидорова, пронесших на своих плечах и в еще более диких дебрях корабли из Белого моря в Онежское озеро... И вся эта петровская армия, терпящая лишения, но бодрая духом, железной рукой направляемая все к новым подвигам, в распутицу и стужу совершающая тысячеверстные переходы – от Полтавы к Риге, от Риги к Яссам, из Ясс на Копенгаген – не была ли она армией великого народа, армией великого Царя?

Русский солдат петровских времен, навсегда простившийся с семьей во имя службы России, являл собою пример стойкости и терпения, верности и самоотречения, каких не знают другим народам. И благодарная Россия сохранит его образ в своем сердце навеки.

ПЕТРОВСКИЕ ПОЛКИ:

Лейб-гвардии Преображенский (1683 г.);

Лейб-гвардии Семеновский (1683 г.);

2-й гренадерский Ростовский (1700 г. – пехотный Гулица, с 1708 г. Ростовский);

5-й гренадерский Киевский (1700 г. – пехотный Вилима фон Дельдена {58}, с 1708 г. – Киевский);

9-й гренадерский Сибирский (1700 г. – пехотный Ирика фон Вердена, с 1708 г. – Сибирский);

12-й гренадерский Астраханский (1700 г. – пехотный Брюсса, с 1790 г. Астраханский). С 1708 по 1790 гг. полк этот именовался Вологодским. Название Астраханского с 1708 г. носил сформированный в 1700 г. полк Александра Гордона, пошедший в 1790 г. на укомплектование Грузинских гренадер, получивших его ст-во.

- 11-й пехотный Псковский (1700 г. – пехотный Мевса, с 1708 г. – Псковский);
15-й пехотный Шлиссельбургский (1700 г. – пехотный фон Трейдена, с 1708 г. – Шлиссельбургский);
17-й пехотный Архангелегородский (1700 г. – пехотный Крота, с 1708 г. Архангелогородский);
19-й пехотный Костромской (1700 г. – пехотный Николая фон Вердена, с 1805 г. – Костромской);
22-й пехотный Нижегородский (1700 г. – пехотный Польшана, с 1708 г. Нижегородский);
25-й пехотный Смоленский (1700 г. – пехотный Бильса, с 1708 г. Смоленский);
29-й пехотный Черниговский (1700 г. – пехотный фон Шведена, с 1708 г. Черниговский);
45-й пехотный Азовский (1700 г. – пехотный Буша, с 1708 г. – Азовский);
61-й пехотный Владимирский (1700 г. – пехотный Юнгера, с 1708 г. Владимирский);
64-й пехотный Казанский (1700 г. – пехотный фон Дельдена, с 1708 г. Казанский);
65-й пехотный Московский (1700 г. – пехотный Иваницкого, с 1708 г. Московский);
85-й пехотный Выборгский (1700 г. – пехотный Кулома, с 1708 г. Выборгский) – основанный в 1700 г. славный Выборгский полк был расформирован в 1833 г. и пошел на составление финляндских линейных батальонов (старыми полками у нас стали дорожить лишь со второй половины XIX века). В 1863 г. из финляндских линейных батальонов были составлены пехотные полки 22-й дивизии, причем 85-й назван Выборгским, хотя батальоны, образованные из прежнего Выборгского полка, пошли на составление 88-го пехотного Петровского полка, имевшего, таким образом, больше оснований именоваться Выборгским – Старый Великолуцкий полк в 1810 г. был обращен в егерский, а в 1833 г., при упразднении егерей, расформирован. В 1835 г. вновь сформирован пехотный полк, названный Великолуцким. Император Александр III в 1884 г. повелел «для сохранения наименований двух старейших полков в России – Великолуцкого{59} и Выборгского, старшинство их в виде исключения из общего правила присвоить 12 пехотному Великолуцкому и 85 пехотному Выборгскому полкам». В приводимой таблице мы поэтому в виде исключения помещаем эти полки.
- 3-й пехотный Нарвский (1703 г. – пехотный Шенбека, с 1708 г. – Нарвский);
9-й пехотный Старо-Ингерманландский (1703 г. – пехотный Меншикова, с 1704 г. – Старо-Ингерманландский);
27-й пехотный Витебский (1703 г. – пехотный Скрипицына, с 1784 г. – Витебский);
38-й пехотный Тобольский (1703 г. – пехотный князя Репнина, с 1708 г. – Тобольский);
69-й пехотный Рязанский (1703 г. – пехотный Ланга, с 1708 г. – Рязанский);
1-й пехотный Невский (1706 г. – пехотный Куликова, с 1711 г. – Невский);
62-й пехотный Суздальский (1707 г. – пехотный Ренцеля, с 1727 г. – Суздальский);
13-й пехотный Белозерский (1708 – гренадерский Репнина, с 1727 г. – Белозерский);
16-й пехотный Ладожский{60} (1708 г. – гренадерский Буша, с 1727 г. – Ладожский);
21-й пехотный Муромский (1708 г. – гренадерский Энгберга, с 1721 г. – Муромский);
63-й пехотный Углицкий (1708 г. – гренадерский Бильса, с 1727 г. – Углицкий);
Лейб-гвардии Кексгольмский (1710 г. – гренадерский князя Барятинского, с 1727 г. – Кексгольмский – сформирован как Второй Гренадерский);
8-й пехотный Эстляндский (1711 г. – Эстляндский гарнизон);
12-й пехотный Великолуцкий (1711 г. – Азовский гарнизон, с 1835 г. – Великолуцкий);
193-й пехотный Свияжский (1711 г. – Казанский гарнизон, с 1891 г. – Свияжский);
81-й пехотный Апшеронский (1722 г. – Астрабадский пехотный, с 1732 г. – Апшеронский);
84-й пехотный Ширванский (1724 г.);
1-й лейб-драгунский Московский (1700 г. – драгунский Гулипа, с 1708 г. Московский);

17-й драгунский Нижегородский (1701 г. – драгунский Морелия, с 1708 г. – Нижегородский);

12-й уланский Белгородский (1701 г. – драгунский Дев-герина, с 1826 г. – Белгородский);

13-й уланский Владимирский (1701 г. – драгунский Жданова, с 1708 г. – Владимирский);

Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества (1702 г. – драгунский князя Волконского, с 1796 г. – Кирасирский Его Величества);

Лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества (1704 г. – драгунский Портеса, с 1796 г. – Кирасирский Ее Величества);

10-й гусарский Ингерманландский (1704 г.);

13-й гусарский Нарвский (1705 г. – драгунский Пестова, с 1708 г. – Нарвский);

5-й драгунский Каргопольский (1707 г.);

1-й уланский Санкт-Петербургский (1707 г. – драгунский Гешова лейб-режимент, с 1721 г. – Санкт-Петербургский);

4-й драгунский Новотроицко-Екатеринославский (1708 г. – драгунский Кропотова, с 1708 г. – Новотроицкий, с 1783 г. – Новотроицко-Екатеринославский);

3-й уланский Смоленский (1708 г. – драгунский Рославский, с 1765 г. – Смоленский);

11-й драгунский Рижский{61} (1709 г. – гренадерский князя Кропоткина, с 1727 г. – Рижский);

13-й драгунский Военного Ордена (1709 г. – гренадерский фон дер Роопа, с 1774 г. – драгунский Военного Ордена);

Лейб-гвардии Конный (1721 г. – драгунский Кроншлотский, с 1730 г. – Конный);

Лейб-гвардии артиллерийская бригада (1683 г. – бомбардирская рота, с 1796 г. – Лейб-гвардии артиллерийская бригада);

Гвардейский экипаж (1710 г.).

Примечание. Суздальский полк сформирован из остатков семи полков дивизии Востромирского, совершенно разгромленных при Фрауштадте. В таблицы включаются лишь полки, ни разу не расформированные. Первая дата – основание полка, вторая – пожалование полку настоящего имени. Многие полки переменили названия несколько раз. Мы можем отметить, что в 16-й пехотной дивизии старой Императорской Армии все четыре полка основаны Петром (и притом еще до Полтавской битвы).

Четырнадцатый гренадерский Грузинский следует причислить к Петровским полкам: он сформирован в 1700 г., назван пехотным Александра Гордона, в 1708 г. – Астраханским пехотным и в 1785 г. переименован в Кавказский.

Глава II

От Петра до Елизаветы

Эпоха упадка

При ближайших преемниках Петра Великого военное дело пришло в упадок. В кратковременное царствование Екатерины I и Петра II молодая Империя вступила в критический период своего развития, и вся энергия ее пошла на борьбу за власть различных временщиков и партий. Смутные времена юности Петра I грозили повториться. Внешней политики Россия этого периода, можно сказать, не имела вовсе^{62}, внутренняя политика грозила вырождаться в усобицы. Царская власть была сведена временщиками на нет.

Естественно, что все эти беспорядки не замедлили отразиться и на вооруженных силах. Численность их, как мы знаем, в середине 1720-х годов достигала 250 тыс. строевых, что было чрезмерным для страны с 17-миллионным населением, только что выдержавшей к тому же жестокую 25-летнюю войну. Уже в последние годы царствования Петра I из жалования воинских чинов производились вычеты (20 коп. с рубля у генералов, 15 – у штаб-офицеров, 10 – у обер-офицеров и 5 – у офицеров гарнизонных войск). Задержка в получении жалования на несколько месяцев стала обычным явлением. Был период (1724–1725), когда армия не получила жалования за целых 16 месяцев...

Правительство Императрицы Екатерины I напрягло все усилия к удовлетворению возникших претензий. В первую очередь были удовлетворены и приведены в порядок гвардия и столичные гарнизоны, и в конце 1728 года шведский посланник Цедеркрейц, донося своему правительству о боевой готовности русских войск, мог писать, что они «могут выступить в поход по объявлении указа в три дня». Правда, в жертву «первой руке потентата» была принесена вторая – флот во вторую четверть столетия пришел в полное запустение.

В конце 1720-х и начале 1730-х годов много старых офицеров и солдат было уволено в отставку. Для облегчения бюджета военной коллегии стали наряжать войска на вольные работы, употреблять солдат на должности, ничего общего с военным делом не имеющие: прислуги, курьеров различных ведомств, даже почтальонов.

Меншиков упразднил в 1726 году баллотировку офицеров в чины. В 1727 году полки были названы по местам их стоянок, но в том же году повеление это было отменено.

Военные действия в Персии продолжались все это время, параллельно с переговорами относительно обратной уступки персам взятых у них областей. Партизанская борьба требовала наряда значительных сил, а убыль от болезней привела к тому, что еще при Петре I 20 батальонов Низового Корпуса поглотили за три года (1723–1725) 29 тыс. рекрут. К 1730 году на Кавказе было расположено 17 пехотных и 7 драгунских полков, примерно четвертая часть всей вооруженной силы.

Самодержавие Анны. Реформы Миниха

При вступлении на престол Императрицы Анны Иоанновны в 1730 году Верховный Тайный Совет временщиков предъявил ей условия – «кондиции», совершенно ограничивавшие царскую власть и вводившие в России олигархию. России угрожала участь Речи Посполитой, но от этой участи она была спасена русским офицерством, политически воспитанным и политически сознательным. Последнюю, посмертную услугу оказал России великий Петр, вдохнувший в сердца птенцов своего гнезда сознание государственности, гражданственности, в лучшем смысле этого слова, и политической ориентировки.

Великая ложь «аполитичности армии» еще не была пущена мутить и разлагать умы. Петровская традиция – соблюдение всеми вместе и каждым в отдельности интересов «державы Петру вверенной», сохранилась весь XVIII век, ярко проявившись в 1730, 1741, 1762 годах. Трудно сказать, что сделалось бы с нашим Отечеством, если в те критические минуты армия «во имя сохранения дисциплины» замкнулась бы в аполитичность.

Опираясь на офицерство, – среднее и мелкое шляхетство, – Анна разорвала кондиции и стала самодержавной государыней. На 175 лет Россия была избавлена от охлократии{63}.

Правление Императрицы Анны обычно характеризуется «засильем немцев». Оно, конечно, было так, и это составляет отрицательную сторону ее царствования. Официальная наша история клянет «бироновщину», трактуя этот вопрос, как нам кажется, слишком односторонне и недостаточно широко. Прежде чем обвинять Бирона, посмотрим на его противников – спесивую и раболепную знать, правнуков смутьянов XVII века, вчера деливших Россию «в свой пропит», сегодня заискивающих и наперебой доносящих друг на друга всеильному курляндцу. Это обстоятельство в очень большой степени объясняет (но, конечно, не оправдывает) презрение, которое Бирон питал к русским, он судил их по сиятельным скоморохам Императрицы... Как бы то ни было, со всеми своими недостатками (жестокостью и любостязанием, что отнюдь не являлось отличительными чертами его одного), Бирон оказал России большую услугу, укрепив центральную самодержавную власть, сильно поколебленную в предшествующее пятилетие. Оба брата Бирона служили в русской армии. В Турецкую войну один командовал дивизией, другой – Гвардейским отрядом.

* * *

Делами армии заведовал другой немец. Иоганн Бургард – а по-русски Иван Богданыч – Миних{64} был ветераном Северной войны и поседел на русской службе. Он сроднился с Россией и правильно понимал ее интересы (не забывая в то же время и своих). Понимал и любил военное дело, хотя и был рутинером. Помимо всего, он был карьеристом и искусным куртизаном. Отличаясь славолубием и властностью, он «сгорал честолюбием, брался за все, не щади́л трудов, еще меньше слов для прославления трудов».

Реформы Миниха разнообразны, хотя и не всегда удачны. Сам сапер, он всячески стремился поднять значение корпуса инженеров и передал туда, между прочим, квартирмейстерскую часть, т. е. несложные функции тогдашнего генерального штаба. Он сознавал недостатки офицеров, производившихся из нижних чинов, их недостаточную образованность, грубость манер. Учреждение в 1731 году Офицерского училища, названного вскоре Шляхетским Кадетским корпусом (ныне Первый Кадетский), должно было отчасти заполнить этот недостаток. Программа его была чрезвычайно разносторонней, сама организация очень напоминала имперские рыцарские академии. Всего Корпус был рассчитан первоначально на 200, затем на 300 кадет. Шляхетский корпус выпускал офицеров в специальные роды оружия и в армейские полки. Гвардия держалась старого порядка производства. В программу Корпуса входили: богословие, юриспруденция, латынь, один из новых языков (огромное большинство выбрало немецкий, что не должно нас удивлять), география, математика, артиллерия, фортификация, верховая езда, фехтование и танцы. Кадеты могли быть пажами при Дворе.

Миних принял строгие меры от проникновения в русскую армию чужеземных авантюристов: велено впредь принимать лишь офицеров, «кои в знатных европейских армиях служили» и имеют надлежащие тому свидетельства. Привилегии иностранцев упразднены, их оклады сравнены с таковыми же их русских сослуживцев, получивших при «немце» Минихе равное правие в родной армии. Вместе с тем в армии введены немецкие порядки: чрезвычайно умножена канцелярщина и усложнено делопроизводство. Появились букли и пари́ки с косами (причем у солдат сало и мука заменяли косметические принадлежности). От немцев же переняты

наказания фухтелями{65} (шомполами, а в коннице – саблями плашмя). Подчас, весьма снисходительный к себе, Миних был неумолимо строг с подчиненными, например, за малейшие недочеты он выставлял под ружье старых заслуженных штаб-офицеров (и притом перед фронтом части).

Говоря об усилении в армии немецких порядков, следует заметить, что примеры у нас в те времена старались брать с армии цесаря. До увлечения пруссачиной дело пока не доходило.

В 1730 году учрежден третий гвардейский полк – Измайловский: по мысли «немецкой партии», он должен был явиться «противовесом» двум петровским, но с первых же шагов слился с ними воедино.

В 1731 году Минихом составлены новые штаты для армии, заменившие старую «табель» Огильви 1704 года. В пехотных и драгунских полках упразднены гренадерские роты{66} и гренадеры распределены по остальным ротам полка (по 16 гренадер на фузилерную, по 10 на драгунскую роту). В пехоте выведены из употребления пики (протазаны для офицеров и алебарды для унтер-офицеров сохранены). Ротные знамена отобраны и даны новые, по два знамени на пехотный батальон и конный полк. В 1733 году от общего драгунского типа конницы сделано первое отступление: сформировано четыре кирасирских полка. В конце 1730-х годов стали появляться гусары (преимущественно из сербских выходцев), их сформировано Минихом сперва три полка: Сербский, Валахский и Венгерский, затем еще два: Молдавский и Грузинский, и им отведены места для поселения в Малороссии, по южной границе.

Гусары встречаются еще в Московской России (заимствованы из Польши, где в почете были крылатые панцирные гусары). В росписи 1681 года их указано пять рот по 400–500 сабель, поселенных в Новгородской земле. При преобразовании армии в конце XVII века они исчезли и вновь появились лишь в конце царствования Петра I, когда в 1723 году сформирована команда гусарских охотников (главным образом, сербов в 340 человек, из коих к 1730 году на службе осталось 80).

Значительно усилена артиллерия. Полковая увеличена с двух на три пушки{67} в пехотных и драгунских полках. Полевая утроена в сравнении с Петровской эпохой и доведена до 60 орудий, главным образом 8-фунтовых пушек. Осадная составила три бомбардирских корпуса в Петербурге, Киеве и Белгороде.

Ландмилиция, кроме южной окраины, учреждена в 1731 году еще на западной (Смоленская){68} и восточной (Закамская). Пять лет спустя, южная ландмилиция составила Украинский ландмилицкий корпус. В 1734 году в подданство России приняты запорожцы. Астраханское казачье войско переименовано в Терское. Учреждены новые войска – Волгское (в южной части нынешней Саратовской губернии) и Исетское – на Урале.

В 1736 году последовало первое смягчение тяжелой и разорительной для дворянства личной рекрутской повинности. Единственным сыновьям, либо одному из братьев, разрешено оставаться при хозяйстве, «буде того пожелают». С другой стороны, установлением 10-летнего срока выслуги облегчено производство в офицерские чины унтер-офицеров не из дворян (производства эти, впрочем, были редки).

Внешний вид суровой петровской армии изменился. Драгуны получили голубые, василькового цвета, кафтаны, кирасиры – белые лосиные колеты. Помимо париков, кос, пудры введены белые галстуки, красные епанчи и белые кокарды на головных уборах{69}. Гусары имели длинные висячие усы и носили с каждой стороны головы по тонкой косе (большей частью природных волос), в которые вплетались ружейные пули. Обмундирование им выписывалось из Венгрии.

Введение в воинский обиход косметики чрезвычайно осложнило солдатский туалет. Наставления того времени предписывают рекрута «одевать мало-помалу, из недели в неделю, дабы не вдруг его связать и обеспокоить...». Молодой солдат облачался во всю форму не ранее конца 3-го месяца службы.

* * *

Миних боролся с чрезвычайным возрастанием количества нестроевых, но вместе с тем в видах экономии требовал возможно большей самокупаемости армии. Солдаты стали изучать всевозможнейшие ремесла: столярное, сапожное, портняжное и разные иные, что невольно влекло за собой упущения в главном их ремесле военном. Уход на вольные работы, преимущественно полевые, наблюдался особенно в полках, расположенных в провинции: солдатские артели большую часть года проводили у окрестных помещиков, многие занимались отхожими промыслами. На квартирах оставалось ничтожное количество людей, что делало невозможным производство экзерциций.

В городах донимала караульная служба и исправление полицейских обязанностей. Полиции в те времена, можно сказать, совсем не водилось, и столичные города – особенно кишевший всяким сбродом Петербург, по ночам делались чрезвычайно опасны. Для поддержания порядка наряжались «пристойные партии драгун и фузилеров». Караулы содержались всюду – у сенаторов, в иностранных посольствах, в «дессианс-академии», в Кунсткамере... Рассматривая ведомость неперенным караулам Бутырского полка, стоявшего тогда в Петербурге, мы находим графу: «В кунсткамере у слона – ефрейтор 1, рядовых 7 (!)». Естественно, что, когда две трети солдат уходило на вольные работы, а оставшаяся треть расписывалась по караулам, никого не оставалось для обучения воинскому артикулу. В трех пехотных полках Московского гарнизона – Ингерманландском, Архангелогородском и Астраханском вместе, в 1736 году по штатам числилось 6500 человек – 4500 находилось «в отлучке», ближней либо дальней, 1300 отправляло караульную службу – оставалось всего 700, из коих половина нестроевых.

В 1732 году в самовольной отлучке числилось 20 тыс. человек, считая и давних дезертиров петровских времен. Громадный некомплект в полках не мог быть пополнен рекрутскими наборами, более частыми в этот период, чем в последние годы царствования Петра I. С 1719 года взято 53 928 рекрут, в среднем 6–7 тыс. в год. С 1727 по 1736 годы взято 147 418, т. е. 14–15 тыс. ежегодно. В 1740 году, уже по окончании войны с Турцией, прусские шпионы (лучшие шпионы в Европе) доносили, что в случае новой войны Россия при всем напряжении не в состоянии будет выставить более 140 тыс. человек.

Война за Польское наследство 1733–1735 годов

В конце 1732 года скончался Август II{70}, король польский, курфюрст саксонский, союзник Петра Великого в Северную войну. Польский трон становился вакантным, и на него претендовали два кандидата{71}: сын покойного Август III Саксонский и известный уже нам по Северной войне Станислав Лещинский, ставленник Франции и возглавитель русофобской партии.

Ясно, что эта последняя кандидатура являлась для России неприемлемой, так как лишала ее спокойствия на ее западной границе. Поэтому Петербургский кабинет потребовал от Сейма снять ее. Однако представление это осталось безрезультатным. Партия Лещинского все усиливалась, и в августе 1733 года он был избран королем{72}.

Избрание это отнюдь не застало Россию врасплох. Предвидя такой оборот дел, правительство Императрицы Анны с весны начало сосредоточивать войска на литовской границе. 31 июля фельдмаршал Ласси с 20 тыс. человек перешел границу, овладел Литвой и Курляндией и в двадцатых числах сентября подошел к Висле.

Лещинский отправился в Данциг – «окно в Европу», откуда мог ожидать помощи своего зятя Людовика XV. Ласси занял Прагу и Варшаву, где провозгласил королем Августа III и стал на зимние квартиры у Ловича и Скерневиц. Однако уже в декабре он получил повеление идти

на Данциг и выступил туда с 12-тысячным отрядом (численность русских войск в Польше и Литве достигала 50 тыс., но большую часть пришлось оставить в стране для организации тыла, поддержки саксонской партии и наблюдения за полчищами «посполитого рушенья»).

В дальнейшем военные действия сосредоточились почти исключительно вокруг Данцига, где засел Лещинский с 20 тыс. войска{73} (частью шведских и французских волонтеров, частью поляков). 23 февраля начались осадные работы, а 5 марта туда прибыл Миних, принявший главное командование.

Осада Данцига длилась четыре месяца. Франция, став открыто на сторону Лещинского, начала военные действия против России и Австрии (тоже поддерживавшей саксонскую кандидатуру). Французский флот, войдя в Балтийское море, старался прервать сообщение осадной армии с Россией и высадил в устье Вислы десант. С другой стороны, король Пруссии объявил нейтралитет и препятствовал подвозу осадной артиллерии через свои владения. Миних вел долгую и неприятную переписку с Фридрихом-Вильгельмом и в конце концов прибегнул к хитрости: осадные мортиры были доставлены в русскую армию из Саксонии в закрытых каретах под видом экипажей курфюрста вюртембергского{74}.

Тем не менее, чередуя бомбардировки со штурмами, Миних овладел большей частью предместий. Попытки поляков деблокировать Данциг окончились для них плачевно, 17 тыс. было разбито в шесть раз слабейшим русским отрядом. 17 июня французский десантный корпус положил оружие в составе четырех полков{75} (5 тыс. человек) у Вейксельмюнде. Так окончилось первое в истории столкновение русских с французами. Лещинский, переодевшись, бежал – и 8 июля{76} 1734 года Данциг сдался. Овладение Данцигом стоило нам не свыше 3 тыс. человек, главным образом при неудачном штурме Габельберга{77} (120 офицеров, 2 тыс. нижних чинов). К концу осады у нас было до 16 тыс. человек.

Дело Лещинского было с тех пор потеряно, и его сторонники пали духом. Многочисленные польские ополчения не представляли собой сколько-нибудь серьезного противника. Польское войско занималось усобицами и доставляло русским лишь утомление переходами. «Иногда, – пишет адъютант Миниха Манштейн, – большие массы поляков приближались к русскому отряду, распуская слухи, что хотят дать сражение, но не успеют русские сделать двух пушечных выстрелов, как уже поляки бегут. Никогда русский отряд в 300 человек не сворачивал с дороги для избежания 3 тыс. поляков, потому что русские привыкли бить их при всех встречах...». Мало-помалу польские войска расходились по домам, и русские спокойно могли стать на зимние квартиры в стране Августа III.

Делать в Польше было уже нечего. В кампанию 1735 года кабинет решил двинуть русские войска в Германию, для оказания «сикурсу» цесарю, войско которого сражалось на Рейне с французами.

8 июня 1735 года Ласси с 20-тысячным корпусом{78} двинулся из Польши через Силезию и Богемию в Баварию и 30 июля прибыл в Нюрнберг{79} (довольствие австрийцы взяли на себя). «До сих пор поход совершался благополучно, – доносил Ласси из Нюрнберга, – солдаты в пропитании нужды не имели и жалоб ни от кого на войско не приходило. В здешних краях очень удивлены, что многочисленная армия содержится в столь добром порядке; из дальних мест многие приезжают смотреть наше войско...»

В сентябре армия прибыла на Рейн под Филиппсбург{80}. Еще никогда русские орлы не залетали так далеко на Запад, но померяться силами с равноценным противником им в эту войну так и не пришлось. Французы заключили уже перемирие, а вскоре и мир с обеими империями{81}.

В ноябре{82} корпус Ласси двинулся обратно в Россию – в степях Украины начиналась новая война.

Турецкая война 1736–1739 годов

Причиной Турецкой войны в царствование Императрицы Анны Иоанновны явилось желание уничтожить унижительный для России Прутский договор и обуздать подвластных Турции крымских татар, опустошавших Малороссию своими набегами (все представления петербургского кабинета Порте по этому поводу были безрезультатны).

Вместе с тем, высоко расценивая мощь Османской империи, русское правительство решило заручиться помощью нашей союзницы Австрии (которой оно только что помогло посылкой на Рейн корпуса Ласси). Для Австрии тех времен турецкие войны явились своего рода традицией (Монтекукули, Людвиг Баденский, принц Евгений). Цесарь Карл VI все же медлил с объявлением войны, ограничиваясь обещаниями, а Персия, воевавшая тогда с Турцией, стала склоняться на мир. Тем не менее в Петербурге решили действовать. В начале 1735 года крымские татары, двигаясь в Закавказье на персов, прошли через русские владения на Украине, султан же не обратил внимания на наш протест.

Война была решена, и с весны 1735 года наши войска стали продвигаться с польского театра на Украину.

В августе этого года генерал Леонтьев{83} с армией в 39 тыс. человек произвел неудачный поиск на Крым. Не дойдя до Перекопа, он вернулся с потерей до 9 тыс. главным образом заболевшими.

Весной 1736{83} года к Азову был двинут корпус фельдмаршала Ласси, овладевший крепостью 20 июля{84}. В Азове взято 4 тыс. пленных и 163 орудия. Наш урон 200 убитыми, 1500 ранеными. Легко ранен сам Ласси. Главная же армия Миниха в конце апреля двинулась к Перекопу. В ней считалось 58 тыс. строевых (17 пехотных, 17 драгунских полков{85} и 12 тыс. казаков) при колоссальном обозе, доходившем до 40 тыс. телег. Петербургский кабинет и большинство военачальников полагали ограничиться одним опустошением гнезда хищников, но Миних решил завоевать страну. После месячного марша (переход в среднем 8–10 верст в сутки, причем армия двигалась одним большим каре) – Миних 21 мая штурмовал перекопские линии и после жестокого боя с татарами и турецким гарнизоном Перекопа овладел ими.

Проникнув в Крым, армия сразу же стала испытывать большие лишения от недостатка воды (татары, отступая, опустошали страну и портили колодцы). 5 июня взят Козлов (Евпатория). Простояв там пять дней, Миних распустил ложный слух о своем отступлении, а сам быстро двинулся на Бахчисарай, столицу ханства. 16 июня Бахчисарай взят штурмом, razoren и сожжен. Миних простоял здесь три недели, причем армия сильно терпела от разного рода болезней, и 6 июля тронулся в обратный путь. 16 августа армия отошла за Перекоп{86}, совершенно эвакуировав Крым, который удалось разорить, но не удалось завоевать. Из строя выбыло 30 тыс.{87} (половина всего состава), но потери в боях составляют едва 2 тыс. Ни в одном полку не оставалось в строю свыше 600 человек, и Миних отклонил предложение Петербурга идти на Крым вторично осенью.

До сих пор военные действия велись исключительно против татар (турецкие гарнизоны принимали в них участие лишь случайно). Султан не желал войны с Россией и Австрией, но обе эти державы отвергли{88} турецкие предложения (побуждаемые фантастическими, во всяком случае сильно преувеличенными донесениями российского посла в Царьграде Вешнякова о слабости Турции и готовящемся в случае войны поголовном восстании христиан). Туркам оставалось лишь изготoвиться к борьбе.

* * *

В феврале 1737 года крымский хан, собрав до 100 тыс.{89}, перешел Днепр у Переволочны и двинулся к Полтаве, уничтожив слабый русский отряд генерала Лесли и опустошив все на своем пути. Быстро собрав армию с квартир, Ласси двинулся ему навстречу, и хан отошел обратно за Днепр. Турки тем временем собрали в Бессарабии и на Дунае 200-тысячную армию, обратив главное свое внимание на Австрию.

Австрийцы настаивали на совместных действиях обеих союзных армий и требовали наступления русских в Валахию и на Дунай. Однако Миних убедил Императрицу отклонить домогательства цесаря (властолюбивый фельдмаршал опасался подчинения австрийскому главнокомандующему). Было положено каждому союзнику действовать за свой счет: австрийцам – в Сербии, русским – в Новороссии{90}.

Россия выставляла две армии. Главная – Миниха (100 тыс.) должна была прервать сухопутные сообщения Крыма с Турцией, овладеть Очаковым, а затем взять Бендеры и идти на Дунай. Другая армия – Ласси (40 тыс.) шла на Крым. Для пополнения войск зимой 1736–1737 годов набрано 40 тыс. рекрут, однако половина их погибла в дороге от болезней, лишений и дурного обращения.

Армия Миниха – 90 тыс.{91} (60 тыс. строевых), разделенная на три дивизии, снабженная сильной артиллерией (646 орудий) и обремененная обозом в 28 тыс. повозок и 2 тыс. верблюдов, собралась в конце апреля на Днепре и медленно двинулась к Бугу, которого достигла лишь 15 июня (средняя величина перехода – 4 версты!). Оставив у переправы большую часть тяжестей, обозов и чересчур стеснительной артиллерии, Миних спустился правым берегом реки к Очакову. 29 июня он подступил к крепости и 2 июля овладел ею штурмом. Первый штурм был отражен. Турки, бросившись вслед за отступавшими, стали добивать раненых. Миних в отчаянии сломал шпагу, воскликнув: «Все пропало!». Внезапно одна из последних, выпущенных наудачу бомб, попала в турецкий пороховой погреб... Половина крепости взлетела на воздух, и ободрившиеся войска, снова ринувшись в атаку, овладели ею после жестокой резни (из 17 тыс. турок остались лишь 4 тыс.). В крепости взято 300 знамен и значков, и 96 орудий. Наш урон до 4 тыс.: 1022 убитыми, 2841 ранеными.

Недостаток продовольствия и фуража побудил Миниха отступить с главными силами от Очакова вверх по Бугу на 80 верст, в Андреевское укрепление. Однако развивавшиеся в армии поварные болезни, тиф и чума, от которых погибло 15 тыс. человек{92}, и массовый падеж скота (в одной артиллерии пало 30 тыс. волов) заставили фельдмаршала спешно отослать на Украину сперва часть армии, а затем отступить за Днепр с остальными, оставив в Андреевском большую часть артиллерии и почти все обозы, лишившиеся запряжек. Убыль в людях в эту кампанию доходила до 35 тыс. человек. Армия была в плачевном состоянии: «По взятии Очакова, – пишет австрийский военный агент полковник Беренклау, – армия была приведена в такое расстройство, что ничего не могла более предпринять, и если бы турки со стороны Бендер на нее напали, то не встретили бы сопротивления...» Но турки выручили Миниха своим бездействием, и фельдмаршал мог донести Государыне, что армия «отведена от Очакова с викторией в добром порядке...»

В Очакове оставлен был гарнизон в 9 тыс. человек под начальством Штофельна. Лишь только армия Миниха удалилась на Днепр, из Бендер для отобрания Очакова выступило 50 тыс. турок и татар. Храбрый Штофельн отразил все штурмы (с 14 по 28 октября), потеряв до 10 тыс. неприятелей (еще столько же погибло от чумы, свирепствовавшей в турецко-татарских ордах и занесенной в русские войска). Остатки неприятельской армии вернулись в Бендеры.

Пока Миних воевал под Очаковым, фельдмаршал Ласси двинулся на Крым. Хан поджидал его с войском на Перекопе, но Ласси обманул врага, внезапно двинувшись по Арабатской стрелке глубоким заходом в тыл перекопской позиции, чем навел ужас на татар. Ханская армия была рассеяна, и Ласси овладел всем полуостровом. Однако недостаток в продовольствии вынудил его в конце лета отвести войска в Северную Таврию.

Тем временем наши союзники, австрийцы, терпели в Сербии одно поражение за другим{93}. Опасаясь к зиме турецкого нашествия, они просили посылки русского вспомогательного корпуса, но и на этот раз просьба их, по настоянию Миниха, была отклонена.

* * *

К началу 1738 года армию Миниха предложено было довести до 105 тыс.{94}, однако потерь предыдущей кампании возместить не удалось, и к весне ее еле-еле довели до половины предложенной цифры. Поход этого года совершенно не удался. Миниху надлежало овладеть Бендерами. Он затратил два месяца на движение от Днепра к Бугу и еще месяц на поход от Буга к Днестру. Стесненная громадным обозом (40 тыс. повозок), армия двигалась по безлюдной степи одной массой, большим каре. Бескормица и болезни спешили почти всю конницу, разведка не производилась, и от Буга к Днестру движение армии совершалось ощупью и сомкнутым строем.

26 июля Миних подступил к Днестру выше Бендер, но переправиться на тот берег не решился: переправу пришлось бы форсировать на глазах бендерского сераскира, занимавшего с армией в 60 тыс. человек при 75 больших орудиях командующие высоты у правого берега и зорко следившего за движениями русских. Почти месяц блуждала русская армия по выжженной татарами степи, имея частые стычки и даже упорные, но не всегда удачные, бои с переправившимися неприятельскими партиями и отрядами. 21 августа армия возвратилась на Буг в самом печальном виде: в строю ее не оставалось и половины состава, дизентерия, тиф и чума косили людей тысячами. Большую часть артиллерии пришлось оставить за падежом лошадей и волов: пушки брошены в колодцы, снаряды зарыты в землю. Из Очакова и Кинбурна выведены гарнизоны, вернее их остатки, дабы не вымерли от чумы...

В сентябре Миних вернулся на Украину. «Генералитет весь в добром здравии, – доносил он Государыне, – а рядовые чрезвычайно бодры и всякий желает сражаться, дабы железо, свинец и порох в честь и славу Вашего Величества употребить, а везти все это назад с собой не без труда. Болезни, особенно в рекрутах, продолжают, только опасности никакой не видно...» Миних весь вылился в этих немногих строках!»

Ласси и в этом году ходил на Крым, но с тем же результатом – завоевывать страну, завоевал, но удержаться в ней не смог, и все по той же причине: невозможности довольствовать армию. Отступив осенью на зимние квартиры, он исходатайствовал разрешение этих утомительных походов больше не производить и получил на будущий год чисто пассивную задачу – охрану южных границ от татар.

Таким образом, кампания 1737 года{95}, стоившая подобно двум предыдущим громадных материальных затрат и жертв людьми, окончилась, как и они, безрезультатно. Более того, терялся Очаков, единственное наше приобретение до сей поры.

У союзников-австрийцев дела обстояли еще хуже. Венский кабинет, жалуясь на неокказание помощи русскими, снова просил о поддержке. Военная коллегия предписала генералу Румянцеву (отцу будущего фельдмаршала) идти на выручку цесарцев с 30-тысячным корпусом{96}, но тут снова вмешался Миних, и предписание это было отменено.

Потерю в боях за всю кампанию Миних исчисляет в своем рапорте в 700 убитыми и 250 ранеными, т. е. менее тысячи. На самом деле наш урон в боях раза в три больше, как явствует из войсковых архивов. Так, в одном неудачном для нас деле, на Каменке 6 августа{97}

мы лишились 500 убитыми и 500 пленными при внезапном нападении турко-татар на наших фуражиров. Собранный тут же Минихом военный суд приговорил начальника 2-й дивизии генерал-лейтенанта Загряжского (выславшего фуражиров, не спрося главнокомандующего) и дежурного бригадира князя Кантакузена к разжалованию в рядовые, а начальника прикрытия полковника Тютчева – к расстрелу. Свои неудачи Миних вымещал на подчиненных.

* * *

Весной 1739 года армия Миниха (68 тыс. при 251 орудии){98} сосредоточилась в Киевском районе. Операционным направлением, вместо принятой дотоле линии Переволочна – Бендеры, сделалась линия Киев – Яссы, представлявшая значительные выгоды, как в смысле преодоления меньших естественных преград (Буг и Днестр в их верхнем течении), так и особенно в смысле удобного довольствия войск (обильная Киевщина и Подолия вместо пустынных очаковских степей). Правда, путь войскам лежал через Подолию, польскую территорию, но это обстоятельство не смущало ни русских, ни турок. Речь Посполитая, уже впадшая в состояние маразма, не была в силах заставить уважать свой нейтралитет.

Вели-паша, сераскир бендерский, которому было поручено ведение войны с Россией, вторгнулся в Подолию, но, опоздав предупредить Миниха на переправе через Буг, отступил к Хотину (у него, как и в прошлом году, было 60 тыс.).

Миних избрал пунктом переправы через Днестр деревню Синьковцы, выше Хотина, однако, чтоб отвлечь внимание турок, двинулся с армией на реку Збруч и пошел галицийским берегом этой речки. Хотинский паша Гуссейн поспешил к устью Збруча, чтобы предупредить там русских. Тогда Миних, приказав Румянцеву с главными силами и тяжестями продолжать движение вдоль Збруча, сам с 20-тысячным корпусом и продовольствием на 10 дней быстро двинулся к Синьковцам и 19 июля благополучно перешел на правый берег Днестра, где и укрепился, поджидая главные силы. Турецкая армия, насчитывавшая по соединении сераскира с Гуссейном 90 тыс., расположилась у села Ставучаны и все время бездействовала, дав Миниху возможность 3 августа без помехи соединиться с Румянцевым. 5 августа Миних двинулся с Днестра на Прут, прошел не тревожимый турками трудное дефиле Буковинского леса и 17 августа под Ставучанами наголову разбил турецкую армию. Ставучанское сражение, несмотря на кратковременность, носило упорный характер. Оно типично для нашей оборонительно-наступательной тактики тех времен (сперва отбитие натиска, затем переход в наступление){99}. Это единственное генеральное сражение за 3 года войны с турками. Миних показал урон всей армии всего в 66 человек (!). Между тем один лишь батальон Семеновского полка потерял в этом деле 145 человек. Общая наша потеря в Ставучанской битве не менее 1800–2000 человек{100}. Турки оставили на поле сражения 1000 трупов, 50 орудий, весь лагерь и обозы. Миних построил отступавшим золотой мост и в первые часы не сознавал все значение этой победы. В Хотине взято 990 пленных и 183 орудия. Турки бежали к Дунаю, Хотин сдался без выстрела на следующий день, а 3 сентября Миних вступил в Яссы.

Молдавия присягнула на подданство Императрице Всероссийской. Устроив в несколько дней управление краем, фельдмаршал решил овладеть в течение осени Бендерами, занять всю Молдавию и Валахию, устроить здесь прочную базу и весной 1740 года перенести военные действия за Дунай. Однако уже 12 сентября в армию{101}, шедшую к Бендерам, пришло известие о заключении австрийцами сепаратного и позорного мира («мира постыдного и предосудительного», – как выразился о нем Миних) и повеление прекратить военные действия. Миних немедленно сделал представление в Петербург требовать от Турции уступки Молдавии с Яссами и Хотинем, срытия Бендер и распространения границы на юге до Берислава на нижнем Днепре. Но мир в Белграде был уже подписан 18 сентября и на условиях, не соответствовавших ни достоинству России, ни огромному количеству жертв... Россия уступала Порте все свои заво-

евания в Молдавии, обязывалась не содержать флота на Черном и Азовском морях, перевозить русские товары исключительно на турецких судах. Мы получили Азов, но с обязательством не содержать там крепости, наша граница продвинулась на 80 верст к югу в степях – и это ценою 150 тыс. человеческих жизней... { 102 }.

* * *

При разборе войны 1735–1739 годов – четвертой по счету войны России с Турцией за полстолетия – мы должны прежде всего отметить полную несогласованность в действиях союзников – русских и австрийцев. Несогласованность эта с нашей стороны намеренная, три раза цесарь обращался в Петербург за помощью и три раза получал отказ по настоянию Миниха. Лозунг «сам погибай, а немца выручай» в те времена нашим правительством (хотя и состоявшим из немецких временщиков) в степень непреложного догмата еще возведен не был. Русские войска поэтому не были вовлечены в австрийскую катастрофу { 103 }.

Внутренняя политика России все время отражается на ходе войны. Бирон и Миних – соперники, и курляндец был очень рад удалению своего «риваля» в южные степи, подальше от Петербурга, где он тем временем окончательно упрочил свою власть. Однако, когда в 1739 году после Ставучан для Бирона возникла опасность узреть Миниха в ореоле триумфатора, он быстро склоняет Императрицу к заключению мира, тем более что война сильно истощила и без того скудные финансы, и продолжать ее становилось рискованным, так как разгром Австрии освобождал главные силы турок (русский фронт Порты считала второстепенным, двинув две трети армии своей с самого начала против Австрии).

Русская стратегия в общем плачевна. В четырех крымских походах 1735, 1736, 1737 и 1738 годов в каждый последующий повторяются ошибки предыдущего, а все вместе повторяют ошибки допетровских времен, хождений Голицына к Перекопу. Основная ошибка – это слишком большая, громоздкая армия, которую трудно довольствовать. Легкий летучий корпус, «корволант», из драгун с конной артиллерией вполне мог бы ее заменить.

Походы Миниха 1737 года – к Очакову и обратно, в 1738 году – к Днестру и обратно – особенно напоминают допетровское полковождение. Армия движется одной сплошной массой (в последнем случае одним большим «кареем» с обозом посередине). Не говоря об организационных пороках армии (переобременение ее тяжестью), самый центр войны – безлюдная степь, т. н. «Дикие Поля» – способствовали неудаче этих двух походов, где мы лишились не более 8 тыс. людей в боях, а свыше 60 тыс. погибшими от болезней и лишений.

Вся эта пятилетняя изнурительная война могла бы состоять из одной лишь кампании 1739 года. Более того, Миних мог бы перенести военные действия на север к Хотину еще в 1738 году: неудача предыдущей (очаковской) кампании, казалось, должна была доказать ему неудобство ведения войны на театре, для которого тогдашняя русская армия не была подготовлена. Повторив в кампанию 1738 года все ошибки предыдущей кампании, Миних затянул войну на год и, потеряв этот год даром, не имел уже времени довести до конца свою кампанию 1739 года.

Ласси, видя страдания своих войск в крымских походах, испросил разрешения их больше не предпринимать. Сравнение его полководчества с таковым же Миниха напрашивается само собой – и оно отнюдь не в пользу этого последнего. Для честолюбивого и эгоистичного Миниха страдания войск решительно ничего не значили, он смотрел на войска главным образом и прежде всего как на орудия для достижения своих целей, своих планов, своей политики.

Совершенно другой характер носит деятельность Ласси. Это благородная солдатская фигура, старый честный и храбрый воин, всегда стоявший в стороне от придворных интриг, живший интересами армии и нуждами своих подчиненных. По словам генерала Д. Ф. Масловского, он был бессменным часовым на страже действительных нужд осиротевшей русской

армии, заброшенной во все время владычества Бирона и Миниха... Этой армии он отдал 50 лет своей жизни и, умирая в 1750 году, мог сказать, что вся его жизнь была дана «на потребу воинскую» его второй родины.

Как бы то ни было, Миних, всегда старавшийся быть на виду, получал первые роли – Ласси оставался в тени.

* * *

Рассматривая состав русской армии в этот упадочный для нее период, мы не можем не поразиться огромным количеством артиллерии и всякого рода обозов. Отправляясь в степной поход 1737 года и имея в строю 60 тыс., Миних запасается колоссальным количеством артиллерии – 646 пушек и мортир, т. е. 11 орудий на тысячу бойцов (тогда как нормой для того времени считалось 3, самое большее 4). Это показывает, что Миних, несмотря на опыт своего похода в Крым в 1736 году, не отдавал себе отчета в свойствах противника и особенностях степной войны. Подвижные скопища татар требовали для борьбы с собой именно легких войск. Собственно осадных орудий (для Очакова) запасено было немного. Последствия этого не замедлили сказаться, и большая часть этой артиллерии брошена в степи. Еще более обременяли армию обозы: в 1737 году – 28 тыс. телег и 2 тыс. верблюдов, в 1738 году – 40 тыс. телег, буквально сколько солдат, столько повозок. По штатам 1731 года на пехотный полк (8 рот) полагалось 152 телеги, но в 1737–1738 годах их было по 250–300. Этот безобразный обоз, парализовавший всю армию, объяснялся отчасти тем обстоятельством, что действовать приходилось в пустынной и ненаселенной местности и все запасы приходилось везти с собою; однако сибаритство и распушенность имеют тоже свою долю вины. Санитарное состояние армии было самым плачевным: не хватало ни врачей, ни лекарств, большая часть больных умирали. Нераспорядительность провиантской части присоединялась к болезням – при отступлении от Очакова, например, армию несколько дней довольствовались одним сырым тестом.

Австрийский военный агент капитан Парадиз, бывший в степном походе 1738 года, пишет следующее: «Русские пренебрегают порядочным походом и затрудняют себя огромным и лишним обозом: майоры имеют до 30 телег, кроме заводных лошадей... есть такие сержанты в гвардии, у которых было 16 возов. Неслыханно большой обоз эту знатную армию сделал неподвижно... Русская армия употребляет более 30 часов на такой переход, на который всякая другая армия употребляет 4 часа... При моем отъезде из армии было более 10 тыс. больных: их перевозили на телегах как попало, складывая по 4, по 5 человек на такую повозку, где может лечь едва двое. Уход за больными не велик; нет искусных хирургов, всякий ученик, приезжающий сюда, тотчас определялся полковым врачом»... Кавалерия, по словам Парадиза{ 104}, настолько отягчена оружием и кладью, что ее «за драгунов почитать нельзя...».

Еще так недавно, при Петре, за каких-нибудь 15 лет до этих событий русские войска без чрезмерного напряжения{ 105} проделывали за одну кампанию 1000 и 1500 верст, нисколько не теряя боеспособности: от Минска с боями до Полтавы, от Полтавы до Риги, от Риги до Ясс... Теперь те же войска не могут сделать и 200 верст, не придя в полное расстройство!

«Все, что приготовил Петр Великий своим мозолистым трудом, было растеряно, – пишет один из исследователей этой эпохи, – и в Турецкую войну перевелись ветераны Полтавы...».

Шведская война 1741–1743 годов

Война за польское наследство и Данцигская экспедиция принесли Франции мало славы. В чаянии реванша правительство Людовика XV повело интригу в Швеции. Происки эти увенчались успехом, и 28 июля 1741 года Швеция, отказавшись признать императорский титул

Иоанна VI, объявила России войну под предлогом различных «обид и несправедливостей», чинимых ей Россией.

Однако удобный момент был пропущен. Турецкая война уже закончилась, и Россия могла обратить все свое внимание на северного врага. К тому же, несмотря на долговременную подготовку к войне, шведские силы оказались совершенно недостаточными для наступления, их не хватало даже на сколько-нибудь серьезную оборону (не выше 15 тыс. на широком фронте).

13 августа состоялся указ Императора-младенца о войне со Швецией, а уже 26 { 106 } главнокомандующий, фельдмаршал Ласси, наголову разбил корпус шведского генерала Врангеля под Вильманстрандом. У Ласси было 10 тыс., у Врангеля 6 тыс. Наш урон – 2400 убитых и раненых, шведов – 3300 убитых и раненых, 1300 пленных, четыре знамени, 13 орудий.

Этим сражением и закончилась кампания 1741 года. В дальнейшем война велась не столько в поле, сколько в кабинетах. Шведский главнокомандующий граф Левенгаупт по совету хитроумных версальских политиков опубликовал манифест, в котором уговаривал «достохвальную российскую нацию» не сопротивляться шведам, идущим освобождать Россию от ига иноземных временщиков. Манифест этот не имел ни малейшего успеха, но замечателен, как одна из первых попыток разложения тыла противника в военной истории нового времени. По словам Левенгаупта, «Швеция взялась за оружие «для освобождения русского народа от несносного ига, которое позволяют означенные иностранные министры... Намерения Короля Шведского состоят в том, чтобы избавить достохвальную русскую нацию для ее же собственной безопасности от тяжкого чужеземного притеснения и безчеловечной тирании и представить ей свободное избрание законного и справедливого правительства... Этого достигнуть будет невозможно до тех пор, пока чужеземцы по своему произволу и для собственных целей будут господствовать над русскими. Вследствие таких справедливых намерений Его Королевского Величества, должны и могут все русские соединиться со шведами и, как друзья, отдаваться сами и с имуществом под высокое покровительство Его Величества...».

Вступившая 25 ноября 1741 года на всероссийский престол Императрица Елизавета Петровна, хотя и расположенная к Франции (Шетарди, Лесток), с негодованием отвергла франко-шведские предложения уступки Выборгской области. Война продолжалась, и непрощеным «освободителям» пришлось круто.

В июле 1742 года русская армия перешла в решительное наступление по всему фронту за Кюмень. Были взяты Тавастгус и Борго, а 26 августа под Гельсингфорсом Ласси отрезал отступление шведской армии, которая и положила оружие в количестве 17 тыс. человек (русских было столько же).

Гельсингфорская капитуляция нанесла решительный удар Швеции, начавшей мирные переговоры. Переговоры эти, долго тянувшиеся, привели 16 июня 1743 года к подписанию Абосского мира, по которому Россия получала известные территориальные приращения. Граница со Швецией пошла по реке Кюмень.

В общем, война эта велась вяло, несмотря на наличие с нашей стороны бесспорного превосходства в силах. Военные действия сводятся к двум эпизодам: вильманстрандской баталии и гельсингфорскому маневру, делающим честь фельдмаршалу Ласси. Миних не принимал в этой войне участия. Он стал первым лицом в государстве, свергнув Бирона, но свержение брауншвейгской династии { 107 } положило конец его политической и военной деятельности.

Елизаветинская эпоха

Воцарение дочери Петра Великого встречено было общим ликованием в армии и во всей стране, как избавление от немецких порядков и засилья немецких временщиков.

Гренадерская рота Преображенского полка, способствовавшая перевороту 25 ноября, была названа «лейб-компанией», служившие в ней офицеры пожалованы генеральским чином, сержанты и капралы – штаб-офицерами и капитанами, все рядовые не дворяне возведены в дворянское достоинство. Императрица Елизавета приняла на себя звание полковника всех гвардейских полков. Значительное количество старших начальников из немцев было уволено, Миних сослан в Сибирь, где оставался все царствование Елизаветы. Из ссылки Миних (стараясь все время быть на виду) присылал всевозможные «прожекты», так что было велено, наконец, отобрать от него бумагу. Возник вопрос, как быть с кирасирским полком опального фельдмаршала, носившим его имя согласно указу Императрицы Анны «во веки». Выход был найден, и полк назван «бывшим Миниховым кирасирским», но уже в 1756 году получил № 3 (ныне 13 драгунский Военного Ордена).

Первое время петербургскому населению много приходилось терпеть от самоуправства гвардейских солдат, особенно лейб-кампанцев, не признававших над собой никакой власти. Весною 1742 года Гвардия отправлена в поход в Финляндию, где не без труда удалось ее взять в руки.

Войска подвергались ряду важных преобразований. В 1741 году – еще в правление Брауншвейгской фамилии, в полках восстановлены гренадерские роты, упраздненные было за десять лет до того. В 1747 году, по представлению Ласси, все полки переформированы из двух батальонного в трехбатальонный состав с одной полковой гренадерской ротой, а в 1753 году гренадерские роты образованы (сверх четырех фузилерных) в каждом батальоне. В 1756 году, накануне Семилетней войны, из третьих гренадерских рот различных полков сформировано четыре номерных гренадерских полка, и в полках осталось по 12 фузилерных и две гренадерские роты.

Вообще гренадеры были любимым родом войск Императрицы Елизаветы и притом не только в пехоте. В кавалерии было образовано девять конно-гренадерских полков (некоторые из них вскоре опять обращены в драгунские).

Когда по Белградскому миру 1739 года Австрия отдала Сербию туркам, сербы десятками тысяч устремились в Россию. Императрица Елизавета отвела им места на поселение вдоль южных границ на усиление ландмилиции (начало сербской колонизации было положено еще в царствование Анны Иоанновны). Сербов поселены частью на правом берегу Днепра – в Новой Сербии (Елизаветграде), частью на левом – в Славяно-Сербии (Славянок). Из поселенцев этих, стараниями Депрерадовича и Шевича, к концу царствования сформировано 12 гусарских полков, именовавшихся частью по национальностям (Сербский, Венгерский...), частью по цветам (Черный, Желтый и т. п.) {108}.

В 1748 году учреждено Оренбургское казачье войско (из Исетского войска и части Закамской ландмилиции), а в 1752 году учреждением в низовьях Волги Астраханского казачьего полка положено начало Астраханскому войску.

Важнейшим военным событием первой половины этого царствования, по окончании Шведской войны, был поход 30-тысячного корпуса князя Василия Репнина (сына князя Аникиты Ивановича) весной 1748 года из Лифляндии через Богемию и Баварию на Рейн для помощи союзнице Елизаветы, австрийской императрице Марии-Терезии. Поход удался вполне. Пруссия склонилась на мир {109}, русской же крови за чужие интересы на этот раз проливать не пришлось. Своим видом, порядком, дисциплиной русские войска, подобно корпусу Ласси за 13 лет до того, и теперь вызвали удивление и зависть иностранцев, начиная с императрицы, смотревшей корпус в Кремзире. В донесении Репнина военной коллегии: «Императрица объявила удовольствие о добром порядке войск, тако же, что люди хорошие... Еще же удивляются учтивости солдатской. Мы де вчера ездили гулять и заехали нечаянно в деревню. Солдат побежал дать знать без всякого крику и дал знать; до того часу как офицеры, так и солдаты из своих квартир выступили и отдали шляпами честь...» Императрица выразила сожаление

ние{110}, что не обратилась раньше за помощью к русским: «Тогда бы мы того не терпели, что ныне терпим». Француз Лопиталь, смотревший корпус Репнина в Риге, записал: «Русская армия хороша, что касается состава. Солдаты не дезертируют{111} и не боятся смерти».

Особенное влияние на дела армии приобрел в 1750-х годах президент военной коллегии – генерал-фельдцейхмейстер граф Петр Иванович Шувалов.

Обладая универсальными способностями (при полном неумении, однако, их согласовать), Шувалов брался за все, напоминая в этом отношении Миниха. Он упорядочил систему рекрутских наборов, до того времени производившихся неравномерно. В 1757 году вся страна была разделена на пять полос. Ежегодно производился набор в одной из них по очереди – так что в каждой полосе набор бывал раз в пять лет. Порядок сдачи рекрут был настоящей язвой нашей военной системы. Люди отправлялись в полки, зачастую за тысячу верст, обычно осенью и зимой. В рекруты сдавали многих заведомо негодных по здоровью и бесполезных общине. Смертность среди рекрутов в пути и по прибытии была громадна, побегі были тоже часты, и до полков доходила едва половина. Например, в набор 1756 года приговорено к отдаче 43 088 рекрут, сдано приемщикам 41 374, отправлено теми в полки 37 675, прибыло 23 571...

Убежденный сторонник огневой тактики, Шувалов считал главным родом оружия артиллерию. Пехота и конница должны были лишь обслуживать этот главный род оружия. Главным же видом артиллерии, по его мнению, являлся единорог (гаубица). Шувалов даже проектировал вооружить всю артиллерию исключительно единорогами.

Свои теории фельдцейхмейстер стал проводить в жизнь в середине 1750-х годов перед самым началом Семилетней войны. Он сформировал особый Обсервационный корпус из 11 тыс. человек, составивших 5 «мушкетерских» (номерных) полков особого устройства. Полки эти должны были являть сочетание пехоты с артиллерией, и на вооружении их состояло 36 единорогов особенной «шуваловской конструкции» – так называемых «секретных» (орудия эти окружены были большой таинственностью, их возили всегда закрытыми, прислуга особою присягою обязывалась никому не сообщать их устройства, хотя, по правде, эти единороги ничего особенного собой не представляли).

Единорог – геральдический зверь герба Шуваловых. В честь него в русской армии всю вторую половину XVIII и начало XIX века гаубицы звались единорогами. «Секретные» гаубицы отличались тем, что в одном теле было высверлено два канала – для стрельбы ядром (3-фунтового калибра) и специально для стрельбы картечью (в форме эллипса для лучшего рассеяния). По общему отзыву эти универсальные орудия стреляли одинаково плохо как ядрами, так и картечью. По уходе Шувалова (1762) единороги его в армии не удержались. Их пробовали продать французам, но те забраковали их по причине чрезмерного отката при выстреле. На составление «Обсервационного корпуса» из полков отбирали лучших людей, что влекло за собой всеобщее неудовольствие. Корпус этот сборного состава, громоздкий и тяжеловесный на походе, неповоротливый в бою (несмотря на то что число орудий в полках было убавлено наполовину – с 36 на 18), не имевший ни сколько-нибудь продуманной организации, ни полковых традиций – не выдержал боевого испытания: он был наголову разгромлен под Цорндорфом, остатки его расформированы, а «секретные» единороги Шувалова, попав в руки пруссаков, перестали быть секретными... «Обсервационным» корпус этот был назван в смысле опытного (обсервации подвергались здесь знаменитые единороги).

Артиллерия была в общем значительно усилена. Полковая была еще в 1745 году усилена (четыре пушки на пехотный полк), а с переходом пехотных полков на трехбатальонное положение, даже удвоена против прежней нормы (шесть трехфунтовых пушек на полк, по две на батальон). Полевая артиллерия была сведена в два полка общей численностью 140 орудий в строю и 92 в резерве при фурштадских (обозных) ротах. Сверх того, имелось 73 осадных орудия и 105 «секретных» гаубиц «Обсервационного корпуса». Число орудий действующей армии

было доведено в общем до 800. Для подготовки офицеров артиллерии был в 1758 году основан Артиллерийский и Инженерный кадетский корпус (ныне 2-й Кадетский).

Идеи Шувалова в сильной степени отразились на составлении Устава 1755 года, заменившего старый петровский Устав 1716 года, во всем касавшемся обучения и тактики войск. Придерживаясь оборонительных начал и строго огневой тактики, устав этот особенно важное значение отводил артиллерии. От пехоты требовалось главным образом – и в первую очередь – производство огня.

Пехота строилась в четыре шеренги, первые две стреляли с колена. Для стрельбы батальон (гренадеры и фузилеры вместе) рассчитывался на четыре plutonga, так что стрелковые подразделения не совпадали с административными. В развернутом строю гренадерские роты шли полуротно на обоих флангах батальона.

Наиболее употребительные «кареи» были: полковой, употреблявшийся при неподвижной обороне, преимущественно при отражении конницы: три первые фузилерные роты образовывали передний фас, три последние – задний; из оставшихся средних – три четные (4-я, 6-я, 8-я) образовывали правый, три нечетные – левый фасы. Гренадеры распределялись по фузилерным ротам и все вместе рассчитывались на plutongi, по три plutonga на фас. Полковая артиллерия становилась на углах, обычно по две пушки на передних, по одной на задних. При наступлении «сочинялся карей» иного рода – длинный, или «долгий» – о трех сторонах: восемь рот в переднем фасе, по две в каждом из боковых, заднего фаса нет. Этот трехсторонний «карей» был излюбленным построением нашей армии в блестящий период второй половины XVIII века.

Строевая часть усложнялась до чрезвычайности введением в каждодневный обиход громадного количества ненужных команд, приемов и построений, рабского копирования пруссачины. Петр Великий учил войска лишь тому, что им сможет пригодиться на войне. В середине XVIII века (в эпоху Шувалова и Чернышева), плац-парадные требования начинают заслонять собственно боевые. Команды были лихие «с замиранием сердца», но многословные и часто походили на монологи. Для заряжания, приклада и выстрела требовалось, например, по подразделениям подача тридцати особых команд – «темпов» («пли!» лишь на двадцать восьмом темпе, а на тридцатом ружье бралось «на погребение»). Введен был прусский журавлиный шаг и прусское наказание – палки – за плохой строй. Особенное внимание обращалось на быстроту заряжания и отчетливость приемов при этом. Если солдат ронял патрон, то тут же перед фронтом его нещадно били палками либо фухтелем.

Уставу 1755 года суждено было остаться мертвой буквой для большей части русской армии. Год спустя был объявлен поход, и на полях Пруссии было не до выстрелов «в тридцать темпов». А вскоре, по окончании Семилетней войны, вся эта плац-парадная премудрость сошла на нет в славное царствование Екатерины II, чтобы с новой силой воскреснуть при Императоре Павле и его двух сыновьях.

Надо заметить, что отношения России к Пруссии были при Елизавете самые холодные { 112 }. Вводя в армию пруссачину, Шувалов отдавал лишь дань общему для всей тогдашней Европы преклонению перед Фридрихом II, доведшим автоматическую выучку своих солдат до крайней степени совершенства и превратившим свои батальоны «в машины для стрельбы».

С этой армией-машиной нам и пришлось помериться силами два года спустя.

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ I:

Лейб-гвардии С. Петербургский (1726 г. – Аджеруцкий, с 1790 г. – С. Петербургский);

15-й гренадерский Тифлисский (1726 г. – Куринский, с 1784 г. – Тифлисский);

23-й пехотный Низовский (1726 г. – Астаринский, с 1732 г. – Низовский);

80-й пехотный Кабардинский (1726 г. – Ранокуцкий, с 1732 г. – Кабардинский).

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТРИЦЕЙ АННОЙ:

Лейб-гвардии Измайловский (1730 г.);

31-й пехотный Алексопольский (1731 г. – Алексеевский, Закамской ландмилиции, с 1784 г. – Алексопольский);

1-й кадетский корпус (1731 г. – Офицерское училище{113}, с 1801 г. – 1-й Кадетский корпус).

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕЛИЗАВЕТОЙ:

Лейб-гвардии Гренадерский (1756 г. – 1-й Гренадерский, с 1813 г. – Лейб-гвардии Гренадерский);

1-й гренадерский Екатеринославский (1756 г. – 3-й Гренадерский, с 1785 г. – Екатеринославский);

6-й гренадерский Таврический (1756 г. – 2-й Гренадерский, с 1785 г. – Таврический);

10-й гренадерский Малороссийский (1756 г. – 4-й Гренадерский, с 1790 г. – Малороссийский);

11-й уланский Чугуевский (1749 г. – Чугуевский слободской казачий, с 1808 г. – уланский Чугуевский);

4-й гусарский Мариупольский (1748 г. – Бахмутский слободской казачий, с 1801 г. – гусарский Мариупольский);

2-й Кадетский корпус (1758 г. – Артиллерийский и Инженерный Кадетский корпус, с 1801 г. – 2-й Кадетский корпус).

Глава III

Семилетняя война

Быстрое усиление Пруссии вызвало общую зависть и тревогу среди европейских держав. Австрия, потеряв в 1734 году Силезию {114}, жаждала реванша. Францию тревожило сближение Фридриха II с Англией. Русский канцлер Бестужев считал Пруссию злейшим и опаснейшим врагом России. Еще в 1755 году Бестужев хлопотал о заключении так называемого субсидного договора с Англией. Англии надлежало дать золото, а России – выставить 30–40 тыс. войска. «Прожекту» этому так и суждено было остаться «прожектом». Бестужев, правильно учитывая значение для России прусской опасности, обнаруживает в то же время полное отсутствие зрелости суждения. Он полагает сокрушить Пруссию Фридриха II «корпусом в 30–40 тыс.», а за деньгами обращается не к кому иному, как к союзнице Пруссии – Англии. При таких обстоятельствах в январе 1756 года Пруссия заключила союз с Англией, ответом на что явилось образование тройственной коалиции из Австрии, Франции и России, к которым присоединились Швеция и Саксония. Австрия требовала возвращения Силезии, России была обещана Восточная Пруссия (с правом обмена ее у Польши на Курляндию), Швеция и Саксония соблазнены другими прусскими землями: первая – Померанией, вторая – Лузацией. Вскоре к этой коалиции примкнули почти все немецкие княжества (государства имперского союза). Душой всей коалиции явилась Австрия, выставившая наибольшую армию и располагавшая лучшей дипломатией. Австрия очень ловко сумела заставить всех своих союзников, и главным образом Россию, обслуживать ее интересы.

Пока союзники делили шкуру неубитого медведя, Фридрих, окруженный врагами, решил не дожидаться их ударов, а начать самому. В августе 1756 года он первый открыл военные действия, пользуясь неготовностью союзников, вторгся в Саксонию, окружил саксонскую армию в лагере у Пирны и заставил ее положить оружие. Саксония сразу же выбыла из строя, а плененная ее армия почти целиком перешла на прусскую службу.

Русской армии поход был объявлен в октябре 1756 года и в течение зимы она должна была сосредоточиться в Литве. Главнокомандующим назначен был фельдмаршал граф Апраксин, поставленный в самую тесную зависимость от Конференции – учреждения, заимствованного от австрийцев и представлявшего собою в русских условиях ухудшенное издание пресловутого «гофкригсрата». Членами Конференции были: канцлер Бестужев, князь Трубецкой, фельдмаршал Бутурлин, братья Шуваловы. Впрочем, одним этим наше австрофильство не ограничивалось, а шло гораздо далее – Конференция сразу попала всецело под австрийское влияние и, командуя армией за тысячу верст от Петербурга, руководилась, казалось, в первую очередь соблюдением интересов венского кабинета.

* * *

В 1757 году определилось три главных театра, существовавших затем в продолжении всей Семилетней войны – Франко-имперский (Западная Германия), главный или Австрийский (Богемия и Силезия) и Русский (Восточная Пруссия).

Кампанию открыл Фридрих, двинувшись в конце апреля с разных сторон концентрически – в Богемию. Он разбил под Прагой австрийскую армию принца Карла Лотарингского и запер ее в Праге. Однако на выручку ей двинулась вторая австрийская армия Дауна, разбившая Фридриха при Колине (июнь). Фридрих отступил в Саксонию, и к концу лета его положение сделалось критическим. Пруссия была окружена 300 тыс. врагов. Король поручил оборону против Австрии герцогу Бевернскому, а сам поспешил на Запад. Подкупив главнокоманду-

ющего северной французской армией герцога Ришелье и заручившись его бездействием, он после некоторых колебаний (вызванных дурными известиями с Востока) обратился на южную франко-имперскую армию. Фридрих II не был бы пруссаком и германцем, если бы действовал одними честными способами. Он заключил сделку с Ришелье, подобно тому, как Бисмарк провоцировал войну с Францией подделкой эмской депеши и как Вильгельм II, провоцировавший русскую мобилизацию подложным декретом (эпизод с «Локаль Анцейгером»), послал затем в Россию Ленина.

Германцы не изменились со времен Тацита. «Genus mendacio natum» – племя, рожденное во лжи... С армией численностью в 21 тыс. человек он наголову разгромил 64 тыс. франко-имперцев Субиза под Росбахом, а затем двинулся в Силезию, где Бевернский был тем временем разбит под Бреславлем. 5 декабря Фридрих обрушился на австрийцев и буквально испепелил их армию в знаменитом сражении при Лейтене. Это – самая блестящая из всех кампаний Фридриха (по словам Наполеона, за один Лейтен он достоин именоваться великим полководцем).

Русская армия, оперировавшая на второстепенном восточно-прусском театре войны, оставалась в стороне от главных событий кампании 1757 года. Сосредоточение ее в Литве заняло всю зиму и весну. В войсках был большой некомплект, особенно чувствовавшийся в офицерах (в Бутырском полку, например, не хватало трех штаб-офицеров из пяти, 38 обер-офицеров, – свыше половины, и 557 нижних чинов – свыше четверти. Административная и хозяйственная часть не была устроена).

В поход шли отнюдь не с легким сердцем. Пруссаков у нас побаивались. Со времен Петра I и особенно Анны, немец являлся для нас существом заповедным иного, высшего порядка, учителем и начальником. Пруссаком же был прямо всем немцам немец. «Фредерик, сказывают, самого француза бивал, а цесарцев и паче – где уж нам многогрешным супротив него устоять!»... Так рассуждали, меся своими башмаками литовскую грязь, будущие победители под Пальцигом и Кунерсдорфом. Скверная русская привычка всегда умалять себя в сравнении с иностранцем... После первой стычки на границе, где три наших драгунских полка были опрокинуты прусскими гусарами, всей армией овладела «превеликая робость, трусость и боязнь» (чистосердечно признается Болотов), – сказывавшиеся, впрочем, на верхах гораздо сильнее, чем на низах.

К маю сосредоточение нашей армии на Немане окончилось. В ней считалось 89 тыс. человек, из коих годных к бою – «действительно сражающихся» – не более 50–55 тыс., (остальные нестроевые всякого рода, либо неорганизованные, вооруженные луками и стрелами калмыки).

Пруссию обороняла армия фельдмаршала Левальда (30 500 регулярных и до 10 тыс. вооруженных жителей). Фридрих, занятый борьбой с Австрией и Францией, относился к русским пренебрежительно («русские же варвары не заслуживают того, чтобы о них здесь упоминать», – заметил он как-то в одном из своих писем).

Русский главнокомандующий, как мы знаем, зависел всецело от петербургской Конференции. Он не имел права распоряжаться войсками без формальной «апробации» кабинета, не имел права проявлять инициативу в случае изменения обстановки и должен был сноситься по всяким мелочам с Петербургом. В кампанию 1757 года Конференция предписала ему маневрировать так, чтобы для него «все равно было прямо на Пруссию или влево через всю Польшу в Силезию маршировать». Целью похода ставилось овладение Восточной Пруссией, но Апраксин до июня не был уверен, что часть его армии не будет послана в Силезию для усиления австрийцев.

25 июня авангард Фермора овладел Мемелем, что послужило сигналом к открытию кампании. Апраксин шел с главными силами на Вержболово и Гумбинен, выслав авангард генерала Сибильского – 6 тыс. коней, к Фридланду для действия в тыл пруссакам. Движение нашей армии отличалось медлительностью, что объясняется административными неурядицами, обилием артиллерии и опасением прусских войск, о коих ходили целые легенды. 10 июля глав-

ные силы перешли границу, 15-го прошли Гумбинен и 18-го заняли Инстербург. Конница Сибильского не оправдала возлагавшихся на нее надежд, как полтора года спустя – на этих же местах, не оправдывает их отряд Хана Нахичеванского... Левальд поджидал русских на сильной позиции за рекой Алле, у Велау. Соединившись с авангардом Фермором и Сибильским, Апраксин 12 августа двинулся на Алленбург, в глубокий обход позиции пруссаков. Узнав об этом движении, Левальд поспешил навстречу русским и 19 августа атаковал их при Гросс-Егерндорфе, но был отбит. У Левальда в этом сражении было 22 тыс., Апраксин имел до 57 тыс., из коих, однако, половина не приняла участия в деле. Участь боя решил Румянцев, схвативший пехоту авангарда и пошедший с ней через лес напролом в штыки. Пруссак этой атаки не выдержали. Трофеями победы было 29 орудий и 600 пленных. Урон пруссаков до 4 тыс., наш свыше 6 тыс. Эта первая победа имела самое благотворное влияние на войска, показав им, что пруссак не хуже шведа и турка бежит от русского штыка. Заставила она задуматься и пруссаков.

После егерндорфского сражения пруссаки отошли к Веслау. Апраксин двинулся за ними и 25 августа стал обходить их правый фланг. Левальд не принял боя и отступил. Собранный Апраксиным военный совет постановил, ввиду затруднительности продовольствия армии, отступить к Тильзиту, где привести в порядок хозяйственную часть. 27 августа началось отступление, произведенное весьма скрытно (пруссак узнали о том лишь 4 сентября). На марше выяснилось, что вследствие полного неустройства невозможно перейти в наступление этой же осенью и решено отступить в Курляндию. 13 сентября покинут Тильзит, причем русский военный совет постановил уклониться от боя с авангардом Левальда, несмотря на все наше превосходство в силе (трусости и боязни, конечно, уже и помину не было, но пресловутая робость, видно, не успела окончательно покинуть наших старших начальников). 16 сентября вся армия отведена за Неман. Кампания 1757 года окончилась безрезультатно вследствие необычайного стеснения действий главнокомандующего кабинетными стратегами и расстройством хозяйственной части (в те времена не зависевшей от строевой, а имевшей, как мы то знаем, свою особенную иерархию).

Конференция требовала немедленного перехода в наступление (как обещала союзникам наша дипломатия). Апраксин ответил отказом, был отрешен от должности и предан суду (умер от удара, не дождавшись суда). С ним поступили несправедливо, Апраксин сделал все, что мог бы сделать на его месте любой начальник средних дарований и способностей, поставленный действительно в невозможное положение и связанный по рукам и ногам Конференцией.

* * *

Вместо Апраксина главнокомандующим был назначен генерал Фермор – отличный администратор, заботливый начальник (Суворов вспоминал о нем как о «втором отце»), но вместе с тем суетливый и нерешительный, прототип Куропаткина, Фермор занялся устройством войск и налаживанием хозяйственной части.

Фридрих II, пренебрежительно относясь к русским (с ними дела он лично еще не имел), не допускал и мысли, что русская армия будет в состоянии проделать зимний поход. Он направил всю армию Левальда в Померанию против шведов, оставив в Восточной Пруссии всего шесть гарнизонных рот. Фермор знал это, но не получая приказаний, не двигался с места.

Тем временем Конференция, чтобы опровергнуть ходившие в Европе, стараниями прусских «газетиров», предосудительные мнения о боевых качествах российских войск, приказала Фермору по первому снегу двинуться в Восточную Пруссию. Вот один образчик из тысячи (показания некоего «безпристрастного» иностранца, видевшего русскую армию): «Сколько-нибудь боеспособными – и то в очень невысокой степени – могут считаться лишь гренадерские полки, пехотные полки никакого сопротивления оказать не в состоянии... Самая посред-

ственная немецкая городская милиция качеством бесспорно выше российских войск... Солдаты худо обучены, еще хуже снаряжены, офицеры никуда не годятся, особенно в кавалерии: у русских даже поговорка сложилась: плох, как драгунский офицер...(!). В лице казаков Краснощекова, занявших Берлин, «газетиры» нашли оппонентов весьма... «хлестких»».

В первый день января 1758 года колонны Салтыкова и Румянцева (30 тыс.) перешли границу. 11 января занят Кенигсберг, а вслед затем и вся Восточная Пруссия, обращенная в русское генерал-губернаторство. Мы приобретали ценную базу для дальнейших операций и, собственно говоря, достигли поставленной нами цели войны. Прусское население, приведенное к присяге на русское подданство еще Апраксиным, не противилось нашим войскам (местные же власти настроены были благожелательно к России). Овладев Восточной Пруссией, Фермор хотел было двинуться на Данциг, но был остановлен Конференцией, предписавшей ему обождать прибытия «Обсервационного корпуса», демонстрировать совместно со шведами на Кюстрин, а затем идти с армией на Франкфурт. В ожидании летнего времени Фермор расположил большую часть армии у Торна и Познани, не особенно заботясь о соблюдении нейтралитета Речи Посполитой.

2 июля армия тронулась к «Франфору», как ей указано. Она насчитывала 55 тыс. бойцов. Расстройство Обсервационного корпуса («шуваловцев»), незнание местности, затруднения с продовольствием и постоянные вмешательства Конференции привели к напрасной трате времени, продолжительным остановкам и контрмаршам. Все маневры производились под прикрытием конницы Румянцева (4 тыс. сабель), действия которой можно назвать образцовыми. Военный совет постановил не ввязываться в бой с корпусом Дона (20 тыс. пруссаков), предупредившим нас во Франкфурте, и идти на Кюстрин для связи со шведами. 3 августа наша армия подошла к Кюстрину и 4-го приступила к его бомбардированию.

На выручку угрожаемому Бранденбургу поспешил сам Фридрих II. Оставив против австрийцев 40 тыс., он с 15 тыс. двинулся на Одер, соединился с корпусом Дона и пошел вниз по Одеру на русских. Фермор снял осаду Кюстрина и 11 августа отступил к Цорндорфу, где занял крепкую позицию. За высылкой на переправы через Одер дивизии Румянцева (12 тыс.), в строю русской армии было 42 тыс. человек при 240 орудиях. У пруссаков было 33 тыс. и 116 орудий.

Фридрих обошел русскую позицию с тыла и вынудил нашу армию дать ему сражение с перевернутым фронтом. Кровавое цорндорфское побоище 14 августа не имело тактических последствий. Обе армии разбились «одна о другую». В моральном отношении Цорндорф является русской победой и жестоким ударом для Фридриха. Тут, что называется, «нашла коса на камень» – и прусский король увидел, что «этих людей можно скорее перебить, чем победить».

Здесь же он испытал и первое свое разочарование: хваленая прусская пехота, изведав русского штыка, отказалась атаковать вторично. Честь этого кровавого дня принадлежит латникам Зейдлица и тем старым полкам железной русской пехоты, о которых разбился порыв их лавин... Русской армии пришлось перестраивать фронт уже под огнем. Правый и левый ее фланги разделялись оврагом. Обходной маневр Фридриха припирали нашу армию к реке Митчель и превратил главную выгоду цорндорфской нашей позиции (наличие естественной преграды перед фронтом) в чрезвычайную невыгоду (река очутилась в тылу). Со стороны Фермора, совершенно не управлявшего боем, не было сделано ни малейшей попытки согласовать действия двух разобщенных масс, и это позволило Фридриху обрушиться сперва на правый наш фланг, затем на левый. В обоих случаях прусская пехота была отражена и опрокинута, но, преследуя ее, русские расстроились (особенно «шуваловцы») и попали под удар прусских конных масс.

У нас кавалерии почти не было (всего 2700, остальные при Румянцеве). К концу сражения фронт армий составил прямой угол с первоначальным фронтом, поле битвы и трофеи на

нем были как бы поделены пополам. Наш урон – 19 500 убитыми и ранеными, 3 тыс. пленными (все переранены), 11 знамен 85 орудий, 54 процента всей армии. В строю Обсервационного корпуса из 9143 осталось всего 1687. У пруссаков – 10 тыс. убитыми и ранеными, 1500 пленными, 10 знамен и 26 орудий – до 35 процентов всего состава. Стойкость русских Фридрих II поставил в пример собственным войскам, особенно пехоте («... мое жалкое левое крыло бросило меня, бежало, как старые б...»).

Притянув к себе Румянцева, Фермор мог бы возобновить сражение с большими шансами на успех, но он упустил эту возможность. Фридрих отступил в Силезию, Фермор же задался целью овладеть сильно укрепленным Кольбергом в Померании. Он действовал нерешительно и в конце октября отвел армию на зимние квартиры по нижней Висле. Кампания 1758 года – успешный зимний и безрезультатный летний походы, была для русского оружия в общем благоприятной.

На остальных фронтах Фридрих продолжал активную оборону, действуя по внутренним операционным линиям. При Гохкирхе он потерпел поражение (Даун напал на него ночью), но нерешительность Дауна, не посмевшего воспользоваться своей победой, несмотря на двойное превосходство в силах, выручила пруссаков.

* * *

К открытию кампании 1759 года качество прусской армии было уже не то, что в предыдущие годы. Много погибло боевых генералов и офицеров, старых и испытанных солдат. В ряды приходилось ставить пленных и перебежчиков наравне с необученными рекрутами. Не имея уже тех сил, Фридрих решил отказаться от обычной своей инициативы в открытии кампании и выждать сперва действий союзников, чтобы потом маневрировать на их сообщения. Будучи заинтересованным в кратковременности кампании ввиду скудости своих средств, прусский король стремился замедлить начало операций союзников, и с этой целью предпринял конницей набеги по тылам их для уничтожения магазинов. В ту эпоху магазинного довольствия армий и «пяти переходной системы» уничтожение магазинов влекло за собой срыв плана кампании. Первый налет, произведенный на русский тыл в Познани небольшими силами в феврале, сошел пруссакам в общем благополучно, хотя и не причинил особенного вреда русской армии. Румянцев тщетно указывал Фермору при занятии квартир на всю невыгоду и опасность кордонного расположения. Это послужило даже причиной их размолвки. На 1759 год Румянцев не получил должности в действующей армии, а назначен инспектором тыла, откуда вытребован в армию уже Салтыковым. Другой набег в тыл австрийцев в апреле был гораздо успешнее, и австрийская главная квартира до того была им напугана, что отказалась от всяких активных действий в течение весны и начале лета.

Тем временем петербургская Конференция, окончательно подпав под влияние Австрии, выработала на 1759 год план операций, по которому русская армия становилась вспомогательной для австрийской. Ее предполагалось довести до 120 тыс., из коих 90 тыс. двинуть на соединение с цесарцами, а 30 тыс. оставить на нижней Висле. При этом главнокомандующему совершенно не указывалось, где именно соединиться с австрийцами и чем руководствоваться при совершении операций «вверх либо вниз по течению Одера».

Укомплектовать армию не удалось и до половины предположенного – ввиду настойчивых требований австрийцев пришлось выступить в поход до прибытия пополнений. В конце мая армия выступила от Бромберга на Познань и, двигаясь медленно, прибыла туда лишь в 20-х числах июня. Здесь был получен рескрипт Конференции, назначавший главнокомандующим графа Салтыкова (Фермор получал одну из трех дивизий). Салтыкову предписывалось соединиться с австрийцами в пункте, где эти последние того пожелают («буде Даун не согласится у Каролата, то у Кроссена»), засим ему приказывалось, «не подчиняясь Дауну, слушать его

советов»(!) – отнюдь не жертвуя армией ради австрийских интересов – и, в довершении всего, не вступать в бой с превосходными силами. Типичная кабинетная проза!..

Фридрих II, уверенный в пассивности Дауна, перебросил с «австрийского» фронта на «русский» 30 тыс. – и решил разбить русских до соединения их с австрийцами. Пруссак (сперва Мантейфель, после Дона, наконец, Ведель) действовали вяло и пропустили удобный случай разбить русскую армию по частям.

Не смущаясь присутствием этой сильной неприятельской массы на своем левом фланге, Салтыков двинулся 6 июля от Познани в южном направлении – на Каролат и Кроссен для соединения там с австрийцами. У него было до 40 тыс. строевых. Русская армия блистательно совершила чрезвычайно рискованный и отважный фланговый марш, причем Салтыков принял меры на случай, если армия будет отрезана от своей базы – Познани.

Пруссак поспешили за Салтыковым, чтобы предупредить его у Кроссена. 12 июля в сражении под Пальцигом они были разбиты и отброшены за Одер – под стены кроссенской крепости. В пальцигскую баталию 40 тыс. русских при 186 орудиях сражалось с 28 тыс. пруссаков. Против линейного боевого порядка последних Салтыков применил эшелонирование в глубину и игру резервами, что и дало нам победу, к сожалению, не доведенную достаточно энергичным преследованием противника до полного уничтожения пруссаков. Наш урон – 894 убитых, 3897 раненых. Пруссак показали свои потери в 9 тыс.: 7500 выбывших в бою и 1500 дезертировавших. На самом деле их урон был гораздо значительнее и его можно полагать не меньшим 12 тыс. {115}, одних убитых пруссаков погребено русскими 4228 тел. Взято 600 пленных, 7 знамен и штандартов, 14 орудий.

Все это время Даун бездействовал. Свои планы австрийский главнокомандующий основывал на русской крови.

Опасаясь вступить в сражение с Фридрихом, несмотря на двойное превосходство свое в силах, Даун стремился подвести русских под первый огонь и притянуть их к себе – в глубь Силезии. Но Салтыков, успевший «раскусить» своего австрийского коллегу, не поддавался на эту «стратажему», а решил после пальцигской победы двинуться на Франкфурт и угрожать Берлину.

Это движение Салтыкова одинаково встревожило и Фридриха, и Дауна. Прусский король опасался за свою столицу, австрийский главнокомандующий не желал победы, одержанной одними русскими без участия австрийцев (что могло бы иметь важные политические последствия). Поэтому, пока Фридрих сосредоточивал свою армию в Берлинском районе, Даун, «заботливо охраняя» оставленный против него слабый прусский заслон, двинул к Франкфурту корпус Лаудона, приказав ему предупредить там русских и поживиться контрибуцией. Хитроумный этот расчет не оправдался: «Франфор» был уже 19 июля занят русскими.

Овладев Франкфуртом, Салтыков намеревался двинуть Румянцева с конницей на Берлин, но появление там Фридриха заставило его отказаться от этого плана. По соединении с Лаудоном он располагал 58 тыс. (40 тыс. русских и 18 тыс. австрийцев), с которыми занял крепкую позицию у Кунерсдорфа.

Против 50 тыс. пруссаков Фридриха в берлинском районе сосредоточилось таким образом три массы союзников: с востока 5800 °Салтыкова, в 80 верстах от Берлина; с юга 65 тыс. Дауна, в 150 верстах и с запада 30 тыс. имперцев, в 100 верстах.

Фридрих решил выйти из этого несносного положения, атаковав всеми своими силами наиболее опасного врага, врага, наиболее выдвинувшегося вперед, наиболее храброго и искусного, притом не имевшего обычаем уклоняться от боя, короче говоря, русских.

1 августа он обрушился на Салтыкова и в происшедшем на кунерсдорфской позиции жестоком сражении – знаменитой «Франфорской баталии» – был наголову разбит, потеряв две трети своей армии и всю артиллерию. Фридрих намеревался было обойти русскую армию с тыла, как при Цорндорфе, но Салтыков не был Фермором: он немедленно повернул фронт

кругом. Русская армия была сильно эшелонирована в глубину на узком сравнительно фронте. Фридрих сбил первые две линии (захватив было до 70 орудий), но атака его захлебнулась, причем погибла кавалерия Зейдлица, несвоевременно ринувшаяся на нерасстроенную русскую пехоту.

Перейдя в сокрушительное контрнаступление во фронт и фланг, русские опрокинули армию Фридриха, а кавалерия Румянцева совершенно доконала пруссаков, бежавших кто куда мог. Из 48 тыс. королю не удалось собрать непосредственно после боя и десятой части! Окончательный свой урон пруссаки показывают в 20 тыс. в самом бою и свыше 2 тыс. дезертиров при бегстве. На самом деле их потеря должна быть не менее 30 тыс. Нами погребено на месте 7627 прусских трупов, взято свыше 4500 пленных, 29 знамен и штандартов и все 172 бывших в прусской армии орудия. Русский урон – до 13 500 человек (третья часть войска): 2614 убитыми, 10 863 ранеными. В австрийском корпусе Лаудона убито около 2500 (седьмая часть). Всего союзники лишились 16 тыс. человек. Отчаяние Фридриха II лучше всего сказывается в письме его к одному из друзей детства, написанном на следующий день: «От армии в 48 тыс. у меня в эту минуту не остается и 3 тыс. Все бежит, и у меня нет больше власти над войском... В Берлине хорошо сделают, если подумают о своей безопасности. Жестокое несчастье, я его не переживу. Последствия битвы будут еще хуже самой битвы: у меня нет больше никаких средств и, сказать правду, считаю все потерянным. Я не переживу потери моего отечества. Прощай навсегда».

Преследование велось накоротке; у Салтыкова после сражения оставалось не свыше 22–23 тыс. человек (австрийцы Лаудона в счет не могли идти: их подчинение было условное), и он не мог пожать плодов своей блистательной победы.

Даун, снедаемый завистью к Салтыкову, ничего не сделал со своей стороны для его облегчения, праздными же «советами» лишь досаждал русскому главнокомандующему. Фридрих II пришел в себя после Кунерсдорфа, бросил мысли о самоубийстве и вновь принял звание главнокомандующего (которое сложил с себя вечером «франфорской баталии»). 18 августа под Берлином у Фридриха было уже 33 тыс., и он мог спокойно взирать на будущее. Бездействие Дауна спасло Пруссию.

Австрийский главнокомандующий склонил Салтыкова двинуться в Силезию для совместного наступления на Берлин, но одного рейда прусских гусар в тыл было достаточно для поспешной ретирады Дауна в исходное положение... Обещанного для русских довольствия он не заготовил.

Возмущенный Салтыков решил действовать самостоятельно и направился к крепости Глогау, но Фридрих, предугадав его намерение, двинулся параллельно Салтыкову с целью его предупредить. У обоих было по 24 тыс., и Салтыков решил на этот раз в бой не ввязываться: рисковать и этими войсками за 500 верст от своей базы он считал нецелесообразным. Фридрих, помня Кунерсдорф, не настаивал на сражении. 14 сентября противники разошлись, а 19-го Салтыков отошел на зимние квартиры к реке Варте. У победителя при Кунерсдорфе (получившего фельдмаршальский жезл) хватило гражданского мужества предпочесть интересы России интересам Австрии и отвергнуть требование Конференции, настаивавшей на зимовке в Силезии совместно с австрийцами и наряде 20–30 тыс. русской пехоты в корпус Лаудона. Уже прибыв на Варту, Салтыков по настоянию австрийцев показал вид, что возвращается в Пруссию. Этим он спас доблестного Дауна и его 80-тысячную армию от померещившегося цесарскому полководцу наступления пруссаков («целых 40 тыс.!»).

Кампания 1759 года могла решить участь Семилетней войны, а вместе с ней и участь Пруссии. По счастью для Фридриха, противниками он имел, кроме русских, еще и австрийцев.

И Фридрих II, и его победитель Салтыков, и ангел-хранитель Даун – все трое выявили себя в этой кампании в полной мере...

* * *

В кампанию 1760 года Салтыков полагал овладеть Данцигом, Кольбергом и Померанией, а оттуда действовать на Берлин. Но доморощенные австрийцы на своей Конференции решили иначе и снова посылали русскую армию на побегушки к австрийцам в Силезию – победителей при Кунерсдорфе все равняли по побежденным при Лейтене! Вместе с тем Салтыкову было указано и «сделать попытку» овладения Кольбергом – т. е. действовать по двум диаметрально противоположным операционным направлениям. Положение Салтыкова осложнялось еще тем, что австрийцы не осведомляли его ни о движениях Фридриха, ни о своих собственных.

В конце июня Салтыков с 60 тыс. и запасом провианта на 2 месяца выступил из Познани и медленно двинулся к Бреславлю, куда тем временем направились и австрийцы Лаудона. Однако пруссаки заставили Лаудона отступить от Бреслава, а прибывший в Силезию Фридрих II разбил его (4 августа) при Лигнице. Фридрих II с 30 тыс. прибыл из Саксонии форсированным маршем, пройдя 280 верст в 5 дней (армейский переход – 56 верст). Австрийцы требовали перевода корпуса Чернышева (русский авангард) на левый берег Одера – в пасть врагу, но Салтыков воспротивился этому и отошел к Гернштадту, где армия и простояла до 2 сентября. В конце августа Салтыков опасно заболел и сдал начальство Фермору, который сперва пытался осадить Глогау, а затем, 10 сентября, отвел армию под Кроссен, решив действовать по обстоятельствам. Следующий факт отлично характеризует Фермора. Лаудон просил его помощи при предположенной им осаде Глогау.

Фермор, шагу не ступавший без разрешения Конференции, уведомил об этом Петербург. Пока за 1500 верст писались туда и обратно сношения и отношения, Лаудон передумал и решил осадить не Глогау, а Кемпен, о чем и поставил в известность Фермора. Тем временем получился рескрипт Конференции, разрешавший движение на Глогау, Фермор, слишком уж хорошо дисциплинированный полководец, двинулся на Глогау, несмотря на то что движение это, в связи с изменившейся обстановкой, теряло всякий смысл. Пройдя к крепости, Фермор увидел, что взять ее без осадной артиллерии невозможно. Корпус Чернышева с кавалерией Тотлебена и казаками Краснощекова (всего 23 тыс., наполовину конницы) отправлен в набег на Берлин.

23 сентября Тотлебен атаковал Берлин, но был отбит, а 28-го Берлин сдался. В набеге на Берлин, кроме 23 тыс. русских, участвовало 14 тыс. австрийцев Ласси{116}. Столицу защищало 14 тыс. пруссаков, из коих 4 тыс. взяты в плен. Разрушены монетный двор, арсенал и взята контрибуция. Прусские «газетиры», писавшие, как мы видели, всякие пасквилы и небылицы про Россию и русскую армию, надлежало перепороты. Мероприятие это навряд ли их сделало особенными русофилами, но является одним из самых утешительных эпизодов нашей истории. Пробыв в неприятельской столице четыре дня, Чернышев и Тотлебен удалились отсюда при приближении Фридриха. Важных результатов налет не имел.

Когда выяснилась невозможность сколько-нибудь продуктивного сотрудничества с австрийцами, Конференция вернулась к первоначальному плану Салтыкова и предписала Фермору овладеть Кольбергом в Померании. Занятый организацией набег на Берлин, Фермор двинул под Кольберг дивизию Олица. Прибывший в армию новый главнокомандующий фельд-маршал Бутурлин (Салтыков все болел) снял, ввиду позднего времени года, осаду Кольберга и в октябре отвел всю армию на зимние квартиры по нижней Висле. Кампания 1760 года не принесла результатов...

* * *

В 1761 году – по примеру ряда прошлых кампаний, русская армия была двинута в Силезию к австрийцам.

От Торна она пошла обычной своей дорогой на Познань и к Бреславию, но в этом последнем пункте была упреждена Фридрихом. Пройдя мимо Бреславля, Бутурлин связался с Лаудоном. Вся кампания прошла в маршах и маневрах. В ночь на 29 августа Бутурлин решил атаковать Фридриха под Гохкирхеном, но прусский король, не надеясь на свои силы, уклонился от боя. В сентябре Фридрих II двинулся было на сообщения австрийцев, но русские, быстро соединившись с этими последними, помешали тому и заставили Фридриха отступить в укрепленный лагерь при Бунцельвице. Затем Бутурлин, усилив Лаудона корпусом Чернышева (20 тыс.), отошел в Померанию. 21 сентября Лаудон штурмом взял Швейдниц, причем особенно отличились русские (Бутырский полк), а вскоре после того обе стороны стали на зимние квартиры. При штурме Швейдница русские два батальона первыми взойшли на валы, открыли затем ворота австрийцам и стали в полном порядке с ружьем у ноги на валах, в то время как у их ног австрийцы предавались разгулу и грабежу. Спартанцы и илоты! Союзники лишились 1400 человек. Пруссаков сдалось 2600 при 240 орудиях (1400 перебито).

Действовавший отдельно от главной армии корпус Румянцева (18 тыс.) 5 августа подошел к Кольбергу и осадил его. Крепость оказалась сильной, и осада, веденная при помощи флота, длилась четыре месяца, сопровождаясь в то же время действиями против прусских партизан в тылу осадного корпуса. Лишь непреклонная энергия Румянцева позволила довести осаду до конца – три раза созданный военный совет высказывался за отступление. Наконец, 5 декабря Кольберг сдался (в нем взято 5 тыс. пленных, 20 знамен, 173 орудия) и это было последним подвигом русской армии в Семилетнюю войну.

Донесение о сдаче Кольберга застало Императрицу Елизавету на смертном одре... Вступивший на престол Император Петр III – горячий поклонник Фридриха – немедленно прекратил военные действия с Пруссией, вернул ей все завоеванные области (Восточная Пруссия 4 года находилась в русском подданстве) и приказал корпусу Чернышева состоять при прусской армии. В кампанию 1762 года весною корпус Чернышева (преимущественно конница) совершал набеги на Богемию и исправно рубил вчерашних союзников-австрийцев, к которым русские во все времена – а тогда в особенности – питали презрение. Когда в начале июля Чернышев получил повеление вернуться в Россию (где в то время произошел переворот), Фридрих упросил его остаться еще «денька на три» – до сражения, которое он дал 10-го июля при Буркесдорфе. В этом сражении русские не участвовали, но одним своим присутствием (в качестве «фигурантов») сильно напугали австрийцев, ничего еще не знавших о петербургских событиях.

Так печально и неожиданно закончилась для нас прославившая русское оружие Семилетняя война.

Боевая работа Русской армии в Семилетнюю войну

Составляя едва лишь пятую часть общих сил коалиции, русская армия в качественном отношении занимала в ряду их первое место – и ее боевая работа превышает таковую же всех остальных союзных армий взятых вместе. Работа эта в конечном итоге оказалась безрезультатной. Виноват в этом не только Петр III – моральный вассал Фридриха – а также (и главным образом) наш австрийский союзник {117}.

Войну можно было бы кончить еще в 1759 году, после Кунерсдорфа, прояви австрийцы известный минимум лояльности, более того – понимай они правильно свои же интересы. Без-

дарный и нерешительный Даун пропустил тогда исключительно благоприятный момент. Эгоизм Австрии был настолько велик, что шел ей же во вред.

Жалкую роль некоего унтер-гофкригсрата играла петербургская Конференция, заботившаяся лишь о соблюдении австрийских интересов и упускавшая из виду свои собственные. Здесь, бесспорно, сказалось влияние нашей дипломатии, являвшейся во все времена защитницей интересов чужих государств в ущерб таковым же своего собственного. В те времена она подпала под влияние графа Кауница – знаменитого канцлера Марии-Терезии. В последующие эпохи Штейн, Меттерних, Бисмарк и Бьюкенен будут иметь в критические для России моменты преданных приказчиков в лице Нессельроде, Горчакова с Шуваловым, Сазонова...

Одна лишь кампания 1757 года и зимний поход 1758 года были нами ведены в наших собственных интересах. В 1758, 1759, 1760, 1761 годах соблюдались интересы Австрии, в 1762 – интересы Пруссии.

В 1762 году участь нашего векового врага была в наших руках. Одна Россия, без всякого участия союзников, могла добить погибавшую Пруссию. Наследство ордена Меченосцев – Кенигсберг и Мариенбург, было уже в наших руках. Но дочери Петра не суждено было завершить дела, начатого за пять столетий до того Александром Невским. Герцог голштинский спас короля прусского – спас ценою жизни Императора Всероссийского...

* * *

Действия русских войск в Семилетнюю войну – выше всякой человеческой похвалы. Ужас и восхищение объяли фридриховских ветеранов в кровавый вечер Цорндорфа при виде перебитых, но не разбитых батальонов, окровавленных, но грозных каре, стоявших несмотря ни на что, принимавших в штыки и приклады налетавшие лавины зейдлицких центавров и добившись того, что последнее слово в тот памятный день осталось за ними.

Один из участников цорндорфской битвы, Болотов, так описывает последние ее моменты: «Группами, маленькими кучками, расстреляв свои последние патроны, они оставались тверды, как скала. Многие, насквозь пронзенные, продолжали держаться на ногах и сражаться; другие, потеряв ногу или руку, уже лежа на земле, пытались убить врага уцелевшей рукой...»

Другой участник – прусский ротмистр фон Кате, видел атаку Зейдлица и видел, как «русские лежали рядами, целовали свои пушки – в то время как их самих рубили саблями – и не покидали их»...

Отличалась не одна пехота. В течение всей войны наша конница оказывала армии неоценимые услуги под командой Румянцева, Чернышева, Краснощекова. В цорндорфскую и кунерсдорфскую кампанию 1758 и 1759 годов – это было действительно всевидящее око армии. Ни одно движение неприятеля не ускользало от ее зорких глаз, ни один шаг прусских войск не оставался незамеченным и не доложенным своевременно. В Семилетнюю войну русская конница являлась единственной, способной решать задачи стратегического характера. Ее выучка оказалась превосходной – как в конном строю (Кунерсдорф), так и в пешем. При отходе Фермора после Цорндорфа в Померанию, 20 спешенных драгунских и конно-гренадерских эскадронов отряда Румянцева задержали на целый день 20-тысячный прусский корпус у Пасс-Круга. Драгунская выучка и наличие конной артиллерии делали русскую конницу способной на такие дела, которые были не под силу никакой иностранной кавалерии.

Артиллерия была многочисленна и стреляла превосходно. Сказались результаты отдаваемого ей Шуваловым в мирное время предпочтения. Правда, многочисленность артиллерии несколько стесняла маневрирование. Под Цорндорфом, например, у нас приходилось 6 орудий на тысячу бойцов, вдвое больше, чем у пруссаков, в последующих же операциях примерно 5, т. е. все же больше, чем в других армиях (3–4). Со всем этим надо заметить, что артиллерия

Шувалова с честью выдержала испытание Семилетней войны и долгое время еще победно гремела на полях сражений Екатерининской эпохи, пока не уступила место артиллерии Аракчева, со славою крещенной в лучах наполеоновской звезды.

Обозы были громоздки (но не в такой степени, как при Минихе). Русские полководцы все отдавали дань эпохе и применяли исключительно магазинную систему довольствия. К насильственным реквизициям у населения русские варвары не прибегали, хотя прусские «газетеры» (которым, как мы уже знаем, это даром не прошло) и писали о людоедстве казаков и калмыков и всевозможных русских зверствах. В последние две кампании русские главнокомандующие заготавливали довольствие на два месяца вперед, отправляясь на соединение с австрийцами, ибо по опыту Салтыкова после Кунерсдорфа знали, чего стоят их обещания заготовить провиант.

В эту войну русские войска получили и коллективные награды за боевые отличия: полкам Чернышевского корпуса пожалованы серебряные трубы «за взятие Берлина сентября 28-го 1760 года». Их получили полки – гренадерские № 1-й (ныне Лейб-гвардии Гренадерский) и № 4-й (ныне 10 гренадерский Малороссийский); пехотные – Кексгольмский (ныне Лейб-гвардии Кексгольмский) Невский, Муромский. Суздальский, Апшеронский, Выборгский, Киевский (ныне 5 гренадерский Киевский); кавалерийские – Санкт-Петербургский карабинерный (ныне 1-й уланский Санкт-Петербургский) и № 3-й Кирасирский (бывший Минихов, ныне 13-й драгунский Военного Ордена). Эти два кавалерийские полка за отличие в Семилетнюю войну получили, кроме того, серебряные литавры – и до сих пор являются единственными полками в русской коннице, имеющими это боевое отличие. Первой коллективной наградой был нагрудный знак, пожалованный в 1700 году Петром Великим за Нарву офицерам Преображенского и Семеновского полков. В 1737 году Императрица Анна пожаловала своему Измайловскому полку серебряные трубы за взятие Очакова. По преданию, за Кунерсдорф, где он своим порывом увлек другие полки и дрался «по колена в крови», Апшеронский полк был награжден красными чулками.

* * *

Перейдем теперь к русской стратегии. О кабинетных стратегах петербургской Конференции упоминать больше не будем (скажем по-фридриховски, что эти варвары не стоят того, чтобы о них упоминать). Рассмотрим исключительно полевую стратегию. Всю войну она была скована стратегией кабинетной. Выдающиеся начальники, как Салтыков, ослабляли эти узы – посредственные, как Фермор, следовали указке слепо.

Остановимся на полководчестве Салтыкова и Румянцева. Первый из них блестяще кончил, а второй блестяще начал свое боевое поприще.

Победитель Фридриха Салтыков – «старичок седенький, маленький, простенький, в белом ландмилищком кафтане, без всяких украшений и без пышностей... – вспоминает про него Болотов, – имел счастье с самого уже начала своего полюбовиться солдатам». Его любили за простоту и доступность и уважали за необычайную невозмутимость в огне. Салтыков обладал в большой степени здравым смыслом и (что делает из него вождя в истинном значении слова) сочетал с воинской храбростью большое гражданское мужество. Он умел разговаривать с наглыми австрийцами и наотрез отказывался выполнять требования Конференции, шедшие вразрез с интересами русской армии и несовместимые с достоинством России. Отдельные операции Салтыкова весьма поучительны: гольцин-пальцигский маневр (фланговый марш к Кроссену); пальцигское сражение, где Салтыков, опережая свою эпоху, эшелонирует войска в глубину (игра резервами); Кунерсдорф – и перемена фронта на 180 градусов, как только замечен маневр Фридриха; наконец, действия после Кунерсдорфа (фланговый марш на Глогау). Кампания 1759 года ставит Салтыкова головою выше всех союзных полководцев Семилетней войны.

Для Румянцева эта война была несравненной боевой школой. Впервые он проявил себя под Гросс-Егерндорфом, когда, схватив пехоту авангарда{118}, продрался с ней сквозь непроходимую чащу и принял в штыки хваленую прусскую пехоту, внушавшую тогда еще «робость, трусость и боязнь». Он показал нашему солдату, что пруссак не так уж страшен и русского штыка, во всяком случае, не любит. Эта атака Румянцева решила участь дня. В последующие кампании Румянцев зарекомендовал себя замечательным кавалерийским начальником, не уступая Зейдлицу в атаках и значительно превосходя Цитена в аванпостной службе. Самостоятельным начальником ему довелось быть впервые лишь в последнюю кампанию, под Кольбергом.

В общем, с русской стороны мы можем отметить следующие элементы:

- 1) Политика – слаба и несамостоятельна.
- 2) Стратегия «кабинетная» – несостоятельная и антинациональная, «полевая» всякий раз, когда ей удастся освободиться от пут «кабинетной», – хороша.
- 3) Тактика – хороша, а иногда – отлична.
- 4) Качество войск – при всех обстоятельствах превосходно.

Лучшим судьей действий русской армии был сам Фридрих II. Вначале он считал нас варварами, невеждами в военном деле. Уже Цорндорф заставил его изменить мнение («этих людей легче перебить, чем победить»). А много лет спустя, когда Румянцеву пришлось быть в Берлине, весь прусский генеральный штаб по приказанию монарха явился к нему на квартиру со шляпами в руках – «с почтением и поздравлением» – и старый король лично командовал на потсдамском полигоне в честь русского фельдмаршала экзерцицией, представлявшей кагульскую баталию...

Петр III

Вся трагедия Императора Петра III заключалась в том, что, вступив на престол своего великого деда, он продолжал чувствовать себя прежде всего герцогом голштинским, а потом уже императором всероссийским. Интересы его маленькой родины были ему ближе и понятнее интересов громадной вотчины, доставшейся ему от нелюбимой тетки и предназначавшейся им играть роль «хинтерланда» для голштинской политики.

Император Петр Федорович обещал быть правителем справедливым и гуманным, судя по его кратковременному царствованию. Он подтвердил обещание Елизаветы: никого не казнить смертью и упразднил Тайную Канцелярию. Дана широкая терпимость раскольникам, прощение беглым крепостным, наконец, издан знаменитый Указ о вольности дворянской, по которому дворянство окончательно освобождалось от обязательной государственной службы. Кто знает, быть может со временем он упразднил бы рабство, заменив его барщиной на голштинско-прусский образец.

Однако все его благие намерения уничтожались полным непониманием государственных интересов России и подчинением их частным интересам голштинского герцогства. Из-за тяжбы голштинцев с датчанами император всероссийский решил вовлечь Россию в войну с Данией – ее естественной союзницей на Балтийском море.

Государь окончательно восстановил против себя Гвардию подчеркнутым к ней пренебрежением и предпочтением выписанным из Голштинии «образцовым» немецким войскам, с которых эти «птенцы гнезда Петрова» должны были брать пример. Введены прусские экзерциции, ежедневные вахтпарады с непременною участиию шефов. Вместо прежнего удобного «петровского» обмундирования дана новая форма – тесная, неудобная, точный сколок с прусской. Командирам полков предоставлена свобода в выборе цвета обмундирования, как имело место в Пруссии: появились белые, красные, оранжевые мундиры. Войска, бывшие в заграничном походе, так и не успели их получить... Вельможам, числившимся шефами полков,

батальонов и рот, указано присутствовать ежедневно на вахтпарадах и проделывать все эзерциции. Для людей в большинстве весьма пожилых и давно отвыкших от строя нововведение это было не из приятных. В апреле упразднены прославленные в боях наименования полков – им велено впредь именоваться по шефам, как в прусской армии. Полки из трех батальонного состава сведены в двухбатальонный – по одной гренадерской и пять «мушкетерских» рот (наименование «мушкетер», взятое опять-таки из прусского обихода, заменило «фузилера»). Этим узаконен порядок, сложившийся сам собою в последней кампании Семилетней войны, когда полки брали в поход два батальона, а один оставляли в тылу. Фридрих II любил кирасир, почему и в русской армии большинство драгунских полков обращено в кирасирские...

Перспектива непопулярной войны с Данией, а еще больше безобразное окончание славной для нашего оружия Семилетней войны и фактическое подчинение России Фридриху восстановило против Петра III все тогдашнее общественное мнение. Выразителем общего негодования явился Ломоносов:

Слышал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О, стыд! О, странный оборот!..

Недовольство выразилось в последних числах июня в открытом мятеже. 28 июня 1762 года Петр III был низложен и на престол вступила Императрица Екатерина Алексеевна.

Глава IV

Век Екатерины

Царствование Императрицы Екатерины II в военном отношении может быть разделено на две половины – «румянцевскую» и «потемкинскую». Первая обнимает собою 1760-е и 1770-е годы, вторая – 1780-е и 1790-е.

«Румянцевскому» периоду предшествовала в самом начале короткая переходная эпоха. По свержении Петра III президентом военной коллегии был назначен Чернышев. Преданный Петру и казавшийся «новым людям» подозрительным, Румянцев получил приказание сдать армию Панину и два года после этого оставался не у дел.

Первые же распоряжения Екатерины отменяли постылые «голштинские» порядки. Полкам возвращены их славные имена, возвращена и старая елизаветинская форма. Голштинцы водворены к себе на родину, поход на Данию отменен, но и война с Пруссией не возобновлена.

Под руководством Чернышева был издан в 1763 году новый полевой устав. Устав этот почти полностью подтверждал положение предыдущего шуваловского Устава 1755 года. Те же линейные боевые порядки, то же одностороннее увлечение «производством огня», та же пруссачина во всех видах и проявлениях... Для составителей Устава 1763 года опыт только что минувшей Семилетней войны пропал даром. Они не видели, не хотели видеть блестящей штыковой работы наших цорндорфских и кунерсдорфских полков – они видели лишь огонь прусского развернутого строя! Их творчество является одним из слишком многочисленных примеров бессмысленного нашего благоговения пред иностранцами вообще и пруссаками в частности.

В следующем 1764 году Румянцев, оцененный Императрицей по достоинству, возвратился к деятельности. Творчество доморощенных потсдамцев было сдано немедленно в архив, и для русской армии наступила новая эра.

Румянцевский период

При всеобъемлющем уме, Румянцев отличался цельностью характера, с которой сочеталась редкая гуманность. Без шуваловского дилетантизма, без миниховского рутинерства и суетливости, он разрешал все разнообразные проблемы устройства российской вооруженной силы.

Глубокий мыслитель, смотревший всегда и раньше всего «в корень» дела, Румянцев понимал самобытность России и все различие между русской и западноевропейской военными системами – различие, вытекающее из этой самобытности. «Мы мало сходствуем с другими европейскими народами», – подчеркивал он в своих «Мыслях по устройству воинской части». Румянцев был первым военным деятелем после Петра Великого, посмотревшим на военное дело с точки зрения государственной, без одностороннего увлечения специалиста. Он указывает на необходимость соблюдать соразмерность военных расходов с другими потребностями. Благосостояние армии зависит от благосостояния народа, поэтому надо стараться, чтобы «несразмерным и безповоротным вниманием (податей и рекрутов) не оскудеть оный».

В эпоху господства во всей Европе бездушных прусских рационалистических теорий, формализма и автоматической – «фухтельной» дрессировки, Румянцев первый выдвигает в основу воспитания войск моральные начала – нравственный элемент, причем воспитание, моральную подготовку, он отделяет от обучения, подготовки «физической». Историки «левого» толка, в том числе и Ключевский, стремятся изобразить Румянцева «крепостником», намеренно искажая правду. Победитель при Кагуле, точно, не жаловал утопий Руссо, входивших тогда в моду у современных снобов, и сознавал всю их антигосударственность, что делает

честь его уму. Румянцев признавал, правда, лишь в крайних случаях, воспитательное значение телесных наказаний, но не был таким энтузиастом порки, как Фридрих II в Пруссии, граф Сен-Жерменский во Франции и пресловутые энциклопедисты – эти патентованные «передовые умы» XVIII века. Гуманность Румянцева в защите не нуждается, она была отмечена современниками («благословен до поздних веков да будет друг сей человеков», – писал про него Державин) и сделалась своего рода семейной традицией. Старший его сын, канцлер, противник бесполезной для страны бойни 1812–1814 годов { 119 }, младшему Россия обязана Указом о вольных хлебопашцах.

Поучения и наставления свои Румянцев собрал в 1770 году в «Обряд служб», ставший с тех пор строевым и боевым уставом славной екатерининской армии.

Требуя от подчиненных точного знания устава, Румянцев прежде всего добивался с их стороны дела и работы. «В армии полки хороши будут от полковников, а не от уставов, как бы быть им должно». В этом отношении особенно примечательны его «Инструкция полковничья полку пехотному» (1764) и таковая же полку конному (1766).

Лишь в великой румянцевской школе могли создаваться такие военные гуманисты, как Вейсман, Потемкин, Петр Панин, Репнин, сам Суворов... Гению Румянцева обязана русская армия появлением Суворова, творчество которого смогло благоприятно развиваться лишь в обстановке, созданной Румянцевым. Не будь Румянцева, в силе оставалась бы пруссачина – и командир суздальцев не преминул бы получить от военной коллегии «реприманд» за несоблюдение устава и требование настрояйшее впредь руководиться лишь артикулами оногo... Полк лишился бы «Суздальского учреждения», а Армия – «Науки Побеждать»...

В полевом управлении войск Румянцевым проводится разумная децентрализация, частная инициатива, отдача не буквальных приказаний, а директив, позволяющих осуществление этой инициативы. Он отнюдь «не входит в подробности, ниже предположения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности и не связывает рук»...

Полководческие дарования Румянцева сказались уже в Семилетнюю войну, где он первый ввел в русскую тактику активные начала, взамен господствовавших до тех пор активно оборонительных. В первую турецкую войну Екатерины, особенно в кампанию 1770 года, гений его выявился в полном размере. Полководец оказался на высоте организатора.

Румянцев явился основоположником русской военной доктрины. Он проявил творчество во всех областях военного дела. «Есть многие отделы, в которых не видно следов влияния, например, великого Суворова или Потемкина – пишет один из авторитетнейших исследователей русского военного искусства генерал Д. Ф. Масловский, – но нет ни одного отдела, где не осталось бы следов Румянцева. В этом смысле он единственный наследник дела Петра I и самый видный после него деятель в истории военного искусства в России, не имеющий себе равного и до позднейшего времени».

* * *

В 1760-х годах проведено много реформ. Прежде всего Чернышевым и Паниным возвращена в конце 1762 года из заграничного похода армия и произведена ее «демобилизация». Иррегулярные войска – казаки и калмыки, отосланы в свои области, а регулярные разведены по стране на «непременные квартиры». По последней «елизаветинской» росписи 1761 года вооруженные силы составили 606 тыс. человек, из коих, однако, свыше двух пятых – 261 тыс. – иррегулярных. По-видимому, добрая треть, а то и больше, всех этих сил существовала лишь на бумаге. В Семилетнюю войну, как мы видели, некомплект в войсках часто достигал половины штатного состава.

В 1763 году Россия разделена в военном отношении на восемь «дивизий» – т. е. округов: Лифляндскую, Эстляндскую, Финляндскую, С. Петербургскую, Смоленскую, Московскую, Севскую и Украинскую. Главная масса войск стояла, таким образом, в северо-западной части страны. В 1775 году, после первого раздела Польши, прибавлена Белорусская дивизия, а из Московской выделены Казанская и Воронежская. В 1779 году при обозначившемся уже поступательном движении на Кубань и к Кавказу, учреждена на юго-восток еще Пограничная дивизия. «Дивизии» эти представляли собой чисто территориальные организмы, наивысшей строевой единицей мирного времени оставался по-прежнему полк.

В 1763 же году у нас появилась легкая стрелковая пехота – егеря. Впервые они были заведены Паниным в своей Финляндской дивизии в количестве 300 человек – по 5 на роту из отборных стрелков. Опыт этот увенчался успехом, и уже в 1765 году при 25 пехотных полках (примерно половина общего их числа) были заведены отдельные егерские команды в составе одного офицера и 65 егерей. В 1769 году такие команды учреждены при всех полках. Назначение егерей было служить застрельщиками и драться в рассыпном строю, т. е. «производить огонь», но, конечно, не по прусскому образцу в «тридцать темпов», а по собственной русской сноровке, со «скоростью заряда и цельностью приклада». Егеря носили особую форму – темно-зеленый доломан со шнурами, темно-зеленые же брюки в обтяжку, маленькую шапочку и сапоги до колен.

Организация пехотных полков осталась в общем та же, что при Петре III – два батальона в шесть рот (один гренадерской, пять мушкетерских), команда пушкарей (четыре орудия – по два на батальон) и с 1765–1769 годов егеря. При выступлении полка в поход (а в славное царствование Екатерины тому представлялся часто случай) он оставлял на квартирах команду из двух рот, подготовлявших рекрут и игравших роль запасного полкового батальона-депо. Некоторые полки, особенно в конце царствования, имели 3–4 батальона.

Кавалерия получила характерный облик благодаря созданию нового типа тяжелой конницы – карабинер. В 1763 году их образовано 19 полков переформированием 13 драгунских и всех 6 конно-гренадерских. По мысли Румянцева, карабинеры должны были заменить кирасир и драгун, сочетая в себе свойство первых – силу удара (тяжелый палаш, рослый конский состав) со свойством вторых – возможностью действовать в пешем строю (наличие карабина позволяло вести огневой бой). В сущности, это были, если можно так выразиться, «покирасиленные драгуны».

В 1765 году упразднены слободские войска, а слободские полки (старейшие полки русской конницы) обращены в гусарские, в которых слободские казаки служили в порядке отбывания рекрутской повинности. Поселенные гусарские полки постепенно расформировывались, и поселенцы приписывались к казакам. В 1762 году поселенных полков считалось 12, а через десять лет осталось два. Непоселенных гусар было девять полков. Вскоре, однако, гусары были упразднены совершенно Потемкиным, образовав легкоконные полки.

В 1770 году упразднена ландмилиция на окраинах. Она вошла в состав казачьих войск.

К концу румянцевского периода конница состоит из двух основных типов: тяжелой – карабинер и легкой – казаков. Из 20 елизаветинских драгунских полков осталось всего шесть, из 17 кирасирских Петра III – только пять...

Кавалерийские полки были в составе пяти эскадронов, кроме гусарских и легкоконных, имевших по 10. Полевая артиллерия из двух полков развернута в пять (по 10 рот в каждом).

В бытность Румянцева генерал-губернатором Малороссии, в 1767 году, там произведена перепись населения (так называемая «румянцевская») – и на эту область распространена рекрутская повинность, лежавшая до той поры, как мы знаем, лишь на населении великороссийских губерний. Оборона южных границ подверглась полной переработке. Румянецев обратил главное внимание на устройство населения пограничных областей, его реформы (упразднение слободских войск, ландмилиции, поселений с их администрацией) имеют целью

централизацию и облегчение управления края. Вместо прежней кордонной системы укрепленных линий, Румянцев ввел систему «опорных пунктов», защищаемых подвижными силами.

В 1764 году гарнизонные полки переформированы в гарнизонные батальоны числом 84 (40 пограничных, 25 внутренних, но пограничного штата, 19 внутренних). Для службы на окраинах в 1770 году учреждено 25 полевых команд из всех родов оружия (упраздненных, однако, уже в 1775 году).

Румянцев проектировал разделить русскую армию на четыре рода сил: полевые войска, составляющие действующую армию, крепостные – для обороны укрепленных пунктов и усиления при надобности действующей армии, губернские – для несения чисто караульной службы внутри страны и, наконец, запасные – для обучения рекрут и подготовки их для полевой армии. Этим реформам не суждено было осуществиться. Начавшиеся войны отвлекли Румянцева в сторону полководческой деятельности, а по окончании их на северном небосклоне заблестела уже звезда Потемкина...

Первая Польская война 1768–1772 годов

После смерти короля Августа III в Польше возникли обычные раздоры по выбору нового короля. При поддержке Императрицы Екатерины (русские войска введены в Варшаву) на престол возшел Станислав Понятовский. За эту поддержку Государыня потребовала от Речи Посполитой восстановления в правах «диссидентов» – притесняемых поляками православных «меньшинств». Сейм – немогущий, но шовинистически настроенный, – ответил отказом. Тогда русский посол в Варшаве, князь Репнин, арестовал главарей сеймовой оппозиции и выслал их в Калугу. Этот поступок русского посла с правительством страны, при которой он аккредитован, служит ярким примером полнейшего упадка польской государственности. Устрашенный сейм решил было согласиться на восстановление в правах диссидентов, но это решение вызвало возмущение шовинистической части польского общества.

В феврале 1768 года недовольные, собравшись в Баре на Подолии, образовали «конфедерацию», объявили сейм низложенным и принялись расширять восстание. Король Станислав, бессильный за отсутствием каких-либо польских войск совладать с бунтовщиками, обратился за помощью к Императрице. Усмирение было поручено Репнину.

Русские отряды без труда одерживали верх над мятежниками. Однако скопища конфедератов, рассеиваясь перед нашими войсками, вновь собирались в других местах. У генерала Веймарна, которому Репнин приказал разогнать Барскую конфедерацию, было всего 6 тыс. при 10 орудиях. В 1768 году были взяты Бар и Бердичев, а генерал Вейсман с 400 всего обратил в бегство 1500 Потоцкого у Подгайцев. Литовские конфедераты избрали своим маршалком князя Радзивилла, который собрал 4 тыс. и заперся с ними в Несвижском замке. Однако при приближении одного лишь русского батальона – 600 человек – Радзивилл бежал, а все его войска сдались.

Сознавая невозможность продолжать борьбу с Россией собственными силами, конфедераты обратились за помощью к Франции (традиции Лешинского – тестя Людовика XV не были забыты). Версальский кабинет, «традиционно враждебный» России и управляемый искусным Шуазелем, немедленно же пришел им на помощь: непосредственной посылкой денег и инструкторов и косвенно – склонив осенью 1768 года турецкого султана объявить войну России.

В 1769 году конфедератов считалось до 10 тыс. Это, конечно, не была «80-тысячная армия», обещанная союзникам-туркам и подстрекателям-французам, однако их расположение – на юге Подолии у Каменца и Жванца – являлось стеснительным для нашей армии, действовавшей против турок. В феврале командовавший русской наблюдательной армией генерал Олиц разбил эти скопища при Жванце, и конфедераты бежали за Днестр. К лету очаг

партизанщины разгорелся в Люблинском районе, где действовал Пулавский с 5 тыс. отрядом, имея противниками драгун генерала Ренне и суздальцев Суворова. Отправляясь в ненастный ноябрь 1768 года в поход в Польшу из Новой Ладogi, Суздальский полк прошел 850 верст в 30 дней (средний переход 28 верст), причем на квартирах больных не оставлено, а в походе из 1200 захворало лишь шесть человек. Он пытался пробраться в Литву, но Ренне преградил ему дорогу в Брест, а Суворов, настигнув его банду у Влодавы, разгромил ее. Распространение партизанщины на Галицию побудило Румянцева (ставшего главнокомандующим против турок) занять Львов и Перемышль.

1770 год протек в партизанских действиях и переговорах. Из Франции к конфедератам прибыл генерал Дюмуре в качестве военного советчика и инструктора (своего рода Вейган XVIII столетия). По настоянию французов (соблюдавших на этот раз интересы Турции) поляки прервали переговоры и, собравшись в Эпериеше (в Венгрии), объявили короля Станислава низложенным.

* * *

Кампания 1771 года открылась наступлением конфедератов на Галицию. Слабые отряды генерала Веймарна, разбросанные от Варшавы до Львова, не могли оказать должного сопротивления, и конфедераты в короткое время овладели Краковом и другими важными пунктами. Однако анархизм поляков не замедлил сказаться и здесь: между вождями их возникли раздоры. Тщетно Дюмуре пытался примирить их – он лишь навлек на себя общую ненависть.

Тем временем Суворов двинулся со своим отрядом из Люблина и наголову разбил Дюмуре под Ландскроной. Затем он обратился на Пулавского, снова пытавшегося пробраться в Литву, разбил его у Замостья и отбросил его в Галицию. Этими двумя боями Великопольша, за исключением краковского района, была совершенно очищена от конфедератов. Зато восстание вспыхнуло в Литве, где коронный гетман Огинский в начале августа открыто примкнул к конфедерации.

Узнав об этом, Суворов пошел на Огинского. Быстрыми и скрытными маршами он устремился в Литву и на рассвете 13 сентября наголову разбил коронного гетмана при Столовичах. Поход на Огинского предпринят Суворовым по собственной инициативе. У гетмана было до 4 тыс., у Суворова всего 820 человек. Поляки застигнуты ночью врасплох и стремительным ударом с двух сторон выбиты из Столовичей. Наутро отряд Огинского окончательно добит, потеряв 1000 человек и всю артиллерию (12 орудий).

У Суворова убыло около 100 человек. Восстание в Литве было подавлено.

Оставался лишь краковский очаг конфедерации. Дюмуре был отозван во Францию и вместо него прислан генерал де Виомениль. Ему удалось овладеть в январе 1772 года краковским замком, но уже 25 января под Краков прибыл Суворов и осадил замок. Все усилия Виомениля заставить Суворова снять осаду оказались тщетными. Попытки деблокады замка вождями конфедерации тоже не увенчались успехом: они не доросли до таких сложных операций и были разбиты порознь. 12 апреля Краков сдался, и война против польской конфедерации окончилась. Движение это, будучи в конце концов «панской» затеей и лишенное сколько-нибудь популярных вождей, – отклика в массах польского народа не встретило.

Еще 6 февраля 1772 года по почину Фридриха II состоялся договор о разделе Польши, причем прусский король обещал нам свою помощь в случае войны с Австрией. Поведение Австрии одно время внушало серьезные опасения. Еще в 1771 году она заключила договор с Турцией, гарантируя этой последней возвращение всех занятых русскими турецких областей (и надеясь за это получить от турок Сербию, утраченную еще в 1739 году). Эта последняя, однако, скоро примкнула к выгодному договору. Так состоялся первый раздел Польши – раз-

дел, оставлявший еще жизнь анархичному, потерявшему способность управляться королевству, но не вызывавший сомнения о дальнейшей его судьбе...

Россия получала Белоруссию, Волынь и Подолию{120} – исконные русские области. Угнетению «диссидентов» наступил конец.

Первая Турецкая война Екатерины 1768–1774 годов

Причиной этой войны, как мы знаем, явилось натравливание французским кабинетом Порты на Россию с целью оказать содействие конфедерации. Поводом к ее объявлению послужило нападение гайдамаков на пограничное турецкое местечко Балту.

Султан, рассчитывая на помощь Франции, благосклонность Австрии и активную поддержку конфедератов, предполагал выставить до 600 тыс. человек. Главная армия (половина всего числа) должна была из Молдавии пройти в Польшу, соединиться с конфедератами и двинуться на Киев и Смоленск для восстановления Польши в границах XVII века. Другая армия должна была овладеть, при поддержке флота, Азовом и Таганрогом, а третья расправиться с восставшими христианами (в Черногории и Герцеговине). 6 октября война была объявлена, и остаток 1768 года прошел в деятельных военных приготовлениях обеих сторон.

Россия выставляла три армии: 1-я князя Голицына (80 тыс.) собиралась у Киева и должна была действовать наступательно, 2-я Румянцева, генерал-губернатора Малороссии, (40 тыс.), – у Бахмута и должна была защищать южные границы, 3-я Олица (15 тыс.) – обсервационная – у Брод. 1-я армия: 30 пехотных полков и 8 гренадерских батальонов, 19 кавалерийских полков – 68 батальонов, 95 эскадронов, при 136 полевых орудиях и 9 тыс. казаков. 2-я армия: 14 пехотных, 16 кавалерийских полков – 28 батальонов, 80 эскадронов, 50 полевых орудий, 10 тыс. казаков. 3-я армия: 11 пехотных, 10 кавалерийских полков – 22 батальона, 50 эскадронов, 30 полевых орудий, 1000 казаков. Полковая артиллерия (два орудия на батальон) не засчитана. Всего против ожидавшегося 600-тысячного полчища{121} выставлялось 120 тыс., но на самом деле гораздо меньше: некомплект был чрезвычайно велик, особенно в 1-й и 3-й армиях, достигая в среднем половины штатного состава. Так, например, в бригаде Вейсмана Бутырский и Муромский полки насчитывали: первый 716 штыков, второй – 790, вместо штатных 2300. Полк, имевший 1200–1500, считался уже «сильным». Для пополнения войск положено набрать 50 тыс. рекрутов.

* * *

Военные действия были открыты в январе 1769 года вторжением 100 тыс. татар и турок из Крыма на Украину, однако Румянцев быстро заставил отступить это полчище, а к весне сам выслал летучий отряд на Крым, усилив в то же время гарнизоны Азова и Таганрога. К лету он перевел главные силы своей армии к Елизаветграду, но дальше не смог двинуться: у него было всего 30 тыс., из коих треть вооруженных одними пиками казаков, тогда как на Днестре у Каушан стоял крымский хан со 110 тыс. татар и турок, а 30 тыс. татар угрожали с Перекопа. Все, что мог сделать Румянцев, – это распространить ложные слухи о движении своей армии в Подолию, что совершенно спутало расчеты противника. Центр тяжести событий перенесся в 1-ю армию на Днестре.

Князь Голицын открыл кампанию уже 15 апреля, не дожидаясь прибытия пополнений (в его армии считалось всего 45 тыс.). Молдавия восстала против турок, господарь бежал, и архиепископ ясский просил Голицына поспешить в Молдавию для принятия ее в русское подданство. Однако, вместо того чтобы сразу идти на Яссы, Голицын задался целью овладеть сперва Хотинном. Потеряв здесь даром время и не будучи в состоянии взять крепости, он отступил за Днестр за недостатком продовольствия и целый месяц простоял без действия в Подолии,

упустив исключительно благоприятный момент и предоставив туркам расправляться с молдаванами...

Тем временем великий визирь с 200 тыс. турок и татар переправился через Дунай у Исакии и двинулся в Бессарабию. Он действовал так же вяло, как и его противник Голицын – и целый месяц до половины июня простоял на Пруте. Во исполнение первоначального турецкого плана, визирь предложил послу конфедератов Понятовскому двинуться со всей ордою в «Ляхистан», но Понятовский, желая избавить свою страну от нашествия таких союзников, предложил ему двинуться главными силами в Новороссию (т. е. против Румянцева), оставив заслон в хотинском направлении.

План был принят. Отправив 60 тыс. янычар и татар под Хотин, визирь двинулся с остальными силами к Бендерам, чтобы оттуда идти на Елизаветград. Поход его не удался. Искусное распространение Румянцевым ложных слухов о своей армии заставило визиря переоценить силы гяуров. Он так и не решился перейти Днестр и отступил назад на Прут в урочище Рябая Могила (40 верст к югу от Ясса), отправив в Хотин сераскира Молдаванчи-пашу.

Голицын, узнав об усилении турок в Хотине, перешел к Каменцу и стал против Хотина. Этим движением он открывал дорогу главным силам турок на Киев (будь визирь немного предприимчивее) и, удаляясь от армии Румянцева, подвергал эту последнюю риску отдельного поражения. Узнав о движении визиря в Новороссию, Голицын решил воспрепятствовать ему в этом, предприняв усиленный поиск к Хотину. 24 июня он переправился через Днестр, отбил у села Пашкивцы атаку 80 тыс. турко-татар и блокировал Хотин. Прибытие сераскира Молдаванчи и крымского хана Девлет-Гирея побудило Голицына снять блокаду крепости и ретироваться за Днестр. Командующий 1-й армией счел цель похода – отвлечение турецких сил от Новороссии – достигнутой. Голицын придерживался той школы полководцев XVIII века, которая считала, что на войне главное не бой («достояние посредственности» – говорил Мориц Саксонский), а маневрирование с целью заставить противника отступить без боя.

В Хотине оставалось 20 тыс. турок. Армия Молдаванчи – 130 тыс. турок и татар стала в Липканах, на верхнем Пруте (у буковинского леса). Сам визирь со 150 тыс. стоял у Рябой Могилы, на среднем Пруте. 25 тыс. турок занимало Бендеры. С русской стороны – 40 тыс. Голицына стояли в Подолии против Хотина, 30 тыс. Румянцева в Новороссии у Елизаветграда.

Бездействие визиря и его лихоимство (присвоил 25 млн пиастров, назначавшихся для довольствия войска) побудили султана сместить его и назначить на его место Молдаванчи-пашу. Новый визирь получил повеление двинуться за Днестр и овладеть Подолией.

Наступление это закончилось для турок плачевно. Молдаванчи 29 августа переправил за Днестр до 80 тыс., но силы эти были сброшены Голицыным в реку. Отправленный 5 сентября за Днестр для фуражировок 12-тысячный отряд был полностью уничтожен.

Неудачи эти, в связи с отсутствием продовольствия и фуража, совершенно деморализовали неприятельскую армию, на три четверти состоявшую из иррегулярного ополчения и татар. Почти вся она разбрелась. Молдаванчи успел собрать в Яссах всего 30 тыс. (и вынужден был бежать от них: его хотели убить). У Рябой Могилы из них осталось всего 5 тыс.... Стотысячная турецкая армия развеялась как дым. Оставался лишь сильный гарнизон в Бендерах, слабые отряды в дунайских крепостях, да татарская орда в Каушанах.

* * *

Голицын не воспользовался столь благоприятно сложившейся обстановкой. Он занял без боя Хотин (где взято 163 пушки), но затем снова, в третий раз за кампанию, отступил за Днестр. Недовольная вялостью Голицына, Императрица назначила на его место Румянцева, которому велено сдать 2-ю армию Петру Панину.

Прибыв в 1-ю армию в конце октября, Румянцев расположил главные ее силы на квартиры в районе между Збручем и Бугом, 60 эскадронов и 108 орудий были расположены по ордер-дебаталии в прямоугольнике 70 верст в длину и 40 верст в ширину. Такое сосредоточенное положение позволяло немедленную боевую изготовку.

За Днестр и Прут – в Молдавию был двинут стратегический авангард – 17 тыс. по большей части конницы под названием Молдавского Корпуса и под командой генерала Штофельна. Штофельну было поручено управление Молдавией, только что присягнувшей на подданство русской Императрице.

Армия приведена в порядок. Полки по 2 и 3 соединены в бригады, а бригады в дивизии. Управление артиллерией децентрализовано и артиллерийские роты распределены по дивизиям. Зимой устраивались маневры и экзерции (особенное внимание обращено на быстроту движений и конные атаки).

Штофельн действовал отважно и энергично. В ноябре он овладел всей Молдавией до Галаца и большей частью Валахии, взяв в плен обоих господарей – врагов России. Военные действия в княжествах не прекращались всю зиму. Пользуясь слабостью и разбросанностью Молдавского Корпуса, турки и татары атаковали его в начале января 1770 года, но были наголову разбиты при Фокшанах. Затем Штофельн взял Браилов, снова разбил турок у Журжи и валахов у Бухареста.

Эти операции имели сильно деморализующее влияние на турок и особенно на татар. Однако султан проявил большую энергию. Не щадя затрат, он собрал новую армию, сменил крымского хана Девлета, рвение которого начало остывать, и назначил ханом Каплан-Гирея, которому приказал готовиться к походу от Каушан на Яссы для отобрания княжеств и сокращения Молдавского Корпуса до прихода главных русских сил.

План кампании на 1770 год был составлен самим Румянцевым, добившимся от Императрицы невмешательства Петербурга в его распоряжения. Ошибки своего предшественника он резюмировал так: никто не берет города, не разделавшись прежде с силами, его защищающими. Главной своей целью он положил уничтожение живой силы неприятеля, для сего 1-й армии надлежало действовать наступательно (воспрепятствовать переходу турок через Дунай), 2-й армии поручалась наступательно-оборонительная задача (овладение Бендерами и защита Малороссии), 3-я обсервационная армия упразднена и вошла отдельной дивизией в состав 1-й. Большие надежды возлагались на флот Орлова, которому из Средиземного моря надлежало проникнуть в Дарданеллы{122} и угрожать Константинополю.

* * *

Весть о приготовлениях хана к походу заставила Румянцева поторопиться с открытием кампании. Сознывая всю трудность удержания княжеств небольшими силами, он предписал Штофельну очистить Валахию и ограничиться лишь обороной восточной Молдавии, области между Прутом и Серетом.

Не ожидая укомплектования, Румянцев выступил в поход, и 12 мая его войска сосредоточились у Хотина. Под ружьем считалось (за исключением 5 тыс. нестроевых и 2 тыс. больных) – 32 тыс., составивших 10 пехотных и четыре кавалерийские бригады. Пехота сведена в три дивизии – Олица, Племянникова и Брюса.

Свирепствовавшая в Молдавии чума побудила было Румянцева остановиться в северной Бессарабии, однако критическое положение Молдавского корпуса заставило его идти вперед. Значительная часть этого корпуса и сам Штофельн погибли от чумы. Принявший команду князь Репнин собрал остатки корпуса на Пруте у Рябой Могилы, где с 20 мая стойко отбивал атаки татарской орды Каплан-Гирея (72 тыс. человек). Высланный Румянцевым конный авангард генерала Баура вошел в связь с Репниным 10 июня. Главные силы, задержанные плохими

дорогами, подошли лишь 16 числа, и в ночь на 17 Румянцев, невзирая на крепкую позицию и превосходные силы турко-татар, атаковал их при Рябой Могиле и отбросил на восток – в Бессарабию. Сильно укрепленный татарский лагерь при Рябой Могиле был взят широким обходным движением. Наш урон всего 46 человек, неприятель оставил до 400 тел. Всякого рода препятствия – естественные и искусственные – затруднили преследование{123}. Хан занял еще более сильную позицию на реке Ларга, где решил выждать прибытия главных сил визиря, переправлявшихся через Дунай, и конницы Абаза-паши (15 тыс.), шедшей от Браилова.

У Румянцева за выделением частей для обеспечения тыла было не более 25 тыс. Предугадывая намерение неприятеля, русский полководец решил разбить его по частям, не дожидаясь соединения всей 250-тысячной массы.

7 июля на рассвете он атаковал 55 тыс. турко-татар на Ларге и обратил их в бегство. Крымский хан бежал к озеру Ялпук, где простоял до конца кампании, потеряв дух и не проявляя активности. Подготовительные к бою движения Румянцев выполняет всегда ночью и атакует на заре. В ночных действиях всегда сказывается преимущество хорошо организованного и обученного войска над худо обученным, и Румянцев стремится это преимущество использовать. Наш урон на Ларге – 90 человек, неприятелей побито 1000 (в плен взято лишь 23), захвачен лагерь хана, восемь знамен, 33 орудия.

Тем временем визирь Молдаванчи{124}, задержанный разливом Дуная, смог переправиться (у Исаки) лишь в половине июля. Его армия насчитывала 150 тыс. бойцов (50 тыс. отборной пехоты – главным образом янычар – и 100 тыс. конницы), при 350 орудиях. Зная о слабости сил Румянцева, визирь был убежден, что раздавит русских одной своей многочисленностью. Войска, уверенные в победе, поклялись истребить русских.

У Румянцева оставалось в ружье всего 17 тыс. (около половины войск, с которыми он выступил из-под Хотина два месяца назад), однако он был уверен в своих войсках и решил разбить визиря до того, как он соединится с татарами.

20-го июля турки, двигаясь вдоль речки Кагул, расположились лагерем у села Гречени, намереваясь на следующий день атаковать русских. 80 тыс. татар стояло на Ялпуге в 20 верстах... Но Румянцев предупредил турок и на следующее утро 21 июля сам атаковал их и одержал над ними блистательную Кагульскую победу, навсегда прославившую его имя. Визирь бежал, оставив в наших руках 200 пушек{125} и весь лагерь, татарский хан последовал его примеру. Русская армия пошла на турок тремя дивизионными кареями и опрокинула их толпы. Внезапная контратака 10 тысяч янычар, набросившихся на дивизию генерала Племянникова, едва не имела успеха. Личный пример Румянцева, бросившегося в сечу, и его «стой, ребята!» спасли положение. Истреблением янычар закончилось поражение турецкой армии. Турки потеряли до 20 тыс. убитыми и ранеными, свыше 2 тыс. пленными, до 300 знамен и значков, 203 орудия. Наш урон – 960 человек. Преследование велось энергично: 23 июля авангард Баура настиг турок на переправе через Дунай и под Карталом добил расстроенные полчища, захватив остальную артиллерию (150 орудий). Перебравшись за Дунай, Молдаванчи смог собрать из всей своей армии лишь 10 тыс. человек...

Почти в один день с Кагульским{126} побоищем турецкий флот был уничтожен Орловым при Чесме. Константинополь был сожжен пожаром, янычары бунтовали, требуя мира.

Казалось, наступила благоприятная пора для перенесения военных действий за Дунай с целью склонения Порты на мир. Карл XII поступил бы именно так, но Румянцев, сознавая слабость своих сил (всего дивизия военного времени по нынешним понятиям) и опасаясь чумы, свирепствовавшей с особенной силой за Дунаем, решил ограничиться в этом году прочным занятием княжеств и взятием придунайских крепостей. Измаил сдался еще в конце июля, после Кагульской баталии. В августе взята Килия, в сентябре Аккерман. Оставался Браилов, где турки отбили штурм 24 октября, наиболее кровопролитное дело за всю кампанию (мы потеряли здесь 2 тыс. человек, тогда как под Кагулом – 1000.).

Однако в начале ноября и тот покинут турками. Так кончилась кампания 1770 года, одна из славнейших в нашей истории. Она решила участь войны, продлившейся еще три года, вследствие упорства султана, – турецкая армия так и не смогла оправиться от Кагульского разгрома.

Что касается действий 2-й армии, то она двинулась весной от Днепра к Днестру. Движение совершалось медленно вследствие разлива рек. Осторожный Панин обратил особое внимание на обеспечение сообщений со своей базой Елизаветградом, выстроил ряд укреплений и на каждом ночлеге, по примеру Петра I, воздвигал по редуту. Его армия не испытывала нужды ни в чем. 6 июля Панин перешел Днестр, 15-го осадил Бендеры, а 16 сентября, после двухмесячной осады, овладел ими после жестокого штурма. У Панина было 33 тыс., Бендеры защищало 18 тыс. турок, из коих убито 5 тыс., сдалось 11 тыс. во главе с сераскиром, бежало 2 тыс. Наш урон – 2500 убитых и раненых. В крепости взято 348 орудий. Оставив в Бендерах гарнизон, Панин отступил на Украину и стал на квартиры в районе Полтавы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.